

Дино С.

Связанные

Dino Show

Связанные

<https://litres.ru/74464524>

SelfPub; 2026

Аннотация

Авария забрала у неё память — и, возможно, не только её. Она не знает, кто ей друг, а кто враг, что в её прошлом было важным, а что — опасным. Каждый обрывок воспоминаний может стать ключом или ловушкой. Вернуться к прежней жизни или довериться пустоте и начать всё заново?

Даже собственное имя звучит как чужая метка, не больше.

Случайные сны, странные шрамы, внезапные реакции на обычные вещи — всё это складывается в тревожную мозаику. И чем ближе она подбирается к правде, тем яснее понимает: не каждое воспоминание стоит возвращать. Потому что кто-то очень хочет, чтобы она оставалась в неведении. А защитить её некому: она была одна, и сейчас эта чувство вдруг ощущается не как привычная броня, а как пугающая пустота.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	28
Глава 3	51
Глава 4	72
Глава 5	90
Глава 6	109
Глава 7 (Вернон)	125
Глава 8	145
Глава 9	161
Глава 10	181
Глава 11	203
Глава 12	221
Глава 13*	240
Глава 14	258
Глава 15 (Элизабет)	276

Dino Show

Связанные

Пролог

Маленький, хрупкий ребёнок сидел в своём шалаше — в этом небольшом домике, который в иные дни был крепостью, а сегодня стал последней линией обороны. Он забился в самый дальний угол, плотно зажмурил глаза и закрыл уши ладонями так сильно, что в висках застучала собственная кровь. Но даже сквозь эту глухую тишину пробивались звуки, от которых всё внутри сжималось в тугой узел: звон разбитой посуды, тяжёлый грохот, будто что-то рушилось, удары по двери — резкие, злые, отдававшиеся дрожью в полу.

Крики доносились откуда-то издалека, из-за стены, но ребёнку казалось, что они звучат прямо над ухом. Каждый новый вопль встряхивал его, как порыв ледяного ветра, срывающий последние остатки покоя. Он пытался спрятаться в свой мир — в тот, где мама тихо напевает колыбельную, где папа смеётся над какой-нибудь глупостью, где по вечерам все вместе смотрят мультики и пахнет тёплым молоком. Но этот мир рассыпался за стеной, и вместо него вползала чужая, страшная реальность.

И вдруг всё оборвалось. Резко, пугающе, до звенящей тишины. Она накрыла дом, как тяжёлое одеяло, и была даже страшнее криков — потому что в ней слышалось что-то окончательное, непоправимое.

Спустя всего несколько десятков секунд из нижнего этажа вместо ярости начал доноситься плач — болезненный, надрывный, переходящий в хриплые всхлипы. Ребёнок разобрал сквозь стену лишь обрывки: «Нет... нет... прости меня...» Эти слова пугали не меньше криков, потому что в них была не злость, а такая боль, от которой хотелось одновременно спрятаться и броситься на помощь.

Дверь в комнату резко распахнулась, и плач стал ближе, чётче, реальнее. В проёме мелькнули шаги, всхлипы, тяжёлое дыхание. А потом перед глазами ребёнка, прямо на стенке шалаша, вырос большой тёмный силуэт. Это был мужчина. Он стоял, опустив плечи, и вытирал лицо ладонью, будто пытался стереть с себя всё, что только что произошло, и никак не мог справиться.

На мгновение страх отступил, вытесненный другим чувством — жалостью. Силуэт был таким знакомым, таким родным, что внутри у ребёнка шевельнулось желание выйти, подойти, обнять, сказать: «Всё хорошо, я здесь». Хотелось успокоить того, кто всегда казался самым сильным.

Но страх был сильнее. Он сковывал, пригибал к полу, не давал сделать ни шага.

— Прости меня, прости, пожалуйста... я не хотел... я не

смог... — прозвучали слова, чуть дрожащие, хриплые, будто сказанные сквозь ком в горле. Мужчина постоял ещё немного, глядя в сторону шалаша — или, может быть, просто в пустоту, — а потом развернулся и медленно вышел из комнаты.

Ребёнок сжался ещё сильнее, зарылся под одеяло, которым всё это время прикрывался. Ткань была до жути тёплой и мягкой, она пахла домом и сном, и, не выдержав напряжения, он незаметно для себя провалился в забытие.

Проснулся он уже на чужих руках. Вокруг было непривычно светло и холодно, пахло не домом, а чем-то чужим, резким. Его нёс полицейский — спокойный, сосредоточенный, будто делал это тысячу раз. Ребёнок не сопротивлялся: он всё ещё не до конца понимал, что происходит, и ему казалось, что это просто странный сон, который вот-вот рассеется, и он снова окажется в своём шалаше, где всё тихо и безопасно.

Пока полицейский нёс его к выходу, ребёнок чуть повернул голову и увидел знакомые лица. Соседка стояла у подъезда в одной домашней одежде: её лицо было бледным, глаза широко раскрыты, а губы беззвучно шевелились, будто она пыталась что-то сказать, но не могла найти слов. Рядом сустились люди в форме, а к машине скорой помощи двое мужчин несли два чёрных мешка. Их движения были ровными, деловыми, и от этого становилось особенно жутко — будто всё уже решено, всё уже случилось, и ничего нельзя вернуть.

Мир качнулся, потемнел по краям, и ребёнку снова пока-

залось, что он просто проваливается обратно в сон. Только теперь это был не уютный сон в шалаше, а тяжёлый, глухой провал, в котором не было ни света, ни голоса, ни надежды, что кто-то скажет: «Всё будет хорошо».

Глава 1

Дождь шёл уже третий час подряд, размывая огни Буффало до тусклых жёлтых пятен, будто кто-то смазал их мокрой кистью по тёмному холсту ночи. Роуи не замечала ни капель, стекавших по открытым плечам, ни того, как ветер треплет волосы, превращая их в спутанную влажную вуаль. Она вообще почти ничего не замечала — только дорогу перед собой, узкую ленту асфальта, и собственные слёзы, которые никак не заканчивались, смешиваясь с дождём и теряя смысл даже в собственной горечи.

Серебристый кабриолет летел по окраине города, будто пытался обогнать саму ночь, вырваться из её цепких объятий. Музыка в колонках орала что-то про разбитые сердца, про боль, которая не лечится временем, — но Роуи её не слышала. В голове стучало только одно: «Всё не так. Всё пошло не так». Она сжимала руль до побелевших костяшек, а мысли путались, как нитки в старом клубке, где каждый узел затягивался всё туже, не давая распутаться ни одному воспоминанию, ни одной причине, по которой она мчалась сквозь ливень.

Она не поняла, в какой момент дорога ушла из-под колёс. Просто в один миг асфальт сменился скользкой обочиной, машина дёрнулась, заскользила, будто кто-то выбил землю из-под неё. Ещё секунда — и вместо дороги перед глазами

была только тёмная, тяжёлая вода, накрывшая капот, потом лобовое стекло, потом весь мир.

Когда сознание вернулось, вокруг был не мрак, а слишком яркий, стерильный свет, безжалостно обнажавший каждую деталь, каждую трещину в реальности. Пахло спиртом, железом и чем-то химическим, от чего хотелось зажмуриться и снова провалиться в темноту, где не было ни боли, ни вопросов, ни этого давящего ощущения пустоты внутри.

Роуи попыталась пошевелиться, но тело казалось чужим, тяжёлым, будто её набили мокрым песком, который тянул ко дну даже здесь, в безопасности. Где-то рядом тихо гудели приборы, кто-то в коридоре говорил ровным, спокойным голосом, будто обыденность могла смягчить ужас случившегося.

— Она приходит в себя, — прозвучало откуда-то сбоку.

Она повернула голову — и увидела его. Незнакомый парень сидел на стуле у кровати, ссутулившись, будто провёл здесь всю жизнь и теперь не знал, как выпрямиться, как вернуться в обычный мир. Мокрая куртка лежала скомканной на полу, а тёмные волосы, ещё влажные после спасения Роуи, беспорядочно падали на лоб — он то и дело откидывал их резким движением, будто они мешали ему думать, мешали удержать в голове мысль: «Она жива. Она жива». На щеках темнела щетина, придавая лицу усталое, почти измученное выражение, а в глазах читалась такая напряжённая сосредоточенность, будто он боялся пропустить хоть малейшее дви-

жение Роуи — словно её дыхание было единственным доказательством, что всё это не сон и не кошмар.

Он был одет просто, по-будничному: светлая футболка с чуть закатанными рукавами, тёмные джинсы и белые кроссовки — поношенные, но аккуратно зашнурованные. В этой опрятной, но не слишком аккуратной одежде он выглядел не как герой из кино, а как обычный парень, который просто не смог пройти мимо чужой беды, даже если это стоило ему сна, покоя и, возможно, частички собственной души.

— Привет, — тихо сказал он, подавшись вперёд.

Роуи хотела спросить: «Кто ты?», «Где я?», «Что случилось?», но из горла вырвалось только хриплое:

— Где...

Он тут же наклонился ближе, будто боялся пропустить хоть слово, словно каждый звук, сорвавшийся с её губ, был драгоценным осколком, который нужно бережно собрать.

— Ты в больнице. Ты в порядке. Ну, насколько это вообще возможно.

Когда он наклонился, Роуи заметила, как сильно у него дрожат пальцы — совсем чуть-чуть, почти незаметно, но она всё равно это увидела. И вдруг поняла: он тоже до сих пор не отошёл от случившегося, его трясло изнутри, хотя снаружи он старался казаться спокойным, почти невозмутимым.

— Ты попала в аварию. Машина ушла под воду. Я... я вытащил тебя. Меня зовут Верн. Вернон Халл.

Имя «Верн» скользнуло мимо сознания, не зацепившись,

не оставив даже слабого эха узнавания. Она смотрела на него и не чувствовала ничего — ни узнаваемости, ни страха, ни даже простого любопытства. Он был просто лицом в слишком ярком свете, чужим силуэтом, который почему-то оказался рядом в самый тёмный момент.

Врач пришёл минут через десять. Высокий, с усталыми глазами и голосом, который явно привык сообщать плохие новости так, чтобы они звучали как хорошие, будто интонация могла сгладить острые края беды.

— У вас ретроградная амнезия, — сказал он, глядя не на Роуи, а куда-то между ней и Верноном, будто так было проще, будто слова, не направленные прямо в глаза, ранили чуть меньше. — Вы не помните события, предшествующие травме. Возможно, не помните и себя. Это последствие удара и стресса.

— То есть... я не помню, кто я? — прошептала Роуи, и в этом вопросе прозвучала не просто растерянность, а тихая паника, будто она стояла на краю обрыва и не знала, есть ли под ногами земля.

— Не обязательно навсегда, — спокойно ответил врач. — Иногда память возвращается импульсами: запах, звук, чьё-то слово могут запустить цепочку воспоминаний. Это не гарантия, но и не приговор.

Верн сидел, сжав кулаки так, что побелели костяшки, будто пытался удержать внутри себя всю ту беспомощность, которая рвалась наружу.

— А что можно сделать? — спросил он, и в его голосе слышалась не просто забота, а отчаянное желание найти рычаг, который мог бы повернуть время вспять, вернуть Роуи то, что у неё украли удар и вода.

— Дать время. И не давить. Пусть мозг сам найдёт путь назад, — промолвил врач в ответ.

Роуи пролежала в больнице почти до следующего вечера. Врачи тщательно осмотрели её, ожидая обнаружить серьёзные повреждения, но, к всеобщему удивлению, на теле почти не оказалось ни травм, ни даже заметных следов аварии. Лишь лёгкая бледность да едва уловимая дрожь в пальцах выдавали пережитое. После повторного осмотра и оценки состояния медики сошлись во мнении: держать её дольше нет смысла. Формальности уладили быстро, и вскоре Роуи получила разрешение отправиться домой.

Больничная койка, капельницы, белые стены — всё это закончилось слишком быстро, будто авария была не настоящей, а дурным сном, который вот-вот развеется. Но когда Роуи встала на ноги и сделала первые шаги по коридору, мир качнулся, как палуба корабля, и она поняла: это было по-настоящему. Вода, холод, тьма — всё это случилось, и теперь ей предстояло жить с этой памятью, даже если она не могла её вспомнить.

У дверей её ждал Верн — уже в сухой куртке, с бумажным стаканчиком кофе в руке и таким видом, будто он готов был стоять здесь ещё неделю, если понадобится, лишь бы она не

осталась одна в этом новом, пугающе пустом мире.

— Я тут... кое-что разузнал о тебе, — начал Верн, и в его голосе слышалась неуверенность, будто он сам не знал, стоит ли вообще говорить об этом сейчас, не станет ли эта информация ещё одним ударом по её хрупкой реальности. Он нервно поправил куртку и продолжил, подбирая слова так осторожно, словно каждое могло её ранить, оставить шрам поверх тех, что уже были невидимы, но ощутимы:

— У тебя в кармане лежала карточка из паспорта — так я узнал имя: Роуи Вали. И ещё ключи от ворот, видимо. Я попросил знакомых пробить по базе... не потому что хотел лезть в чужую жизнь, просто... хотел понять, кому я помогаю, понимаешь?

Он сделал паузу, будто давая ей время переварить даже эту скупую информацию, позволить ей улечься в сознании, не вызывая бури.

— В базе было немного. Ты работаешь оператором на почте. И... ещё там было про семью. Про то, что родители и все близкие у тебя погибли. И что у тебя есть дом — он достался тебе от бабушки. Больше ничего. Документы из машины достать пока нельзя: её ещё не вытащили из воды, так что всё, что там было, всё ещё под водой.

Роуи слушала, и каждое слово падало в тишину, как камень в тёмную воду — без всплеска, но с долгой, расходящейся рябью, которая колебала само её ощущение себя. «Роуи Вали». Имя по-прежнему звучало как чужое, будто

его придумали для кого-то другого, а ей просто вручили по ошибке.

— И я подумал, — продолжил Верн, открывая перед ней дверь машины, стараясь говорить спокойнее, чтобы не напугать её ещё больше, не спугнуть ту хрупкую нить доверия, которая едва начала завязываться между ними, — что тебе пока не стоит быть одной. Давай я отвезу тебя домой? А завтра... завтра я помогу забрать вещи, всё, что смогут достать из машины.

Она хотела сказать «нет», хотела настоять на своей самостоятельности, доказать хотя бы себе, что она всё ещё способна принимать решения, держать руль своей жизни. Но язык не повернулся. Вместо этого она просто кивнула и села в машину, чувствуя, как холод, въевшийся в кожу, медленно уступает место теплу салона, но не теплу внутри.

Дом оказался не в городе, а за его пределами — на тихой, почти безлюдной улице, где фонари горели через один, а тени от деревьев ложились на асфальт, как чёрные трещины, будто сама дорога была надломлена.

— Ну... смешно и глупо, наверное, спрашивать «чем занимаешься, как дела?», да? — неловко усмехнулся Верн, будто пытался стряхнуть с себя тяжесть последних суток и хоть немного разрядить воздух, ставший вдруг слишком плотным, почти непригодным для дыхания.

Роуи даже не улыбнулась. Она смотрела в окно, где мелькавшие тени сливались в сплошное тёмное полотно, и была

где-то очень далеко — не в машине, не рядом с ним, а в той пустоте, где раньше жили воспоминания, а теперь зияла тишина, глухая и непроницаемая.

Верн заметил это, и его улыбка медленно сползла с лица. Он слегка поник, подумав, что такой юмор сейчас совсем не к месту, что он вообще не умеет подбирать слова для тех, кто даже не знает самих себя, для тех, чья реальность рассыпалась на осколки и теперь её нужно было осторожно, по одному, собирать, не порезавшись. Повисла тишина — не уютная, а колючая, будто между ними выросла невидимая стена, сотканная из непонимания и чужой боли.

— Эй? — тихо позвал Верн, стараясь не напугать, но отчаянно желая вернуть её хоть на секунду в эту машину, в этот вечер, к нему, чтобы она почувствовала: она не одна в этой темноте. — Ты со мной?

Звук его голоса будто выдернул Роуи из водоворота мыслей. Она моргнула, словно только сейчас осознала, где находится, почувствовала запах кожи в салоне, услышала тихий гул мотора, увидела профиль Верна, напряжённый и внимательный.

— А? Что? — переспросила она, чуть вздрогнув, будто вынырнула из глубины, где воздух был тяжёлым и густым.

— Всё ли хорошо? — мягко спросил Верн, вглядываясь в её лицо, пытаясь прочесть хоть намёк на то, что с ней происходит, уловить малейшее движение души, скрытой за усталыми глазами.

— Да... всё хорошо. Просто задумалась, — ответила Роуи, но голос прозвучал так, будто она сама не до конца верила в эти слова, будто пыталась убедить не его, а себя.

— М-м... понятно. Ну, ладно. Раз говорить особо не хочется, тогда я просто поболтаю. Чтобы не так тихо было, — Верн на секунду прикусил губу, будто сам сомневался, стоит ли, но потом, решившись, продолжил: — Знаешь, в детстве я вечно бегал от охранников по парку. Залезал прямо в фонтаны, куда люди кидали монетки на удачу. Вылавливал их, а потом со смехом уносился прочь, пока охрана бежала с криками. А потом шёл и покупал себе самое большое мороженое и ел его с таким видом, будто это не просто мороженое, а трофей какой-то.

Он говорил, слегка жестикулируя, будто снова видел тот парк, те фонтаны, тех охранников, — и в его голосе проскальзывала та самая детская радость, которую редко удаётся сохранить во взрослом мире, где всё становится серьёзнее, тяжелее и чаще ломается.

Роуи вдруг тихо хихикнула — совсем чуть-чуть, но этот звук был как первый луч солнца после долгой бури, как крошечная искра, которая могла разгореться в пламя. Верн тут же поймал этот момент, улыбнулся шире и чуть расслабился: лёд тронулся, она хотя бы на минуту перестала тонуть в своих мыслях, вынырнула на поверхность, где был воздух и живой человек рядом.

— Почти приехали, — тихо сказал Верн, когда маши-

на свернула на узкую подъездную дорожку, которая петляла между деревьями, будто не хотела сразу открывать вид на дом, берегла его, как секрет.

И тут Роуи увидела его. Силуэт. Высокий, неподвижный, стоящий прямо посреди дороги. На секунду ей показалось, что он смотрит прямо на неё, пронзая взглядом насквозь, видя то, что она сама забыла.

— Стой! — крикнула она, вцепившись в ручку двери так сильно, что пальцы побелели от напряжения. — Там человек!

Верн резко ударил по тормозам. Машина дёрнулась и замерла, будто сама испугалась этого крика. На долю секунды оба застыли, в испуге глядя вперёд, будто пытались разглядеть человека, которого едва не сбили.

Парень выскочил наружу, оглядываясь по сторонам, вглядываясь в сумерки, которые уже не хотели отдавать свои тайны. Потом подошёл к тому месту, где она видела фигуру, всматривался в темноту, будто мог разглядеть в ней правду.

— Тут никого нет, — крикнул он, вернувшись. — Никого. Наверное, тебе показалось. Из-за света, из-за усталости, из-за того, что мозг ещё не до конца понял, где реальность, а где тень.

Роуи сидела, вжавшись в сиденье, и пыталась унять дрожь, которая поднималась откуда-то из глубины, из самой середины груди, и расходилась по телу ледяными волнами. «Показалось. Конечно, показалось», — повторяла она про

себя, как заклинание, которое должно было отогнать страх, вернуть мир в привычные границы.

Верн сел обратно, посмотрел на неё внимательно, но без осуждения, без намёка на то, что она сошла с ума.

— Всё в порядке, — мягко сказал он. — Это нормально. После такого... мозг ещё не до конца понял, что опасность миновала. Он всё ещё ищет угрозу, даже там, где её нет.

Слова прозвучали тихо, но в них было столько спокойной уверенности, что напряжение понемногу стало отпускать.

Он довёз её до ворот в дом, помог выйти, постоял, будто хотел что-то сказать, но слова не находились, они рассыпались в воздухе, не складываясь во фразы. В итоге он просто достал из кармана телефон, записал свой номер и протянул бумажку.

— Держи. Если что-то понадобится — звони. Завтра я заеду, помогу со всем, что нужно.

Она взяла листок, сжала его в ладони. Бумага была тёплой от его руки, и это тепло на секунду согрело не только пальцы, но и ту пустоту внутри, которая казалась вечной.

Роуи стояла, не отрывая взгляда от удаляющихся огоньков машины, пока они не растворились в сгущавшихся сумерках, будто ночь поглотила их, как поглощала всё, что светилось, всё, что пыталось сопротивляться темноте. Полумрак обступил её со всех сторон, сглаживая очертания предметов и превращая знакомый (а может, и вовсе чужой) двор в зыбкое, почти нереальное пространство, где тени были гуще,

чем обычно, и двигались чуть заметнее, будто жили своей жизнью.

Она медленно опустила глаза, пальцы дрогнули, нащупывая в ладони холодные, угловатые очертания ключей. Секунда — и она поднесла их к замку, будто боялась, что в темноте не попадёт в скважину, что даже эта простая, привычная вещь станет предательски чужой. Металл глухо звякнул, скользнул по скважине, и вслед за этим раздался противный, скрежещущий звук — будто дом нехотя, через силу соглашался впустить её, будто знал что-то, чего не знала она.

Роуи с усилием провела ключом влево, чувствуя, как сопротивление механизма отдаётся в пальцах мелкой дрожью, как будто замок сопротивлялся, не хотел открываться, не хотел впускать ту, что не помнила его стен. Наконец щёлкнуло: засов поддался, калитка дрогнула и, скрипнув петлями, приоткрылась, словно неохотно пропуская хозяйку — или ту, кто лишь притворялась ею, кто носила это имя, но не чувствовала его своим.

«Домик бабушки» оказался совсем не таким, каким она его себе представляла. Если вообще представляла. Это был не уютный домик, а настоящий старый дом — массивный, потемневший от времени, с высокими окнами, похожими на пустые глаза, и верандой, обвитой плющом, который цеплялся за дерево, как будто боялся упасть. Сад вокруг выглядел заброшенным, но не диким: будто кто-то когда-то очень любил эти клумбы и дорожки, вкладывал в них душу, просто

давно перестал за ними ухаживать, и теперь природа медленно забирала своё. Чуть в стороне виднелся гостевой домик — маленький, аккуратный, с покосившейся вывеской, которую уже не разобрать, будто время стёрло с неё все слова, оставив только намёк на прошлое.

Внутри дом оказался на удивление современным. Кухня блестела новой техникой, в гостиной стоял удобный диван и большой телевизор, а на стенах висели картины в простых рамах — абстрактные пятна цвета, которые не рассказывали историй, а лишь намекали на них. Всё выглядело так, будто кто-то старался сохранить дух старого дома, но при этом не хотел жить в музее, не хотел, чтобы прошлое давило на плечи.

Роуи бродила по комнатам, касаясь пальцами мебели, будто надеялась почувствовать через текстуру дерева или ткани хоть искру узнаваемости. Но дом был для неё чужим. И от этого становилось особенно горько: ведь это место должно было быть её опорой, её убежищем, местом, где стены помнят её шаги, а окна встречают после тяжёлого дня. А вместо этого оно смотрело на неё холодными окнами, будто не узнавало хозяйку, будто ждало кого-то другого.

В конце концов она добралась до ванной, включила душ и долго стояла под горячими струями, будто надеялась, что вода смоет не только усталость, не только запах больницы и реки, но и эту давящую пустоту внутри, где прежде жили воспоминания, а теперь была только тишина, тяжёлая и гул-

кая, как в пустой комнате.

Пар клубился вокруг, оседая на кафеле мутной дымкой, а Роуи всё стояла, подставив лицо под потоки, пока жар не начал понемногу отступать, уступая место прохладе, вода стала остывать, словно сама реальность напоминала: пора возвращаться.

Когда она вышла, завернувшись в большое махровое полотенце, в доме повисла тишина — такая плотная и глубокая, что любой звук, даже самый тихий, казался здесь непрошеным вторжением, почти оскорблением этой звенящей пустоты. Дом будто затаил дыхание, прислушиваясь к ней, и от этого становилось ещё тревожнее.

И вдруг она услышала свист. Тихий, едва уловимый, он нарастал постепенно, будто кто-то где-то выводил мелодию: сначала робко, а потом всё увереннее. Роуи замерла, и в этой внезапной неподвижности время будто растянулось, сделавшись тягучим, как густой сироп. Она прислушалась, пытаясь уловить ритм, отделить его от стука собственного сердца. Свист становился громче, настойчивее, и холод пополз по спине, сковывая движения, заставляя волосы на коже встать дыбом.

Она пошла на звук, ступая почти бесшумно, будто боялась спугнуть или, наоборот, привлечь то, что его издавало. Коридор встретил её полумраком, тени лежали на полу неровными лоскутами. Кухня показалась неожиданно чужой, будто Роуи никогда раньше не переступала её порога. Ещё один

поворот — и источник звука предстал перед ней.

На плите стоял чайник. Старый, эмалированный, с чёрной ручкой, покрытой мелкими царапинами, будто его не раз роняли и снова возвращали на место. И он свистел — тонко, пронзительно, по-домашнему привычно и в то же время до странности неуместно в этой гнетущей тишине.

Роуи выдохнула, и смех, застрявший где-то в горле, вышел рваным, нервным звуком, в котором смешались облегчение и стыд. «Чайник. Просто чайник», — повторила она про себя, будто эти слова могли вернуть мир на привычные рельсы. Она сняла его с плиты, выключила конфорку и постояла, прижавшись лбом к холодному металлу дверцы холодильника. Холод пробирался сквозь кожу, отрезвляя, возвращая ощущение реальности — такой простой, грубой, осязаемой.

После она вернулась в ванную, подошла к раковине, открыла холодную воду и плеснула себе в лицо. Капли стекали по щекам, падали на полотенце, оставляя тёмные пятна. Она подняла голову, посмотрела в зеркало — и увидела в отражении мужчину. Он стоял прямо за её спиной, высокий, с тёмными волосами, в джинсовой куртке. Его взгляд был тяжёлым, пристальным, будто он пытался что-то прочесть в её лице.

Крик сорвался с губ раньше, чем она успела подумать, раньше, чем разум успел вмешаться и сказать: «Это невозможно». Она резко обернулась — но за спиной никого не было. Только пустая комната, шкафчик с полотенцами и от-

крытая дверь в коридор, через которую тянуло сквозняком. Воздух шевелил край полотенца, и это было единственным движением в застывшем пространстве.

«Показалось... — снова прошептала она, обхватывая себя руками, будто пыталась удержать рассыпающуюся на части реальность. — Просто показалось». Но голос прозвучал неуверенно, будто сама она уже не верила в эти слова. В груди всё ещё колотилось сердце, а в ушах стоял отголосок свиста, который теперь казался ей не таким уж безобидным — он будто тянулся за ней, цеплялся за края мыслей, не давая выдохнуть.

Роуи медленно побрела по коридору, ноги будто налились свинцом, и вскоре оказалась в спальне. На комод лежала пачка сигарет — почти полная, марка незнакомая, будто чужая привычка, случайно затесавшаяся в её жизнь. Роуи взяла одну, покрутила в пальцах, разглядывая фильтр так, словно на нём могли проступить ответы. Она пыталась нащупать в груди хоть отголосок старой привычки, какой-нибудь намёк на то, что раньше эти тонкие бумажные цилиндры были для неё чем-то большим, чем просто предметом. Но память молчала, глухо и упрямо, как запертая дверь.

В итоге она вышла на террасу, села на деревянную лавочку, чьи доски давно потеряли лак и теперь были шершавыми на ощупь. Дрожащими руками прикурила, и первая затяжка обожгла горло, заставила закашляться — резко, надрывно, до слёз, выступивших на глазах. Она выдохнула дым, по-

смотрела на сигарету, будто видела её впервые, и вдруг поняла с пугающей ясностью: нет, она никогда бы не стала этого делать. Никогда бы не смогла превратить эту горечь в ритуал, в способ дышать.

Не докурив и половины, она затушила сигарету о край урны и бросила туда окурок, словно избавляясь от чужой роли, которую на неё надели. Рядом, на спинке лавочки, висела большая мужская джинсовка — грубая, поношенная, с потёртыми локтями и едва уловимым запахом дождя и чего-то терпкого, будто в ней долго бродили по сырым улицам. Роуи провела пальцами по жёсткой ткани, ощущая каждую нитку, каждый шов, и попыталась сложить из этих деталей пазл: жила ли она не одна? Или кто-то просто забыл её здесь, как забытую вещь, которую рано или поздно заберут?

Она посидела ещё немного, глядя в темноту сада, где тени деревьев сплетались в причудливые узоры, похожие на запутанные узлы, которые невозможно развязать. Мысли кружились, как листья на ветру, и ни одна не хотела складываться в предложение, ни одна не могла стать опорой. Сад казался одновременно бескрайним и тесным, будто сжимался вокруг неё, не давая сделать глубокий вдох.

Наконец она встала, плотнее закуталась в полотенце, словно оно могло защитить её от этой тишины, и закрыла за собой дверь. Дом тихо поскрипывал вокруг неё, будто тоже не знал, что делать с новой хозяйкой, и осторожно примерялся к её шагам. И в этой тишине, которая раньше казалась Роуи

покоем, теперь слышалось что-то тревожное — словно дом шептал ей: «Ты не помнишь самого главного».

Роуи медленно прошла по коридору, чувствуя, как пол чуть пружинит под ногами, будто доски помнили другие шаги — более уверенные, привычные, свои. В спальне воздух был густым, почти осязаемым, и она на мгновение замерла у порога, прислушиваясь не к звукам, а к отсутствию звуков — к той особенной тишине, которая бывает только в домах, где кто-то жил долго и внезапно перестал.

Она подошла к окну, отодвинула тяжёлую штору и выглянула наружу. Сад внизу растворялся в темноте, и лишь редкие пятна света от фонарей выхватывали из мрака отдельные детали: изогнутую ветку, край дорожки, тень скамейки. Всё выглядело так, будто мир за стеклом был декорацией, тщательно выстроенной, но не до конца убедительной.

Роуи легла на кровать, сбросив полотенце и натянув футболку, которую нашла на стуле. Она пахла лавандой и пылью — запахом, который не принадлежал ей, но почему-то казался странно успокаивающим. Она свернулась калачиком, подтянув колени к груди, и уставилась в окно, где в слабом свете уличного фонаря плясали тени, похожие на бесформенных призраков.

Сон не шёл. Он будто обходил её стороной, зная, что в её голове слишком много вопросов, чтобы позволить себе забыть хоть один. Она закрыла глаза, пытаясь заставить себя не думать, не вспоминать, не искать ответы там, где их не было.

Но тишина продолжала давить, становясь почти физической тяжестью, оседающей на груди.

И вдруг где-то в глубине дома что-то щёлкнуло. Тихий, сухой звук, похожий на поворот дверной ручки или скрип старой петли. Роуи резко приподнялась на локте, вглядываясь в темноту, пытаясь выхватить из неё хоть намёк на движение. Сердце снова забилося где-то у самого горла, мешая дышать.

«Это дом, — прошептала она себе, стараясь говорить твёрдо, но голос всё равно дрогнул. — Старые дома всегда издают звуки. Это просто балки, это просто ветер».

Но слова не помогали. Они рассыпались в темноте, не оставляя после себя ничего, кроме эха её собственного страха.

Она села, обхватив плечи руками, и посмотрела на дверь спальни. Та стояла чуть приоткрытой, ровно настолько, чтобы казаться не случайностью, а чьим-то намеренным жестом. Роуи не помнила, оставляла ли она её такой. Или кто-то другой прошёл по коридору и оставил эту тонкую щель — как приглашение... или как ловушку.

Собрав всю волю в кулак, она встала и подошла к двери. Пальцы скользнули по прохладному дереву, и на секунду ей показалось, что оно чуть дрожит, отзываясь на её прикосновение. Она толкнула дверь, закрывая её плотнее, и щёлкнула замком — звук прозвучал неожиданно громко, как выстрел в этой звенящей тишине.

Вернувшись к кровати, она натянула одеяло до самого подбородка, будто оно могло стать щитом между ней и тем, что пряталось в тенях. И только тогда, когда она снова легла, в комнате будто что-то изменилось: воздух стал чуть легче, а тишина — не такой враждебной.

Перед тем как окончательно сдаться усталости, Роуи достала из кармана джинсов, небрежно лежавших на краю кровати, бумажку с номером Верна. Пальцы пробежались по неровным цифрам, выведенным его почерком — немного косым, торопливым, будто он боялся, что его прервут. Она сжала листок в ладони, чувствуя, как тонкая бумага мнётся, и прошептала в темноту:

— Если станет совсем невыносимо... я позвоню.

И наконец усталость накрыла её тяжёлой, мягкой волной, утягивая в сон, где не было ни вопросов, ни теней. Где она могла хоть на несколько часов перестать быть той, кто ничего не помнит.

Глава 2

Маленькая девочка сидела в кругу своих воображаемых гостей и чинно устраивала чаепитие вместе со своей лучшей подругой — пластиковой куклой Бетти. Вокруг стоял привычный детский гомон: кто-то визжал от восторга, кто-то спорил из-за мяча, кто-то заливисто смеялся. Но Роуи была целиком поглощена своим ритуалом: она расставляла крошечные чашечки, шептала вежливые приглашения и время от времени поправляла на Бетти бантик — тот самый, что придавал кукле вид настоящей леди.

И вдруг Роуи заметила, что бантика нет. Он исчез, будто растворился в этом шумном, солнечном дворе. Девочка забегала глазами по траве, по скамейкам, по кучам разбросанных игрушек — и наконец увидела его: одинокий лоскуток ленты лежал у ножки старой деревянной скамейки, словно поджидал, когда его заметят.

Сделав всего пару торопливых шагов в сторону потерянной вещицы, Роуи замерла от резкого, глухого звука удара. Детский гомон оборвался мгновенно, как будто кто-то повернул выключатель. Обернувшись, девочка увидела, как в её любимую куклу со всей силы врезался мяч — и Бетти лишилась руки. Конечность отлетела куда-то в сторону, а сама кукла застыла в нелепой, сломанной позе.

Роуи стояла, будто вкопанная, не в силах пошевелиться.

Бетти была не просто игрушкой — она была молчаливой спутницей всех её дней, свидетельницей всех секретов, единственным существом, которое всегда понимало без слов. И теперь эта связь, такая хрупкая и такая важная, рассыпалась от одного случайного удара.

Глаза девочки тут же наполнились слезами, но прежде чем первая слезинка успела скатиться по щеке, к ней уже подбежал мальчик — тот самый, кто запустил злополучный мяч.

— Ой, прости, прости! Я не хотел в неё попадать, это случайно вышло! — торопливо выпалил он, а потом, увидев, как у Роуи дрожат губы и блестят от слёз глаза, метнулся к кукле, схватил её и оторванную руку и вложил всё это в тряпущиеся ладошки девочки. — Я честно, честно не хотел её ломать! Тут есть Тру — он всё чинит. Он точно сможет всё исправить, пошли!

И, не дожидаясь ответа, мальчик чуть ли не бегом повёл Роуи к тому, кто, как ему казалось, мог вернуть мир на место.

Они ворвались к Тру, словно спасаясь от бури.

— Ты же вроде всё чинишь, помоги! У Роуи кукла сломалась! — выкрикнул мальчик, переводя дыхание.

Роуи стояла рядом, опустив глаза, и тихо, почти шёпотом, добавила:

— Пожалуйста...

Тру не смог отказать. Он возился с куклой минут двадцать, скрепляя детали так, как умел: кое-где подматывал

нитку, кое-где прижимал пластмассу, стараясь вернуть Бетти прежний облик. Когда он протянул куклу обратно, Роуи посмотрела на него так, будто он только что остановил бурю, разогнав тучи одним движением руки. В её взгляде было столько благодарности, что внутри у Тру что-то шевельнулось — не просто жалость, а тёплое, почти взрослое желание защитить, уберечь, сделать так, чтобы ей снова не было страшно.

Девочка всё-таки расплакалась — но теперь уже от счастья. Слезы лились тихо, без всхлипов, словно смывая недавний испуг. Она прижала Бети к себе, проверяя, на месте ли рука, и, убедившись, что всё в порядке, бросилась обратно к месту своего чаепития, готовая снова расставить чашечки и продолжить игру.

Но, вернувшись на свой «остров» посреди двора, Роуи вдруг почувствовала, что вокруг стало слишком тихо. Не просто тише, чем раньше, — а неестественно, пугающе беззвучно. Она обернулась, оглядывая двор, и с внезапной ясностью осознала: она осталась одна. Все дети будто испарились, скамейки опустели, даже ветер перестал шелестеть в листве. Радость от спасённой куклы начала таять, уступая место тревоге, холодной и колючей, как осенний сквозняк.

Роуи была тихой девочкой — такой тихой, что даже в шумной компании её почти не замечали. И сейчас она не осмелилась громко крикнуть: «Есть кто-нибудь?» Слова застряли в гортани, а вместо них из груди поднимался липкий,

необъяснимый страх.

Вдруг у забора, там, где тени ложились особенно густо, она заметила тёмную фигуру. Чёрную, неподвижную, будто вырезанную из самой темноты. Фигура просто стояла и смотрела на неё. Роуи опешила: она даже не была уверена, человек ли это, реален ли он вообще — или это просто игра теней, обман зрения. Всё, что она могла делать, — это смотреть в ответ, не в силах отвести взгляд.

А потом справа раздался резкий свист — тот самый звук, который издают летящие на огромной скорости предметы. Роуи повернула голову — и в тот же миг перед её глазами мелькнул мяч. Он пронёсся буквально в сантиметре от её лица, едва не задев переносицу, и с глухим стуком ударился о стену дома.

Резко открыв глаза, девушка осознала, что только что видела сон — а может, и вовсе не сон, а обрывки воспоминаний из детства, перепутанные, искажённые временем. Сердце колотилось где-то у самого горла, ладони были влажными, а в ушах ещё стоял тот самый свист и тишина пустого двора. Она глубоко вздохнула, пытаясь вернуть себе ощущение реальности, и провела рукой по лицу, словно стирая с него остатки чужого мира.

Спустя время после привычной утренней рутины Роуи всё никак не могла отделаться от липкого послевкусия сна. Воспоминания о нём цеплялись за сознание, словно колючки, и в какой-то момент девушка твёрдо решила: нужно вер-

нуть себе память — хотя бы по крупичам. Она не станет сидеть сложа руки, дожидаясь, пока прошлое само постучится в дверь.

Верн должен был заехать за ней, чтобы отвезти в участок — забрать вещи из машины. Времени было достаточно, и Роуи придумала для себя странную, но необходимую миссию: устроить экскурсию по дому, в котором, судя по всему, она жила уже давно. Она медленно обходила комнату за комнатой, вглядываясь в детали, надеясь, что какая-нибудь мелочь — затёртый угол стола, забытая записка, пятно на обоях — пробудит хоть одно забытое воспоминание. Но дом хранил молчание: всё выглядело обыденно, безлико, будто специально стёрто из её памяти.

И только одна комната выбивалась из этой картины безразличия. Заглянув в неё, Роуи сразу поняла: это не гостевая спальня. Здесь царил творческий беспорядок — не небрежность, а живая, наполненная смыслом суеда. Шкаф стоял приоткрытым, из него небрежно выглядывали вещи. На столе мерцал экран ноутбука, будто от него только что отошли. На кровати лежал телефон, рядом — пара фигурок, а на полках теснилась небольшая библиотека, книги в которой стояли не по алфавиту, а по какому-то личному, одному хозяину понятному принципу. Комната дышала чьим-то присутствием — она была «живой» и словно ждала возвращения своего обитателя.

Роуи подошла к кровати и взяла телефон. В груди шевель-

нулась слабая надежда: вдруг получится разблокировать? Но экран предательски вспыхнул требованием пароля. Возможно, она знала его когда-то, но теперь эта строчка букв и цифр растворилась в пустоте её памяти.

На заставке была фотография — она и ещё один парень. На снимке он выглядел непринуждённо, но в этой расслабленности чувствовалась внутренняя собранность. У него были светлые, чуть растрёпанные волосы — будто он то и дело проводил по ним рукой, когда о чём-то напряжённо думал. В его образе сквозила лёгкая небрежность, которая, однако, казалась не следствием безразличия, а осозанным выбором: красная куртка с белой окантовкой поверх тёмной футболки, лаконичный ремень с неброской фурнитурой, свободные тёмные брюки. В этой простоте не было нарочитости — он словно не стремился произвести впечатление, и именно это делало его образ запоминающимся. В его позе читалась спокойная уверенность, а в чуть опущенном взгляде — та самая мягкость, которую Роуи, должно быть, когда-то очень ценила. Сердце на мгновение замерло, а потом забилось быстрее.

Логика подсказывала очевидное: это комната его, значит, они жили вместе. Но насколько близки они были? Сожитель, друг, парень... или, может быть, муж? У неё не осталось родственников, и эта мысль делала его фигуру ещё более значимой — и одновременно пугающей. А главное — где он сейчас? Почему оставил телефон дома, будто собирался вернуться через минуту, но так и не вернулся?

Роуи хотела попробовать включить ноутбук, надеясь, что там найдётся хоть какой-то ключ к разгадке, но, едва поднявшись с кровати, услышала резкий звонок в дверь.

«Видимо, это Вернон», — подумала она, откладывая попытки проникнуть в чужую жизнь. Спускаясь по лестнице, она чувствовала странное облегчение и одновременно досаду: будто её поймали за чем-то запретным, хотя она всего лишь искала себя.

Подойдя к двери, Роуи распахнула её — и тут же прикрыла лицо тыльной стороной ладони, ослеплённая ярким утренним солнцем.

— Привет, — проговорила она, щурясь.

Верн замер на пороге, будто на секунду потеряв дар речи. Перед ним стояла утренняя Роуи: волосы кое-как собраны в небрежный пучок, на ней — только футболка, которая, словно назло, чуть задралась, когда девушка подняла руку к лицу. Он неловко отвёл взгляд, уставившись куда-то в сторону, на скамейку у крыльца, и пробормотал:

— Ой, привет... Кажется, я немного не вовремя. Ты ещё не готова ехать.

Роуи, уже привыкнув к свету, опустила руку и на мгновение застыла, не понимая, о чём он говорит. Почему он не смотрит на неё, а пялится на пустую скамейку?

— А что? — спросила она с лёгким недоумением.

— Ну... я вижу, ты ещё в домашнем, — произнёс он, смущённо потирая затылок и всё ещё избегая прямого взгляда.

Только тогда до Роуи дошло. Она опустила глаза на себя и тут же вспыхнула, осознав, в каком виде встретила гостя.

— Ой, прости, проходи! Я сейчас соберусь и спущусь, — затараторила она, разворачиваясь и почти бегом устремляясь вверх по лестнице.

Верн шагнул в прихожую, невольно проследив взглядом за тем, как Роуи исчезает на втором этаже. И тут же одёрнул себя: «Чёрт, куда ты пялишься?» — пронеслось у него в голове, и он тихо, сквозь зубы, пробормотал эти слова, будто пытаясь вытолкнуть из себя неловкость.

Пока Роуи металась по спальне, перебирая вещи так, словно выбирала наряд для героини в видеоигре — ведь каждая из них казалась ей чужой, незнакомой, — Верн прошёл на кухню. Он старался смотреть куда угодно, только не туда, где ещё витал лёгкий след её утреннего присутствия. Его взгляд скользил по полкам, по чашке на столе, по солнечным зайчикам на стене — по всему, что могло отвлечь от мыслей, которые сейчас были совсем не кстати.

Спустя какое-то время Роуи снова появилась внизу. В этот раз она выглядела собранной — но не холодной, а именно той самой Роуи, которая умела превращать обыденность в что-то особенное. На девушке струилась светлая рубашка — строгая в своей простоте, с лаконичным воротником и короткими рукавами, по краям которых тянулась тонкая чёрная окантовка. Короткая чёрная юбка очерчивала силуэт с деликатной точностью, подчёркивая его лёгкость, будто

она была создана для движения. Белые гольфы и аккуратные туфли добавляли образу отголосок юности, но не той робкой, застенчивой, а дерзкой и свободной — такой, что рождается из уверенности в себе, из знания своей силы.

Длинные светлые волосы спадали на плечи живой волной, ловя и преломляя солнечные лучи, будто сами по себе источали мягкий свет. В этой кажущейся небрежности не было ни случайности, ни спешки — лишь отточенная естественность, присущая тем, кто не гонится за вниманием, но неизменно его притягивает.

Верн перевёл взгляд с полок на неё — и на мгновение замер. В этом образе было что-то новое: не утренняя уязвимость, а внутренняя сила, будто она наконец нашла точку опоры. И он не смог удержаться:

— Выглядишь... не хуже, чем в футболке, — вырвалось у него, прежде чем он успел прикусить язык. «Боже, что я несу?» — тут же пронеслось в его голове.

Роуи на секунду замерла, а потом улыбнулась — тихо, искренне, без тени насмешки. В этой улыбке было столько тепла, что его неловкость растаяла, как лёд под солнцем.

— Спасибо, — сказала она, слегка склонив голову.

— Тогда поехали, — кивнул Верн, стараясь скрыть смущение, и первым шагнул к выходу, давая ей пройти вперёд.

Солнце по-прежнему заливало крыльцо, но теперь свет казался не ослепляющим, а тёплым, почти дружелюбным. И впервые за последнее время Роуи почувствовала: пусть она

многого не помнит, но прямо сейчас она здесь, рядом с кем-то, кто не даёт ей потеряться.

Они ехали по большей части в тишине, нарушаемой лишь случайными треками, которые пробивались сквозь лёгкие помехи радио. Но в отличие от вчерашней поездки, сейчас между ними не висела та колючая недоговорённость. Напряжение будто растворилось, и даже молчание стало не тягостным, а почти уютным.

Когда добрались до участка и покончили с ворохом бюрократических формальностей, Роуи провели в помещение, больше напоминавшее ангар: высокие потолки, бетонный пол, резкий запах сырости и металла. В центре стоял её кабриолет — серебристый, с помятым боком, будто кто-то с силой сжал его в объятиях и не захотел отпускать. Рядом, на длинном металлическом столе, лежали вещи, которые удалось извлечь из машины. Учитывая, что автомобиль побывал в воде, список был удручающе коротким.

Роуи медленно обошла кабриолет, вглядываясь в каждую царапину, в каждый изгиб кузова, надеясь, что холодный металл вернёт ей хоть крупицу утраченного. Но в голове стояла глухая тишина. Ни проблеска воспоминаний, ни отголоска того дня. Куда она ехала? Зачем? Что заставило её нажать на газ или, наоборот, забыть про тормоза? Ответов не было.

Вернувшись к столу, она скользнула взглядом по кучке мокрых, слипшихся вещей: ключи зажигания, кошелёк с размокшими купюрами, какие-то безделушки. Ничего, что мог-

ло бы стать ключом к её прошлому. Единственное, что по-настоящему притягивало взгляд, — её телефон. Роуи взяла его, пальцы дрогнули в слабой надежде, но экран остался чёрным. Даже если бы он включился, вряд ли это что-то изменило бы: ночь на дне озера не прошла бесследно.

В этот момент из прохода появился офицер и жестом позвал Роуи обратно в кабинет.

Зайдя внутрь, она сразу заметила Вернона — он сидел на стуле, слегка наклонившись вперёд, и в его позе читалось напряжённое ожидание. Напротив него расположился шериф — суровый мужчина с тяжёлым взглядом, в котором безошибочно угадывался человек, привыкший задавать неудобные вопросы и ждать на них честные ответы.

Не успела Роуи даже присесть, как шериф без предисловий спросил:

— Роуи Вали, хочу уточнить: были ли у вас действующие водительские права на момент аварии?

Она застыла, слова застряли где-то в горле, не в силах пробиться наружу. Но прежде чем она успела хоть что-то пробормотать, вперёд шагнул Вернон.

— У моей клиентки ретроградная амнезия после аварии, — спокойно, почти буднично произнёс он. — На этот вопрос она сейчас ответить не сможет.

Шериф чуть приподнял бровь, переводя взгляд с девушки на Вернона.

— А вы, собственно, кем являетесь миссис Вали?

— Я её адвокат, — ровно ответил Вернон, не дрогнув ни единым мускулом на лице. — Вернон Халл.

Внутри у него всё сжалось. Он прекрасно понимал: стоит шерифу сделать один короткий запрос, и выяснится, что «адвокат» ещё не сдал экзамены, не получил лицензию и по всем правилам не имеет права представлять кого-либо в суде. Но сейчас на кону стояло не его профессиональное будущее, а спокойствие Роуи. И он был готов рискнуть.

— Хорошо, — шериф откинулся на спинку стула и постукивал пальцами по столу, будто взвешивая каждое слово. — По нашим базам данных не зафиксировано даже попытки получения водительских прав миссис Вали. Соответственно, по закону мы обязаны либо направить её на процедуру оформления, либо выписать штраф.

Роуи снова застыла, словно выключенная из реальности. Вернон мягко, но твёрдо перехватил инициативу:

— Учитывая тяжесть полученных моей клиенткой травм и подтверждённый врачами диагноз, прошу проявить снисходительность. Ограничимся штрафом и конфискацией транспортного средства.

Он говорил спокойно, почти холодно, будто за этими фразами не пряталась паника. Годы учёбы не прошли даром: он знал, что в таких разговорах главное — уверенность и настойчивость. Ни один мускул на его лице не выдал, что он балансирует на краю пропасти.

— Хм. Ладно, не буду с вами спорить, — протянул ше-

риф, слегка прищурившись, будто пытаюсь разглядеть, что скрывается за этой безупречной выдержкой. — Раз миссис и правда не помнит даже, как разговаривать... Ей будет выпи-сан штраф, а транспортное средство подлежит конфискации.

Последняя фраза прозвучала с едва уловимой издёвкой, и Роуи почувствовала, как щёки заливает жар. Она действительно сидела, молча наблюдая за тем, как двое мужчин решают её судьбу, и не могла выдать из себя ни слова.

— Спасибо. Мы можем быть свободны? — так же спокойно уточнил Вернон.

— Да, можете. Только заберите бумажный штраф и распишитесь в протоколе. Подпись должна быть от самой миссис Вали, — добавил офицер, глядя на Роуи с каким-то странным недоверием.

Дрожащей рукой она быстро поставила подпись, даже не вчитавшись в строки документа. В этом жесте не было осознанности — скорее, рефлекс, будто тело само знало, как выводить эти буквы, даже если разум забыл.

Выйдя на улицу и сев обратно в машину, Роуи тут же повернулась к Вернону, и слова полились из неё, как вода из прорванной плотины:

— Прости меня, боже... Я честно не знала, что у меня нет прав. И вообще... я не хотела втягивать тебя во всё это.

— Всё нормально, всё хорошо, — перебил он, мягко, но решительно пресекая поток извинений. — Не переживай. Это просто штраф. Я его оплачу. Главное, что не завели уго-

ловное дело и не отправили под суд. А то я бы уже точно не смог быть твоим адвокатом.

Он выдохнул, будто сбрасывая с плеч невидимый груз, и только теперь в его голосе проскользнула усталость.

— Не смог бы быть адвокатом? — переспросила Роуи, нахмурившись.

— Ну, я пока только учусь на него. Лицензии у меня ещё нет. Так что, если бы шериф оказался более въедливым, мы бы сильно просели.

С этими словами он включил зажигание, и мотор отозвался ровным, успокаивающим урчанием.

— Ещё раз прости, что заставляю тебя проходить через всё это, — тихо, почти шёпотом произнесла Роуи, уставившись в колени. Ей хотелось провалиться сквозь землю, раствориться в воздухе, лишь бы не чувствовать этого гнетущего стыда.

— Роуи, не переживай, — мягко сказал Вернон, бросив на неё короткий взгляд. — Я верю, что ты правда не помнила про права. Врачи это подтвердили.

И, подмигнув, чтобы хоть немного разрядить атмосферу, он снова сосредоточился на дороге.

Но Роуи не оценила эту попытку пошутить. Стыд всё ещё сжимал её изнутри, тяжёлый и липкий, не давая сделать глубокий вдох.

Машина плавно катила вперёд, увозя Роуи в неизвестность — и не только географическую. За окном тянулся при-

вычный городской пейзаж Буффало: серые фасады домов, кое-где расцвеченные яркими вывесками, перекрёстки, где светофоры отсчитывали секунды с почти упрямой настойчивостью. Ветер, который в Буффало никогда не утихает по-настоящему, трепал листву клёнов и швырял в лобовое стекло редкие капли недавнего дождя. А в голове у девушки крутился один и тот же мучительный механизм: тысячи вопросов, на которые не находилось ни одного ответа.

Как она вообще села за руль, если у неё никогда не было прав? Откуда взялась эта машина — неужели она её угнала? А если угнала, то зачем? И что теперь будет — её посадят, и даже Вернон, при всей его решимости, уже ничем не поможет... Эти мысли накатывали волнами, каждая следующая сильнее предыдущей, и тревога расплзалась по телу, заставляя пальцы невольно сжиматься в кулаки, а ногу нервно подрагивать.

Внезапно Роуи ощутила, как по лицу скользнул прохладный поток воздуха: стекло рядом с ней медленно опускалось. Она резко повернулась к Вернону.

— Я подумал, тебе лучше подышать свежим воздухом, — спокойно пояснил он, не отрывая взгляда от дороги. — А то от тревоги твоя нога устроила в машине настоящую дискотеку.

Роуи тут же опустила глаза на свои колени, будто надеясь спрятать там своё смятение. Она и правда слишком явно выдавала себя. Сделав глубокий вдох, она попыталась натянуть

на лицо маску спокойствия — пусть хотя бы внешне будет казаться, что она держит себя в руках.

— Ты всё ещё переживаешь из-за штрафа? — негромко спросил Вернон, будто стараясь не спугнуть её хрупкое равновесие.

— Это тоже... Но я просто не знаю, как это всё объяснить, — пробормотала Роуи, подбирая слова, которые звучали бы не как оправдания, а как попытка разобраться. Она чувствовала, что скрывать что-то от Вернона несправедливо. Он уже и так её выручал не раз, и прятать от него свои страхи казалось предательством. — Если у меня не было прав... как я вообще могла сесть за руль? Откуда у меня эта машина? А вдруг я её угнала...

В голове пронеслась горькая мысль: «Какой же душой я, наверное, была. Или воровкой». От этой картины самой себя становилось тошно.

— Нет, — коротко и твёрдо ответил Вернон, поворачивая на перекрёстке. В этом единственном слове не было ни раздражения, ни снисхождения — только спокойная уверенность, которая странным образом начала гасить пожар паники внутри Роуи. — Машина досталась тебе вместе с домом — от бабушки. А вот зачем ты за неё села... этого я и сам не знаю.

На мгновение в салоне повисла тишина — та самая, в которой умещаются целые миры. И в этом молчании Роуи вдруг почувствовала, как с плеч сваливается тяжеленный

груз.

«Слава богу, я не угонщица», — пронеслось у неё в голове, и от этого простого, но такого важного осознания на глаза чуть не навернулись слёзы облегчения. Значит, она не настолько плохой человек. И хотя вопросов оставалось ещё множество, хотя память по-прежнему хранила упрямое молчание, по крайней мере, одна страшная версия рассыпалась в прах.

Она снова посмотрела на Вернона. Он вёл машину с той же невозмутимой собранностью: одной рукой легко держал руль, вторую небрежно облокотил на опущенное стекло. Ветер, тот самый упрямый буффальский ветер, играл с прядями его волос, слегка взъерошивая их, но это ничуть не портило образа — напротив, придавало ему какой-то живой, почти мальчишеской непосредственности.

И тут Роуи вдруг остро осознала: этот парень знает её всего вторые сутки, а уже столько для неё сделал — и продолжает делать, не жалуясь, не отворачиваясь, будто её беды и тревоги — его собственные. От этой мысли в груди шевельнулось странное чувство: тёплая, неловкая благодарность, смешанная с тяжёлым стыдом за то, что она снова и снова становится для него обузой. Ей хотелось сказать хоть что-то — простые слова «спасибо» казались слишком мелкими, чтобы вместить всё, что она чувствовала.

— Ты не голодна? — спросил Вернон, мягко выдергивая её из водоворота мыслей.

— А... Ну да, не против поесть, — немного растерянно отозвалась Роуи.

— Хорошо. Тогда заедем в одну неплохую кафешку возле центрального кинотеатра. Довольно популярное место. Думаю, когда приедем, что-нибудь да вспомнишь, — добавил он в конце, едва заметно усмехнувшись.

Роуи слабо улыбнулась в знак согласия и снова повернулась к окну.

Теперь она смотрела на город не как на что-то чужое и враждебное, а будто пыталась разглядеть в нём хоть крошечный отголосок себя прежней: в витрине антикварной лавки, в вывеске старой аптеки, в силуэте моста, который нависал над дорогой, словно стальная дуга, соединяющая прошлое и настоящее.

Как только они подъехали к зданию кафе, Роуи скользнула взглядом по яркой вывеске: *The Reel Bite — «Перекус у экрана»*. Неоновые буквы слегка мигали, будто пытались привлечь к себе внимание, выделиться на фоне наступающих сумерек. Но в голове у Роуи по-прежнему было пусто — ни отголоска узнавания, ни даже слабого намёка на то, что она когда-то бывала здесь. Это молчание внутри отзывалось тупой, ноющей обидой: будто она потеряла что-то очень важное, но даже не могла вспомнить, что именно.

Они вошли внутрь. Пахло жареным луком, свежесваренным кофе и чем-то ещё, почти неуловимым — так пахнет любое место, где люди проводят много времени: смесью со-

тен чужих историй. И почти сразу со стороны кассы развернулась девушка.

У неё были длинные, гладкие тёмные волосы, свободно струящиеся по плечам; в этой непринуждённости чувствовалось что-то почти нарочитое — будто она специально не стала их убирать, словно распущенные волосы были для неё маленьким актом свободы.

На ней была простая, но выразительная вещь: свободная блуза приглушённого оттенка с открытыми плечами — в ней читался тот самый расслабленный стиль, который выбирают, когда хотят выглядеть естественно, не прикладывая усилий. Тёмные брюки добавляли образу собранности. В её взгляде читалась глубокая усталость — от груза, который она носила с собой задолго до того, как переступила порог кафе. Эта усталость мгновенно смешалась с тревогой, накопившейся внутри, и прорвалась наружу резким, громким окриком — так кричат, когда слишком долго сдерживали страх и больше не могут держать его в себе.

— Ты с ума сошла?! Ты где шляешься?! Почему на звонки не отвечаешь?! И это кто рядом с тобой?! — выкрикнула она на всю закусочную, и голос её дрожал не столько от злости, сколько от страха, который она пыталась спрятать за грубостью.

Роуи застыла, не сразу сообразив, что вся эта буря направлена на неё. Мир на секунду будто сжался до одной точки — до этой девушки, до её крика, до этого кафе, которое долж-

но было быть знакомым, но оставалось чужим. Она чуть не отступила назад, но в тот же миг перед ней возникла рука Вернона — твёрдая, уверенная, будто ставящая невидимую преграду между Роуи и этим шквалом эмоций.

— Не ори на неё, — резко, но без истерики оборвал он незнакомку. — Ты вообще кто ей такая, чтобы так разговаривать?

— Я кто?! — девушка почти фыркнула, её глаза расширились от возмущения. — Это ты кто такой?! Роуи, ты где такого нашла?!

Имя, сорвавшееся с чужих губ, ударило по сознанию Роуи, словно электрический разряд. Это её имя, это к ней обращаются, и эта вспышка чужой злости отчего-то делала происходящее ещё более реальным и болезненным.

— Это Вернон, — проговорила Роуи почти через силу, будто каждое слово приходилось выталкивать наружу.

— Какой к чёрту Вернон?! — не унималась девушка, голос её дрожал от смеси гнева и тревоги. — Ты где пропадала?! Тебя ни дома, ни на работе сегодня не было, а Тру не выходит на связь и на вечернюю смену не вышел! Вы вдвоём где пропали?!

— Можешь с ней полегче... — начал было Вернон, стараясь сгладить острые углы.

Но его перебили, не дав договорить:

— Я не с тобой сейчас разговариваю, помолчи!

— У неё амнезия, — отрезал Вернон, и в этом коротком

заявлении прозвучала такая твёрдость, что даже шум кафе будто слегка стих.

— Что?.. — голос девушки дрогнул, резкость мгновенно сменилась растерянностью.

— Не расслышала? Амнезия. Она ничего не помнит. И тебя, по всей видимости, тоже, — пояснил Вернон, переводя взгляд на Роуи, будто проверяя, держится ли она.

— Это правда, Ру? — уже тише, почти шёпотом спросила незнакомка, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на испуг.

— Да... Прости, но я совсем ничего не помню. И тебя, к сожалению, тоже не могу вспомнить, — произнесла Роуи, и в этих словах сквозила такая горькая вина, что ей самой стало тяжело дышать.

— Это невозможно... — прошептала девушка, покачивая головой, будто пыталась стряхнуть с себя услышанное, сделать так, чтобы оно оказалось неправдой.

— Как видишь, всё реально и возможно, — спокойно, но жёстко ответил Вернон и убрал руку, которая до этого словно защищала Роуи. Теперь это был не щит, а знак: он отступает, позволяя им поговорить, если Роуи этого хочет.

— Как так вышло? А как Тру? Он в курсе? Ты ему уже сказала? Ты его-то помнишь? — в голосе девушки снова прорезалась тревога, на этот раз не злая, а отчаянная.

— Нет... Прости, я совсем не понимаю, о ком ты говоришь, — тихо промолвила Роуи, чувствуя, как стыд и беспомощность снова подступают к горлу.

Девушка замерла, будто эти слова лишили её последней опоры. Она приоткрыла рот, словно хотела сказать что-то ещё, но не нашла слов. Потом медленно опустила плечи, и вся её воинственность будто вытекла из неё, оставив только усталость и растерянность.

— Жесть... Забыть лучшую подругу и друга, с которым прожила всю жизнь... — проговорила она с ноткой глубокого разочарования, и в этой фразе прозвучало не осуждение, а боль от того, что мир вдруг стал чужим не только для Роуи, но и для неё самой.

Она сделала шаг вперёд, уже не агрессивно, а осторожно, будто боялась спугнуть Роуи, как пугливое животное.

— Ру... Ты хоть что-нибудь помнишь? Хоть что-то? — спросила она уже совсем другим голосом — тихим, почти умоляющим.

Роуи покачала головой, чувствуя, как к горлу подступает ком.

— Практически ничего. Прости...

Девушка на секунду закрыла глаза, будто собираясь с силами. Без объяснения обняла свою подругу, хоть она её и не помнит вовсе. Роуи не стала возражать, но и в ответ не обнимала, так как всё ещё была в растерянности от происходящего.

Они прошли к дальнему столику, подальше от любопытных взглядов посетителей. Роуи села, сжимая руки в кулак, и впервые за долгое время почувствовала, что, возможно, она

не совсем одна в этом чужом мире.

Глава 3

Трио устроилось за крайним столиком в закусочной: Роуи и Вернон сели рядом, а подруга — напротив, всё ещё будто не в силах поверить в происходящее.

— Боже, я всё ещё не могу это уложить в голове... Я думала, ты просто загуляла с Тру и потому не выходила на связь. Как так вышло?

Роуи впервые за долгое время заговорила сама, не дожидаясь, пока Верн подхватит фразу и скажет за неё. Ей отчаянно хотелось вернуть ту невидимую нить, что когда-то связывала её с этой девушкой пусть теперь та и казалась почти незнакомкой. В глазах подруги читалась искренняя, острая тревога — и от этого слова давались чуть легче.

— Я... попала в аварию, — тихо начала Роуи, подбирая каждое слово, будто оно могло рассыпаться, если произнести его слишком быстро. — Я не помню, куда ехала и зачем. Верн буквально вытащил меня из машины. Спас. А врачи сказали, что я потеряла память. Возможно, временно... Надеюсь, это правда временно.

Последние слова она прошептала почти про себя, но подруга слышала. И в этом шёпоте было столько хрупкой надежды, что у неё дрогнуло сердце.

К концу своего сбивчивого рассказа Роуи будто переключилась: неуверенность в голосе сменилась напряжённой со-

бранностью, словно она пыталась силой воли сложить из обрывков хоть какой-то осмысленный пазл.

Подруга не стала ждать, пока девушка закончит. Она резко, но бережно накрыла её ладонь своей и сказала твёрдо, с той самой прежней уверенностью, которую Роуи когда-то знала как что-то само собой разумеющееся:

— Ру, не переживай. Мы пройдем это вместе. Я помогу. Расскажу всё, что знаю о тебе. Ты не одна.

В этот момент их перебила официантка:

— Уже выбрали, что будете заказывать?

— Да. Мне, пожалуйста, ваши панкейки и лимонад, — впервые за весь разговор Верн оторвался от своих мыслей и выглянул из-за меню, будто сам удивился, что решился что-то выбрать.

— Хорошо, — кивнула официантка и перевела взгляд на девушек.

— Ой, спасибо, я не голодна, — быстро проговорила подруга, но её глаза тут же метнулись к Роуи — будто она боялась, что та снова ускользнёт в эту пугающую тишину между словами.

Официантка смотрела теперь только на Роуи. Та раскрыла меню, но вместо строк с блюдами видела перед собой лишь цветные пятна. Картинки были красивыми, но абсолютно чужими. Она скользила взглядом по строчкам, не в силах понять, хочется ли ей чего-нибудь — или, что ещё хуже, не помнит ли она своего любимого блюда.

Подруга заметила этот растерянный, блуждающий взгляд — и, не дожидаясь, пока Роуи запутается в словах ещё сильнее, спокойно сказала вместо неё:

— Девушке — шарлотку, пожалуйста. И стакан простой воды. Чтобы не перебивать вкус пирога.

Она произнесла это с лёгкой улыбкой, снова глядя на Роуи, — так, будто в этой маленькой бытовой заботе можно было спрятать весь страх, который сейчас висел между ними.

— Хорошо, записала, — официантка повторила заказ, коротко кивнула и ушла передавать его на кухню.

Но Роуи, едва услышав про «простую воду», будто перестала видеть закусочную. Звуки приглушились, запахи растворились, и она вдруг оказалась не здесь, а в каком-то зыбком, полустёртом воспоминании — будто кто-то дёрнул за ниточку, и прошлое потянулось следом.

Было около полудня. Роуи задержалась у зеркала в уборной, чуть подправила помаду, пригладила светлые локоны — те самые упрямые кудри, что то и дело выбивались из причёски, придавая ей этот небрежный, почти растрёпанный вид, который она в себе терпеть не могла. В отражении она на секунду замерла: белая футболка с лёгкими потёртостями, бледно-зелёный топ под ней, взгляд чуть усталый, но уже не такой потерянный. Будто, приводя в порядок мелочи, она понемногу собирала и себя.

Выйдя, она сразу заметила Тру: он сидел за тем же столиком и, склонившись, складывал из бумажной салфетки оче-

редного журавлика. Пальцы двигались быстро, почти нервно, будто он пытался унять волнение в этом монотонном, знакомом с детства движении. Эта его привычка всегда умиляла Роуи — как будто в мире, где всё могло пойти наперекос, он всё ещё верил, что из простой бумаги можно сделать что-то хорошее.

Она тихо опустилась на стул напротив и, не удержавшись, улыбнулась:

— Такими темпами ты соберёшь целое семейство журавлей.

Тру поднял глаза, и в его взгляде Роуи сразу прочла ту самую натянутую нервозность, которую он так старался скрыть. Журавлик в его пальцах чуть дрогнул.

— Не смешно, — буркнул он, но в голосе не было злости — только напряжение.

— Да ничего страшного не будет, — мягко сказала Роуи, стараясь звучать как можно спокойнее. — Подумаешь, девушка пригласила встретиться. Я же здесь. Если что, помогу. Или, если надо будет, резко вспомню про свои "срочный дела" дома и оставлю вас наедине.

Она подмигнула, пытаясь разрядить обстановку. Тру лишь демонстративно закатил глаза и перевёл взгляд в окно, будто там было что-то невероятно интересное.

— И зачем ей вообще понадобилось видаться со мной вне работы? — пробормотал он чуть возмущённо.

— А зачем согласился? Ловелас ты мой, — поддразнила

Роуи,

Парень в ответ даже не посмотрел на подругу

Роуи тут же смягчила тон:

— Шучу. Ты нормальный парень. Тем более она сама предложила. Главное, не включай того самого «нетакусю», который молчит всю прогулку. Она ведь с тобой гулять идёт, а не со мной.

Тру хотел было что-то возразить, но не успел: над дверью звякнул колокольчик. Роуи обернулась и увидела невысокую девушку с лёгкой улыбкой на лице. Та сразу заметила знакомый затылок Тру и, чуть ускорив шаг, направилась к их столику.

— Это она? — быстро прошептал Тру, и в его голосе прозвучала почти паника.

— Похоже на то, — тихо ответила Роуи, сдерживая улыбку. — И, кстати, у тебя неплохой вкус.

Тру только успел скривиться, а девушка уже подошла к столику.

— Привет, — сказала она радостно, чуть наклонив голову.

— Привет, — неуверенно отозвался Тру. — Это Роуи, моя подруга. Я тебе о ней говорил. Ты вроде не была против, если она посидит с нами.

Девушка повернулась к Роуи и протянула руку:

— Элизабет Фэрроу. Можно просто Бетти.

— Роуи Вали. Можно просто Ру, — ответила Роуи, пожимая её руку.

В голове девушка подметила что девушку зовут также как её любимую куклу из детства.

— Можно я присяду? — спросила Бетти, глядя на Тру.

— А, да, конечно, — он поспешно подвинулся ближе к окну, освобождая место.

— Ну, рассказывайте, что тут интересного происходит? — спросила Бетти, усаживаясь.

Роуи тут же отметила её акцент — не совсем привычный для Буффало, да и вообще для этих мест. В нём слышалось что-то мягкое, чуть округлённое, нездешнее.

— Да без тебя тут ничего интересного и не происходило, — улыбнулась Роуи. — Только Тру для тебя целую стаю журавликов собирает.

— Да я... — начал было Тру, слегка запнувшись, но быстро понял, что спорить бесполезно: напор Роуи было не остановить.

— Ух ты, ты занимаешься оригами? — Бетти взяла одного журавлика в руки, покрутила, разглядывая аккуратные сгибы.

— Ну, в детстве много чего умел, — пожал плечами Тру, будто это было чем-то незначительным.

— Да он вообще парень на все руки, — перебила Роуи, не давая ему уйти от темы. — Мы с ним так и познакомились: мне тогда куклу сломали, а он единственный, кто смог её «вернуть к жизни».

С гордостью в голосе сказала девушка

— Тру много о тебе рассказывал, — вставила Бетти, переводя взгляд с одного на другого. — Сначала я думала, вы брат с сестрой — так похожи. Так и не скажешь, что просто судьба свела.

— Нам это часто говорят, — усмехнулась Роуи.

— Прости за бестактность, но твой акцент... Ты не из Буффало? — не удержалась Роуи.

— А, заметно, да? — Бетти слегка рассмеялась.

— Я из Англии. Сначала жила в Нью-Йорке, но он оказался слишком большим, слишком шумным. Перебралась сюда. А с этим красавчиком познакомилась на работе, в баре.

Она дружески ткнула Тру в плечо, и тот смущённо поёжился.

— Ого, прямо из Англии! А почему решила переехать? Если не секрет.

— Вообще-то по учёбе. Хотела поступить именно здесь...

— Бетти на секунду замолчала, будто взвешивая, стоит ли продолжать. — Если подружимся, расскажу побольше.

Их разговор прервала официантка:

— Уже выбрали, что будете заказывать?

Роуи первой подняла руку:

— Мне, пожалуйста, шарлотку и стакан простой воды.

Остальные тоже быстро сделали заказ, и официантка, записав, ушла.

— Шарлотка с простой водой? — с любопытством посмотрела на неё Бетти. — Интересное сочетание.

— Да я просто обожаю шарлотку, — улыбнулась Роуи. — А вода не перебивает вкус. Так вкуснее.

И в тот самый момент, когда она договорила, что-то неуловимо изменилось. Роуи едва успела моргнуть — а за окном вдруг сгустился густой, непроглядный туман, будто кто-то накинул на мир влажную серую вуаль. И в ту же секунду Тру и Бетти словно растворились в воздухе: их стулья остались на месте, но сами они исчезли. Перед Роуи не было ни друзей, ни оживлённого разговора, ни даже запаха свежей выпечки — только тишина и этот странный, вязкий туман, плотно обступивший закусочную снаружи.

Роуи в панике обернулась, резко вскочила из-за стола — и застыла, не в силах поверить в то, что видела. Закусочная, ещё минуту назад наполненная приглушённым гулом голосов и запахом тёплого теста, теперь казалась вымершей. Ни Тру, ни Бетти — ни следа. Только одинокие стулья, будто застывшие в нелепой мизансцене, и тишина, тяжёлая, вязкая, как этот туман за окном.

— Что за бред... — прошептала Роуи вслух, голос прозвучал непривычно громко в опустевшем зале. — Тру? Бетти?

Она звала их, вслушиваясь в эхо собственных слов, но ответом была только тишина. Подойдя ближе к выходу, она снова заметила его — тёмный силуэт у крыльца, тот самый, что мелькал в её снах и в отражении зеркала. Тот же парень в джинсовке, будто застывший во времени. На этот раз страх не сковал её целиком: что-то внутри требовало ответов. Не

раздумывая, она шагнула на крыльцо, в сырую пелену тумана, и крикнула в сторону силуэта:

— Кто ты? Что тебе надо?

Фигура не шелохнулась. Роуи так и не решилась подойти ближе, но и стоять столбом было невыносимо. Она уже хотела развернуться и вернуться в закусочную, когда в один миг всё изменилось: силуэт оказался прямо перед ней. Его руки схватили её за горло — резко, безжалостно. Она не успела даже вскрикнуть. Хватка была железной, пальцы впивались в шею с такой силой, что, казалось, кости вот-вот хрустнут. Глаза залило слезами, мир расплылся в мутную серую пелену. Она пыталась отбиваться, толкать нападавшего в грудь, но каждый удар, будто разбивая тьму, вызывал странный эффект: в местах, куда попадали её кулаки, из фигуры начинала сочиться кровь, густая и тёмная, словно чернила. Но, несмотря на это, он оставался непоколебимым, подавляя её одной лишь грубой силой. Через считанные минуты силы покинули Роуи, пелена слёз сменилась абсолютной темнотой, а тишину разорвало знакомое, назойливое пищание медицинских аппаратов.

Она снова очнулась на больничной койке. На этот раз рядом были знакомые лица: Вернон и Бетти. Та самая Бетти из закусочной — те же глаза, тот же чуть заметный английский акцент, который Роуи теперь отчётливо вспомнила. В голове всплывали обрывки: момент знакомства, Тру, который чинил её куклу, Тру, который привёл Бетти в их компа-

нию. Всё это складывалось в мозаику, но в ней по-прежнему не хватало главного — самого Тру. Где он? Почему исчез? Возможно, в ту ночь она ехала именно к нему. А если он в опасности? И самое мучительное — она не помнила даже его фамилии. Как найти человека, с которым прожила, кажется, всю жизнь, но теперь не могла вспомнить ни одной детали этой жизни?

— Эй, ты как? — с тревогой в голосе спросила Бетти.

Вернон стоял чуть позади, давая Бетти возможность первой заговорить с Роуи.

— Опять больница? — с горькой иронией произнесла Роуи. — Сколько можно.

В палату вошёл тот же врач, что и в первый раз, когда она узнала, что её память — чистый лист.

— Учитывая полученные травмы, у пациентки могут случаться обмороки. Для её же безопасности я рекомендую больничный на четырнадцать дней и стационарное наблюдение, — спокойно, но твёрдо проговорил он.

От этих слов Роуи передёрнуло. Мысль о том, чтобы снова остаться в этих стерильных стенах, казалась невыносимой.

— Нет, пожалуйста, только не стационар, — она попыталась сесть, голос звучал отчаянно. — Я уже чувствую себя лучше.

Резкое движение отозвалось головокружением — мир на секунду поплыл, и её качнуло. Бетти тут же схватила её за руку, удерживая, а Вернон шагнул ближе, в его взгляде чита-

лась напряжённая готовность подхватить, если понадобится.

— Есть альтернативный вариант, — продолжил врач, чуть смягчив тон. — Если у пациентки будет постоянный при-
смотр, мы можем отпустить её домой. Нужен человек, кото-
рый будет рядом всё время восстановления.

Его взгляд скользнул по Бетти и Вернону.

— Я могу... — начала Бетти, но Вернон опередил её:

— Я готов. Я буду с ней, прослежу за лечением.

Роуи на мгновение замерла, будто заново привыкая к зву-
ку его голоса. Она и правда успела забыть, как он звучит.

— Почему ты? — возмутилась Бетти, в её голосе смеша-
лись обида и тревога. — Ты знаешь её всего пару дней. Я
должна быть рядом.

— У тебя работа, учёба, — спокойно, без упрёка, но с хо-
лодной логикой ответил Вернон. — Есть ли у тебя машина,
чтобы возить её на приёмы? Средства, чтобы обеспечить ей
всё необходимое?

Роуи не пыталась вмешаться. Ей хотелось только одного
— вырваться из этих стен.

Спор был недолгим: доводы Вернона оказались убеди-
тельнее. После оформления всех бумаг он усадил обеих де-
вушек в машину.

— Ру, ну ты как? — осторожно спросила Бетти с заднего
сиденья.

— Я... не понимаю, что это было. Сон, видение, обрывок
воспоминаний... Сама ещё не разобралась. Но я вспомнила

тебя, Бетти, — тихо добавила Роуи, будто произнося её имя, она закрепляла этот кусочек памяти.

— Слава богу, хоть что-то хорошее, — голос Бетти дрогнул от облегчения. — Ты упала в обморок. Спасибо, что Вернон был рядом — он так быстро среагировал. Я так боялась...

Она протянула руку вперёд и легонько погладила Роуи по плечу.

Всю дорогу Вернон молчал, сосредоточенно глядя на дорогу, будто весь его мир сейчас заключался в том, чтобы безопасно доставить их домой.

Когда они доехали до дома Бетти, та повернулась к Роуи: — Завтра приеду к тебе с ночёвкой. Расскажу всё, что помню, — каждую мелочь, каждую историю. Всё, что поможет тебе снова собрать себя по кусочкам.

Она протянула листок с номером телефона.

— Держи. И не переживай насчёт телефона — я куплю. Считай это подарком на наше второе знакомство.

Роуи взяла бумажку, пальцы чуть дрожали.

— Спасибо, Бетти. Огромное спасибо. Будем на связи. До завтра.

— Пока-пока, — улыбнулась Бетти, открывая дверь.

— Пока, — коротко бросил Вернон.

Бетти на секунду задержалась, бросив на него холодный взгляд — в нём читалось и недоверие, и обида, и какая-то упрямая гордость. Но она не хотела устраивать сцену перед

Роуи, которой и так было тяжело.

— Пока, — коротко ответила она и вышла, направившись к своему дому.

Вернон молча развернул машину, и они вдвоём поехали к дому Роуи. В салоне повисла тишина — не напряжённая, а скорее осторожная, будто оба боялись нарушить хрупкое равновесие, которое только начало устанавливаться между ними.

Когда стемнело, город за окном машины превратился в россыпь дрожащих огней — жёлтых, белых, редких красных, мелькавших в ритме поворотов и светофоров. Роуи смотрела на них, будто пыталась выцепить в этом мерцании хоть какой-то знак, подсказку, что всё будет хорошо. Она не решалась заговорить с Верноном, лишь время от времени бросала на него короткие взгляды. Он, как и днём, был предельно сосредоточен на дороге: руки уверенно лежали на руле, взгляд не отрывался от трассы, будто весь мир сузился до этой полосы асфальта и жёлтой разделительной линии.

В голове у Роуи роились мысли о Тру. Если он был для неё самым близким человеком — почти единственным, кто по-настоящему её знал, — то почему сейчас его нигде нет? Почему его вещи остались дома, а сам он словно растворился в воздухе? В глубине души она всё ещё лелеяла глупую, но упрямую надежду: вот они подъедут, она войдёт в дом — и на пороге снова окажется он. С этим своим вечно хмурым видом, с растрёпанными светлыми волосами, будто только

что проснулся или весь день провёл, бегая по делам. Она так хотела снова увидеть эту привычную, до боли знакомую небрежность, услышать его ворчливый голос, который всегда звучал так, будто он устал от всего мира, но ради неё готов был сделать исключение.

Но вместе с этими воспоминаниями в груди разрасталось странное, колющее чувство несоответствия. В обрывках прошлого Роуи видела себя совсем другой — яркой, целеустремлённой, весёлой, той, кто всегда оказывалась в центре внимания, кто умел заразить всех вокруг своей энергией. Эта девушка казалась ей сейчас почти чужой. Нынешняя Роуи была замкнутой, растерянной, не знающей, куда шагнуть дальше. Она с трудом верила, что до аварии могла быть именно такой — полной жизни, уверенной, смелой. И главный вопрос, который не давал ей покоя, звучал всё громче: сможет ли она когда-нибудь снова стать той прежней Роуи? Или теперь ей предстоит строить совершенно новую версию себя — Роуи, которой придётся заново искать свой смысл, свою значимость, заново учиться доверять людям и находить тех, кто останется рядом.

Время от времени её взгляд снова и снова возвращался к Вернону. В приглушённом свете уличных фонарей его профиль казался особенно чётким: тёмные волосы, чуть небрежно спадающие на лоб, спокойное, собранное выражение лица, лёгкая тень усталости в линии скул. Он выглядел как человек, который привык держать всё под контролем, да-

же если внутри всё кипит. В какой-то момент в голове Роуи мелькнула мысль: он словно идеальный проводник по этому новому, незнакомому миру. Ему не нужно было знать её историю, чтобы оставаться рядом, не нужно было ждать откровений, чтобы просто быть опорой. И в груди у неё что-то дрогнуло — тихо, едва уловимо, как первый луч рассвета, пробивающийся сквозь плотные шторы.

Вернон, почувствовав на себе её взгляд, чуть повернул голову, не отрывая глаз от дороги:

— Что-то не так?

Роуи вздрогнула, будто её поймали за чем-то личным, и поспешно покачала головой:

— Нет, всё хорошо. Просто... я всё думаю о Тру. Сегодня мне и сон приснился, и в закусочной он был, и везде он рядом, будто не даёт мне потеряться. А сейчас его нет. Вообще нигде. И это странно. Я думала, если со мной случится что-то подобное, он будет первым, кто окажется рядом. А его нет. И я не понимаю, где он, что с ним, и эта неизвестность пугает меня больше всего.

Она говорила спокойно, почти без эмоций — просто выкладывала вслух то, что копилось внутри, словно, произнося эти слова, надеялась придать им хоть какой-то смысл.

Вернон молча слушал, не перебивая, не пытаясь сразу дать ответы. Когда она закончила, он на секунду задержал взгляд на дороге, будто подбирая слова, и наконец произнёс:

— Может, он и не так сильно тобой дорожил.

Роуи резко повернула к нему голову, в глазах мелькнуло удивление, почти обида.

— Нет, я, конечно, могу ошибаться, — тут же добавил Вернон, будто почувствовав, как остро прозвучали его слова. — Но это действительно странно. Ты вспоминаешь его как человека номер один в своей жизни, а сейчас его даже дома нет. Я не знаю, что между вами было или что произошло в тот вечер, но, возможно, ещё до аварии вы уже были на дистанции? Может, между вами что-то случилось, и вы просто не успели это исправить.

Он говорил ровно, без осуждения, просто рассуждал вслух, параллельно плавно вписываясь в очередной поворот. Машина уверенно катила вперёд, приближаясь к знакомому району, к дому Роуи.

Роуи не ответила. Его слова повисли в воздухе, холодные и неумолимые, но в них была своя жестокая логика. Что могло произойти между двумя людьми, которые, казалось, прожили бок о бок всю жизнь, чтобы вдруг оказаться на расстоянии, которое ни один звонок не способен преодолеть? В голове снова вспыхнул обрывок: знакомые ворота, подъезд, крыльцо. И в тот же миг она увидела их в реальности — они приехали. Машина мягко притормозила у обочины, фары погасли, и на несколько секунд в салоне повисла тишина, густая и тяжёлая, словно воздух стал плотнее.

Они заехали на территорию дома и припарковались рядом с гаражами. Ворота слегка поскрипывали, будто напоминая о

чём-то давно ушедшем. Роуи невольно покосилась на гараж: раньше в нём стоял тот самый кабриолет — тот, что в одночасье лишил её привычной жизни, стёр из неё целую главу. Оба, уставшие после долгого дня, молча вошли в дом.

— Голодна? — спросил Вернон, снимая куртку. Голос его прозвучал чуть тише обычного, будто он боялся нарушить хрупкую тишину, повисшую в прихожей.

— Да не особо... А ты? — отозвалась Роуи, проходя вперёд и включая свет. Лампы загорались одна за другой, разгоняя сумрак, и дом будто просыпался, раскрываясь перед ними.

— Я бы не отказался, если честно, — немного неловко произнёс Вернон. Он редко бывал в гостях — если вообще бывал в сознательном возрасте, — и просьба о еде казалась ему почти наглостью. Но, к собственному удивлению, он не чувствовал дискомфорта. Скорее, это была приятная неловкость: будто он ступал по слишком личному пространству Роуи, касался чего-то сокровенного. И эта мысль, как ни странно, ему даже нравилась.

— Хорошо, я пойду переоденусь и спущусь. Всё, что найдёшь на кухне, — твоё, — бросила девушка, уже исчезая на лестнице, ведущей на второй этаж.

Вернон молча прошёл на кухню и щёлкнул выключателем. Свет залил помещение, и кухня предстала перед ним во всей своей безупречности: идеально чистая, удивительно красивая, местами даже поблескивающая, будто её устано-

вили только вчера. Это выглядело неожиданно на фоне дома, который снаружи напоминал старинный особняк — чуть угрюмый, замкнутый, будто прячущий свои тайны за толстыми стенами.

Вернон заглянул в холодильник, потом в шкафчики, и в итоге решил приготовить классический сэндвич «гриль-чиз». Пока он искал нужные ингредиенты, Роуи уже спустилась вниз. На ней был простой пижамный костюм — мягкий, уютный, совсем не похожий на ту одежду, которую она носила раньше.

Зайдя в дверной проём кухни, она увидела Вернона: в обычных свободных джинсах и классической белой футболке, он внимательно изучал содержимое полок. Заметив Роуи, парень улыбнулся и скользнул по ней взглядом.

— Проходи, садись, — кивнул он.

— Может, чем-то помочь? — спросила девушка, усаживаясь за стол.

— Да не надо... Хотя, — продолжил Вернон, всё ещё роясь в шкафчиках, — не подскажешь, где у тебя соус?..

Он не договорил, провёл рукой по лицу и с лёгкой неловкостью развернулся к Роуи.

Девушка, заметив его замешательство, не удержалась и тихо рассмеялась:

— Да-да, я тоже не помню.

Вернон улыбнулся в ответ:

— Прости, забываю...

Услышав это «забываю», Роуи вдруг рассмеялась уже в голос — то ли от накопившегося стресса, то ли от того, насколько нелепой и в то же время уютной была эта ситуация. Вернон тут же подхватил её настроение, и вскоре они уже смеялись в унисон, и этот смех, лёгкий и искренний, будто смывал с них усталость дня.

— Ладно, ладно, сиди, я сам разберусь, — проговорил Вернон, всё ещё вытирая выступившие от смеха слёзы.

— Ну хорошо, — отозвалась Роуи и, не удержавшись, стащила со столешницы огурец прямо из-под руки Вернона. Она взяла его, как микрофон, и, подойдя к парню, изобразила ведущую вечерних новостей:

— Итак, мистер Вернон Халл, что вы можете рассказать о своей жизни?

Её голос звучал игриво, а в глазах плясали озорные искорки. Атмосфера на кухне стала совсем другой — лёгкой, непринуждённой, будто между ними рухнула невидимая стена.

— Смотря какая часть меня вас интересует, миссис Вали, — ответил Вернон, не отрываясь от нарезки продуктов.

— Ну даже не знаю... Расскажи, например, про родителей.

Роуи чуть ли не поднесла огурец к его губам, словно это был настоящий микрофон, требующий немедленного ответа.

— Родители... Мама у меня — безупречная женщина.

Всю жизнь старалась дать мне только лучшее, всегда была на моей стороне, всегда помогала чем могла. Я её очень люблю.

— Хорошо. А насчёт папы?

— Отца, в общем-то, и не было. Родного я даже не знаю, да и не расспрашивал маму об этом. Отчим... Ну, он как незнакомец в моей жизни. Главное, что маме с ним хорошо. А меня он не трогает, да и я его тоже.

— Понятно, — тихо сказала Роуи, и её игривость на мгновение угасла, уступив место чему-то более глубокому, почти бережному. — А насчёт личной жизни? Что расскажешь? У такого хорошего мальчика наверняка есть какая-то любимица.

Она снова попыталась вернуть шутливый тон, но в вопросе прозвучало и искреннее любопытство.

Вернон слегка усмехнулся:

— А у такого хорошего мальчика и не было толком отношений. Либо я сам их отвергал, потому что понимал, что не смогу построить с этой девушкой свою жизнь, либо меня бросали. Пока ничего глобального так и не встретил. А что, претендуешь? — он развернулся и посмотрел Роуи прямо в глаза.

От этого прямого взгляда девушка на секунду растерялась. Вся её игривость куда-то испарилась, и она вдруг почувствовала себя слишком открытой, слишком уязвимой.

Но Вернон не дал неловкости затянуться. Он легко выхватил у неё из рук огурец, откусил и, чуть прищурившись, про-

говорил:

— Кажется, миссис, вы проглотили язык. Да и микрофон ваш не особо вкусный. Не хватает соли.

Роуи снова рассмеялась, и напряжение растаяло, как утренний туман под первыми лучами солнца.

— Расскажи что-нибудь ещё о себе, — сказала она, возвращаясь за стол и зевнув. Усталость потихоньку брала своё.

— Рассказывать я могу долго, — усмехнулся Вернон.

И действительно, после этих слов он начал делиться историями — одну за другой. Рассказывал, как в школе бегал за учителем и уговаривал исправить оценку, как мечтал стать учителем, а теперь, чтобы хоть немного приблизиться к этой мечте, занимается репетиторством.

Роуи сидела и слушала, наблюдая за тем, как Вернон, стоя к ней спиной, что-то готовил, одновременно увлечённо рассказывая о своей жизни. Его голос постепенно становился всё мягче, ровнее, и в какой-то момент начал звучать как тихая колыбельная.

И на середине очередной истории Роуи просто уснула за столом, так и не дослушав до конца рассказ Вернона.

Глава 4

Утро обрушилось на Роуи с той безжалостной внезапностью, когда реальность будто нарочно спешит напомнить: ты не можешь прятаться от дня вечно. Открыв глаза, она на мгновение застыла, не сразу сообразив, где находится. Комната была её — и в то же время чужой. В памяти упрямо держался другой финал вечера: она должна была уснуть на кухне, под ровный, убаюкивающий голос Вернона, пока он делился историями из своей жизни. От этой мысли в груди шевельнулось неловкое, колющее чувство вины — словно она бесцеремонно оборвала его откровенность, просто закрыв глаза.

Подойдя к зеркалу, Роуи машинально провела ладонью по волосам, пытаясь собрать себя в кучу. И вдруг осознала: этой ночью не было ни вязкого тумана, ни зловещего силуэта, ни ледяного ощущения чужих пальцев на горле. Впервые за долгое время её не преследовали обрывки прошлого — или, что ещё вероятнее, она их просто не запомнила. Станным образом эта тишина в снах даже слегка разочаровала. Пусть видения были пугающими, но в них таился намёк на разгадку, на ниточку, за которую можно потянуть, чтобы вернуть себя. А теперь перед ней снова была только пустота.

Из коридора донёсся приглушённый звук воды в ванной. Роуи замерла на пороге, прислушиваясь, а потом, повинувшись

внезапному любопытству, сделала несколько шагов вперёд. Из приоткрытой двери виднелась мужская фигура — Вернон, только что вышедший из душа. Его спина, ещё влажная, блестела в тусклом свете, полотенце небрежно держалось на бёдрах. На секунду время будто замедлилось.

Роуи скользнула взглядом ниже, по рельефным линиям его плеч и спины, по твёрдым очертаниям мышц, будто высеченных из камня. Пройдя взглядом ниже по накачанному телу, девушка дошла до полотенца на поясе. По сути, она потеряла память и никогда раньше не видела парней в таком виде — и теперь каждая деталь казалась одновременно чужой и странно притягательной. Она поймала себя на том, что откровенно пялится, рассматривает хоть и красивого, но полубога Вернона, и от этой мысли щёки вспыхнули жаром. Какая-то часть её, любопытная и бесстрашная, хотела увидеть и переднюю часть этого тела, заглянуть чуть дальше дозволенного, но стыд быстро взял верх. Чтобы не дай бог не встретиться с ним взглядом, она резко отступила, бесшумно прикрыв за собой дверь, и прислонилась к ней спиной, чувствуя, как бешено колотится сердце. «Просто подожду, пока он оденется, — пронеслось в голове. — Потом спокойно выйду».

Её спальня, казалось, не спешила раскрывать свои секреты. В отличие от комнаты Тру, которая дышала жизнью и личными мелочами, эта выглядела почти обезличенной — будто её обставили по каталогу, а не собирали годами. Кро-

вать, туалетный столик с зеркалом, шкафы, набитые одеждой до отказа. «Видимо, прежняя Роуи любила производить впечатление», — подумала она с лёгкой иронией.

Пока она перебирала флаконы и коробочки на туалетном столике, в коридоре раздался скрип ступеней — Вернон спускался вниз. Роуи на секунду замерла, прислушиваясь к шагам, а потом, убедившись, что путь свободен, метнулась в ванную. Под тёплыми струями душа мысли кружились, как листья на ветру. Планов на день не было — разве что вечером должна приехать Бетти, чтобы рассказать о ней всё, до последней мелочи. И от этой перспективы одновременно становилось и легче, и страшнее: услышать чужую версию своей жизни — всё равно что примерить на себя чужую кожу.

Когда Роуи вернулась в комнату, перед ней будто встала задача собрать себя заново — по деталям, по штрихам. Сев за туалетный столик, она принялась за макияж, слой за слоем возвращая тот образ, который когда-то был её бронёй. Лёгкая небрежность в укладке, выразительный акцент на глазах, чуть подчёркнутые губы — всё это складывалось в знакомый, но уже почти забытый силуэт уверенности. Из шкафа она вытащила короткую клетчатую юбку, добавила к ней белую рубашку, чёрный галстук и кожаную куртку — образ, в котором можно было не прятаться, а бросаться навстречу дню. В зеркале отразилась девушка, которая выглядела так, будто знает, чего хочет. Роуи посмотрелась в своё отражение,

пытаясь уловить хоть искру узнаваемости. В этой уверенной, собранной версии себя было что-то от прежней Роуи — но пока это была лишь маска, тонкая оболочка, за которой всё ещё пряталась растерянная девушка, ищущая дорогу домой.

Спустившись на кухню, она застала Вернона у холодильника. Роуи застыла на пороге, и в груди что-то неприятно ёкнуло: на Верноне была та самая полосатая пижама в сине-белую полоску. На секунду реальность будто треснула по шву, и два мира наложились друг на друга. А потом в нос резко ударил густой, терпкий запах свежесваренного кофе — настоящий, тёплый, живой. В момент ей показалось, что время не просто замедлилось — оно треснуло, и сквозь эту трещину хлынуло прошлое.

«Боже, боже, я опаздываю!» — мысль ударила, как разряд тока. Роуи заметалась по комнате, шаря глазами по поверхностям, бормоча себе под нос: «Да где эти чёртовы ключи... Тру, ну давай, вставай!»

Она рванула к дивану и сдёрнула с парня одеяло. Под ним оказался Тру — в тех же самых штанах, что сейчас были на Верноне. Без футболки, с чуть очерченным рельефом мышц, он выглядел до обидного расслабленным.

«Да что ты там бубнишь? Это у тебя сегодня собеседование, не у меня. Отстань...» — пробурчал он, не открывая глаз, и слепо потянулся за одеялом, которое Роуи унесла с собой в вихре паники.

«Если я не пройду это собеседование, нам не на что будет

платить за квартиру!» — голос сорвался на хриплый крик, в нём звенела не злость, а отчаяние.

И тут она увидела их — ключи, скромно лежали на полке за кроватью. Роуи выдохнула, будто с груди сняли бетонную плиту. Не теряя ни секунды, она метнулась к кровати, оперлась рукой прямо на кровать — и, перегнувшись через Тру, потянулась к полке.

«Ты чего делаешь?! Ай, больно!» — Тру дёрнулся, когда её локоть врезался ему в пресс.

«Тихо, не дёргайся!» — она стиснула зубы, вытянула руку до предела и наконец сомкнула пальцы на связке ключей. Оттолкнувшись, выпрямилась и тут же развернулась к зеркалу — поправить выбившуюся прядь, одернуть пиджак, убедиться, что выглядит хотя бы сносно.

Снова повернулась к Тру. Он всё ещё лежал, потирая живот, сонный и слегка обиженный.

«Ну как я сегодня? Красивая?» — спросила она, быстро крутанувшись на месте, будто от его ответа зависело всё.

Тру приоткрыл один глаз, посмотрел на неё так, будто видел не спешащую на собеседование девушку, а что-то бесконечно знакомое и родное, и хрипло пробормотал:

«Как всегда ослепительно. У меня даже глаза до конца не открываются...»

«Вот и отлично!» — она уже снова металась по комнате, проверяя, не забыла ли что-то важное.

«Всё, я побежала! Пожелай мне удачи. И на кухне твой

кофе — не забудь выпить!»

«Давай, удачи там...» — сонно протянул он, уже тянувшись к телефону.

«Ключи я забрала. Будь дома, пока-пока!» — и она вылетела за дверь.

Они жили невысоко, и Роуи решила не ждать лифта — просто сбежала по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, чтобы не опоздать ещё сильнее. Это было уже не первое собеседование за неделю, и каждый раз всё заканчивалось одинаково: вежливые улыбки, уклончивые фразы и тихий, но отчётливый подтекст: «Девушка из общего дома, без семьи, без опоры... нам это не подходит». Каждое собеседование было на счету. Тру в одиночку, работая в баре, едва сводил концы с концами, и Роуи отчаянно надеялась, что хоть в этот раз ей дадут шанс.

Вылетев на первый этаж, она резко остановилась, будто налетела на невидимую стену. Вокруг была странная, звенящая тишина. Ни прохожих, ни машин, ни привычного городского гула — только пустота. «Нет смысла стоять, пойду пешком», — решила она, но, обернувшись, снова увидела его — тот самый силуэт, уже почти родной, но от этого не менее пугающий.

Нервы натянулись до предела. После последней встречи с ним в памяти не осталось ничего, кроме липкого, холодного страха. Силуэт снова возник справа. Роуи, не раздумывая, толкнула его плечом — и он, к её удивлению, не сопротив-

лялся. Но через несколько шагов он опять оказался рядом. Ещё толчок. Ещё шаг. И снова он — справа. Это напоминало какую-то безумную, зловещую игру, будто она попала во временную петлю, из которой не было выхода.

Очередной толчок, и вдруг силуэт заговорил — грубым, скрипучим голосом, совсем не похожим на человеческий: «Связаны».

Роуи не обратила внимания и пошла дальше. Но он снова возник рядом, и снова, и снова. Каждый раз, когда она отталкивала его, он лишь повторял: «Связаны, мы связаны, связаны...»

К очередному разу она уже не могла выносить это монотонное, навязчивое бормотание. Остановившись, Роуи резко развернулась и подошла вплотную к силуэту — к этой тёмной фигуре, от которой всё ещё тянуло сыростью и дымом, будто он только что выбрался из пожара.

«Что значит „связаны“? Как мы связаны? Кто ты такой?!» — она почти кричала ему в лицо, если у него вообще было лицо.

В ответ силуэт резко вцепился в её плечи и начал трясти, выкрикивая: «Это всё ты, ты виновата, это всё ты, Роуи, ты, Роуи!»

Она пыталась вырваться, но хватка была железной, а слова били, как удары. И вдруг, после нескольких судорожных морганий, перед ней вместо силуэта оказался Вернон. Он держал её за плечи и настойчиво повторял: «Роуи, эй, ты

здесь? Роуи!»

Она будто вынырнула из тёмной воды. Кухня, тот же проём, тот же Вернон в полосатой пижаме — всё было на своих местах. Запах кофе по-прежнему витал в воздухе, но теперь он казался не спасением, а частью этого странного, искажённого мира.

Роуи ещё несколько секунд стояла неподвижно, пытаясь собрать себя по кусочкам. Потом медленно подняла руку и жестом показала: «Не надо меня трясги. Я здесь. Я с тобой».

Она опустилась на стул, чувствуя, как дрожат колени. Вернон подошёл, поставил перед ней стакан воды и, присев на корточки, заглянул ей в глаза.

«На, выпей. Что случилось? Опять голова закружилась?»

«Типа того...» — коротко ответила она и обхватила стакан дрожащими пальцами, будто он был единственным, что удерживало её в реальности.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Вернон, и в его голосе Роуи расслышала не просто вежливое любопытство, а настоящий, чуть испуганный трепет, будто он боялся, что она снова ускользнёт куда-то, где ему её не достать.

— Да всё хорошо, всё хорошо... Без обморока сегодня, — ответила она, стараясь вложить в эти слова ту самую небрежную уверенность, какой, как ей казалось, обладала прежняя Роуи. Ей хотелось звучать как раньше — легко, с едва уловимой насмешливой ноткой, будто ничего по-настоящему страшного не происходит. Но голос всё равно вышел чуть

надтреснутым, чужим.

Она невольно заметила, как Вернон, всё ещё сидя перед ней на корточках, машинально, почти неосознанно поглаживал её колено — то ли пытаясь её успокоить, то ли сам цепляясь за этот простой, человеческий контакт, чтобы унять собственную тревогу. Этот жест был таким тихим, таким негромким проявлением заботы, что в груди у Роуи что-то дрогнуло.

Сделав последний глоток воды, она снова подняла взгляд на Вернона — и тут же её взгляд снова споткнулся о пижаму. Полосатая ткань будто жгла глаза, снова и снова возвращая её к тому, что только что пронеслось перед внутренним взором.

— Откуда у тебя эта пижама? — спросила она, стараясь говорить спокойно, без упрёка, но в то же время настойчиво, будто от этого простого вопроса зависело, удержится ли она на краю пропасти, куда её снова и снова тянуло прошлое.

Вернон выпрямился, встал в полный рост, и теперь смотрел на неё сверху вниз. На мгновение он словно сжался, будто его отчитывали за проступок, которого он и не совершал.

— Это? Ну... — он запнулся, подбирая слова, и в этом замешательстве было что-то до боли трогательное. — У меня не было запасной одежды. Моя ещё не высохла, вот я и взял то, что нашлось.

После пары неловких секунд молчания он добавил, уже почти шёпотом, как мальчишка, который нечаянно набедо-

курил и теперь искренне стыдится перед матерью:

— Могу снять, если тебе неприятно... Или если нельзя...

— Нет, всё нормально, оставь, — тихо, почти пробурчала Роуи, окончательно приходя в себя. — Просто... видимо, Тру часто в ней ходил. Меня просто снова накрыло очередным воспоминанием.

Она не стала говорить ему про тёмный силуэт, про то, как он шептал и кричал ей в лицо, про слово «связаны», которое звенело в ушах, будто застрявшая пластинка. Это пока было слишком личным, слишком пугающим, чтобы делиться этим даже с тем, кто сейчас так старательно пытался её удержать в реальности.

— Ну, сейчас ты как? — Вернон склонил голову, и Роуи подняла глаза, встретившись с его взглядом. В его карих, почти чёрных глазах читалась не только тревога за неё, но и лёгкий стыд — за чужую пижаму, за свою неловкость, за то, что он здесь, рядом, и пока не знает, как правильно себя вести.

— Хорошо... Всё уже хорошо, — выдохнула она, и на этот раз в её словах было больше правды, чем в первой попытке казаться сильной.

Он кивнул, будто принимая её ответ, и, развернувшись, вернулся к своим незавершённым делам — снова занялся кофе, налил молока, будто эти простые, механические действия могли вернуть в мир хоть каплю порядка.

А Роуи осталась сидеть, позволяя мыслям медленно

улечься. Она перебирала в голове обрывки того, что только что видела: утро, Тру, их тесная квартира, паника из-за собеседования, тяжесть ответственности, которая давила на плечи. И среди этих осколков вдруг всплыл новый, настойчивый вопрос: как давно она вообще живёт в этом доме? Где она сейчас работает?

И тут её словно ударило током.

— Чёрт, работа! Верн, отвези меня на работу... Или меня, наверное, уже уволили за такое отсутствие, — в её голосе теперь звучала не паника, а горькая досада, будто она вдруг осознала, что реальность, которую она пыталась удержать, ускользает сквозь пальцы.

— У тебя больничный на две недели, — спокойно ответил он, не поворачиваясь, продолжая возиться с кружками и кофеваркой.

— Всё нормально, Роуи. О работе можешь в ближайшее время забыть.

Эти слова упали в тишину кухни, тяжёлые и в то же время странно освобождающие. Роуи наконец выдохнула и опустилась обратно на стул. В голове всё ещё крутились обрывки воспоминаний, и среди них, как острый осколок, торчал один вопрос, который она не могла больше игнорировать: где сейчас Тру?

Роуи всё смотрела на Вернона, и чем дольше взгляд задерживался на нём в этой чужой пижаме, тем настойчивее в голове всплывал образ Тру — такой живой, будто он сто-

ял прямо здесь, в двух шагах, и вот-вот скажет что-нибудь своё, привычное, с этой его усмешкой, от которой все тревоги на секунду становились неважными. Чтобы стряхнуть с себя это наваждение, она обвела взглядом кухню, цепляясь за любые детали, способные вернуть её в «сейчас».

И вдруг взгляд зацепился за клочок бумаги на столе — на нём неровным почерком был выведен номер Бетти. Роуи взяла ближе бумажку, провела по ней пальцем, будто так можно было вытянуть из неё хоть крупицу смысла. В груди шевельнулось что-то похожее на надежду — небольшая, осторожная, но всё же надежда.

«Нет смысла сидеть тут и смотреть в одну точку», — подумала она. Лучше пойти к Бетти на работу. Может, повезёт, и в разговоре случайно всплывёт что-то про местонахождение Тру: они ведь вместе работали. Эта мысль была хрупкой, но давала хоть какое-то направление, а Роуи сейчас отчаянно нуждалась в направлении.

Она повернулась к Вернону:

— Можно твой телефон? В голове пронеслось: "Своего я так и не получила"... Хочу позвонить Бетти.

Он молча протянул ей смартфон. Пока шли гудки, Роуи теребила край рукава, будто это могло как-то помочь справиться с мыслями. Короткий, немного скомканный разговор с Бетти закончился тем, что та подтвердила: ночная смена вот-вот закончится. И да, она будет рада увидеть Роуи.

Роуи вернула телефон и, стараясь звучать спокойно, почти

буднично, попросила:

— Можешь отвезти меня к бару? Если тебе не сложно...

— Без проблем, — просто ответил он, будто подвозить девушку, у которой реальность то и дело рассыпается на куски, было самой обычной частью его утра.

Путь до бара оказался недолгим. К удивлению Роуи, он располагался гораздо ближе к её дому, чем она ожидала, — не в центре, а в тихом районе, где старые кирпичные здания соседствовали с уютными кофейнями и редкими вывесками, которые зажигались только ближе к вечеру. Этот факт почему-то принёс странное, почти нелепое облегчение: будто мир, который казался таким огромным и чужим, вдруг подступил чуть ближе, стал чуть понятнее.

Машина плавно притормозила у входа.

— Ну всё, давай. Позвони, когда нужно будет вас забрать, — сказал Вернон, глядя прямо перед собой, на тёмные стёкла бара, за которыми угадывалось приглушённое движение.

— Хорошо, спасибо большое, что подвёз, — ответила Роуи, потянув на себя ручку двери. В салон ворвался прохладный осенний воздух — резкий, свежий, с лёгкой горчинкой опавшей листвы.

Она уже выходила, но вдруг остановилась, снова обернулась к окну, будто вспомнила что-то важное. Перепроверила в голове, не забыла ли что-нибудь, и, поймав взгляд Вернона, произнесла уже совсем другим тоном — мягким, тёплым, без прежней натянутости:

— Правда, спасибо за всё. Ты мой спаситель, Верн.

Подмигнув, она тут же развернулась и быстрым, чуть пружинистым шагом направилась к дверям бара — так, словно за этими дверями её ждала не просто подруга, а кусочек прежней жизни, который можно было снова собрать по частям.

Вернон не успел ничего ответить. Дверь машины закрылась, и в салоне остался только лёгкий, едва уловимый аромат свежего цитруса — тот самый, что всегда витал вокруг Роуи. Он повис в воздухе, тонкий и упрямый, и отчего-то отпечатался в памяти так отчётливо, будто был не запахом, а обещанием: я вернусь.

Роуи выдохнула, на пару секунд закрыла глаза, а когда открыла их снова, перед ней уже была дверь. Она распахнула её и шагнула внутрь — и мир будто на секунду замер. В нос ударил тот самый терпкий запах, который она столько раз ловила от Тру: смесь одеколона, чуть горьковатого табака и чего-то неуловимо своего, будто впитавшегося в ткань его джинсовки. Он был таким родным, что на мгновение ей показалось, будто она не в настоящем, а снова провалилась в одно из своих воспоминаний — только на этот раз оно не пугало, а грело изнутри, как чашка чая в промозглый день.

Время клонилось к утру, и на улице, несмотря на робкие попытки весны расправить плечи, ещё держался прохладный, чуть колючий воздух. Но здесь, в баре, было по-своему уютно: лёгкий джаз тихо лился из колонок — не напористый,

не кричащий, а такой, будто это последние силы акустики после бурной ночи.

Роуи сегодня будто нарочно выбрала образ, в котором можно было не просто ждать друга, а будто бы случайно оказаться в центре внимания. На ней был чёрный кроп-топ, подчёркивающий хрупкость плеч, и светло-голубые джинсы с широкими штанинами — они мягко струились при каждом шаге, добавляя силуэту лёгкую небрежность. Поверх она накинула чёрную куртку, рукава которой свободно свисали, будто она только что сняла её с чьего-то плеча. На ногах — простые светлые кеды, в которых было удобно и стоять, и метаться по залу, если вдруг станет невыносимо ждать. В этом была вся прежняя Роуи: даже в ожидании она хотела быть заметной.

За стойкой стоял он — её родной блондин, тот самый, чьи движения она знала до мелочей. Он расставлял бутылки, оставшиеся после ночной суеты, и делал это с той самой сосредоточенностью, которая всегда казалась Роуи до смешного трогательной: будто каждая бутылка должна стоять строго на своём месте, иначе весь мир пойдёт наперекосяк.

— Не подскажешь, где берут таких красавчиков? — хихикнула Роуи, усаживаясь напротив его спины, и в этом её тоне было столько привычной игривости, что даже воздух будто стал чуть легче.

Тру обернулся — сначала с лёгким удивлением, будто не ожидал увидеть её здесь, посреди этого полусонного утра. Но

стоило ему уловить знакомый цитрусовый шлейф её духов, заметить эти зелёные глаза, в которых всегда плясали искорки, как напряжение тут же сползло с его лица.

— А, это ты... Привет. Сейчас Бетти придёт, и пойдём домой, — проговорил он, снова возвращаясь к расстановке бутылок, будто эти простые действия могли удержать день в нужном ритме.

— Ты уже с ней сблизился? — не унималась Роуи, сохраняя свой привычный игривый тон, будто от этой лёгкости зависело, не рухнет ли всё вокруг.

— Мы просто общаемся, дружим, — ответил он, не оборачиваясь, и в этом его «просто» было столько осторожности, что Роуи на секунду запнулась.

Игривое настроение, которое она так старательно держала, будто вылетело в форточку. Она вдруг поймала себя на том, что смотрит на этот привычный силуэт и хочет не просто дружбы, не просто разговоров и шуток. В груди шевельнулось что-то большее — то, что она годами прятала в самой дальней комнате своего разума: желание посмотреть в его зелёные глаза и понять, что этот человек — её, на всю оставшуюся жизнь. Она начала чувствовать это ещё в общем доме, когда они делили одну кухню и одни тревоги на двоих. Со временем она научилась прятать эти чувства, оборачивать их в шутки и дружеские подначки, но где-то глубоко внутри надежда всё ещё жила — тихая, упрямая, почти стыдливая.

— Привет, прости, что задержалась! О, Ру, привет! — в бар влетела Бетти, словно маленький вихрь, и, едва успев заметить Роуи, подбежала и крепко её обняла. А потом, не дожидаясь ответа, метнулась вглубь помещения переодеваться на смену.

Тру и Роуи одновременно пробормотали «привет», будто и не заметили, как Бетти пронеслась мимо них, оставив после себя только лёгкий запах кофе и спешки.

Резкое появление Бетти на мгновение выдернуло Роуи из её мыслей, но, когда она снова перевела взгляд на Тру, всё внутри будто подпрыгнуло: он уже стоял прямо перед ней, опираясь руками по обе стороны стойки, и смотрел на неё сверху вниз с лёгкой, чуть кривой улыбкой. От этой внезапной близости у Роуи на секунду перехватило дыхание.

В этот момент ей хотелось большего, чем просто этот взгляд, — хотелось, чтобы он сделал шаг вперёд, чтобы сказал что-то, что разорвало бы эту вечную неопределённость. Но она тут же одёрнула себя: Тру никогда не давал ей чёткого «нет», но и «да» тоже не было. Они просто шли рядом, не пересекая невидимую черту.

— Ну всё, жди, куколка, — спокойно проговорил он, отталкиваясь от стойки и направляясь вслед за Бетти, чтобы тоже переодеться.

«Куколка». Это прозвище, прилипшее к ней ещё с детства, когда они познакомились из-за сломанной куклы, а потом Тру чинил одну за другой, будто это был его личный спо-

соб сказать «я рядом». Каждый раз, слыша это слово, Роуи чувствовала, как внутри что-то теплеет, но тут же прятала эту теплоту, убеждая себя, что это просто дружба, крепкая и надёжная.

Джаз в колонках сменялся друг за другом. Время шло, а ни Тру, ни Бетти не появлялись в зале. Роуи начала понемногу нервничать: тишина, которая раньше казалась уютной, теперь давила, будто становилась всё гуще. Она встала, пару раз чуть ли не выкрикнула их имена, но в ответ — только эхо и приглушённый гул бара.

Оглядев зал, Роуи вдруг поняла: она снова одна. Не просто в помещении, а по-настоящему одна — с этой своей надеждой, с этими спрятанными чувствами, с этим терпким запахом, который всё ещё витал в воздухе, напоминая о том, что было и, возможно, никогда не станет чем-то большим.

Глава 5

Поняв, что от пустого помещения не дождёшься ни слова, ни намёка, Роуи направилась к той самой двери, в которую минутой раньше исчезли Тру и Бетти. Она толкнула её с предельной осторожностью, будто за порогом могло таиться что-то хрупкое, готовое рассыпаться от резкого движения. В груди трепетала надежда — вот сейчас мелькнёт знакомый силуэт, раздастся привычная усмешка Тру, Бетти закатит глаза на какую-нибудь шутку. Но вместо этого перед ней открылся обычный коридор, уходящий в полумрак и уставленный множеством дверей.

Роуи по очереди приоткрыла пару из них: за одной оказался склад, за другой — кухня бара, пропахшая жареным маслом и специями. Ни Тру, ни Бетти нигде не было. Постепенно растерянность начала уступать место упрямой уверенности: она обойдёт каждый закуток, каждую каморку, но найдёт их. Девушка зашагала по коридору, зовя друзей — сначала тихо, потом всё громче:

— Тру?! Бетти?! Вы здесь?!

Но в ответ — лишь ровный, чуть навязчивый джаз, лившийся из колонок, будто он один и жил в этом опустевшем пространстве.

И вдруг из-за очередной двери донёсся всхлип — тихий, сдвленный, будто кто-то пытался сдержать слёзы и не смог.

Роуи замерла на долю секунды, а потом, отбросив всякую осторожность, рванулась вперёд. Распахнув дверь, она увидела Бетти: та сидела спиной к входу и рыдала, вздрагивая всем телом.

На миг Роуи почувствовала странное, почти нелепое облегчение: раз она нашла Бетти, значит, и Тру где-то неподалёку. Но уже в следующую секунду реальность ударила по сознанию с холодной ясностью: её лучшая подруга сотрясась от рыданий, и это было по-настоящему страшно. Собравшись с духом, Роуи подошла к Бетти и тихо, стараясь не напугать, спросила:

— Бетти, что случилось?

Та не ответила. Только шмыгнула носом и зарыдала ещё громче, будто звук голоса Роуи прорвал последнюю плотину.

Тогда Роуи опустилась на пол позади подруги, осторожно обняла её за плечи и повторила, вкладывая в слова всю свою теплоту и тревогу:

— Бетти, я здесь. Что случилось? Где Тру?

Но Бетти словно не видела и не чувствовала её — будто была заперта в своём собственном, тёмном мире.

Не в силах больше выносить эти беспомощные всхлипы, Роуи мягко, но твёрдо развернула подругу к себе — и тут же отшатнулась, невольно вскрикнув.

Бетти была залита кровью. Алое покрывалось по её лицу, рукам, форме — везде, куда ни посмотри. Картина была настолько чудовищной, что сознание на мгновение отка-

залось её принимать.

А потом Бетти заговорила — не сказала, а закричала, зачлѣбываясь слезами и паникой:

— Зачем? Зачем? Зачем?!

Роуи застыла, скованная ужасом. В её самых жутких кошмарах не было ничего подобного.

Чуть придя в себя, она попыталась прорваться сквозь этот крик к смыслу:

— Бетти, что ты имеешь в виду? Что случилось? Где Тру?!

Она так и осталась сидеть на полу, в паре метров от подруги, не решаясь приблизиться снова.

Внезапно Бетти вскочила на четвереньки и, тыча в Роуи дрожащим пальцем, поползла к ней, не переставая выкрикивать одно и то же:

— Зачем?!

Инстинкт самосохранения толкнул Роуи назад — она начала отползать, пока затылком не упёрлась в дверь. Дальше идти было некуда. А Бетти всё приближалась, её глаза были полны безумия и боли, а из груди рвались эти страшные, бессмысленные вопросы.

Когда подруга оказалась почти вплотную, Роуи вжалась в дверь, пытаясь стать меньше, незаметнее, слиться с ней. И в тот самый миг, когда ей показалось, что спасения нет, опора за спиной исчезла: дверь распахнулась, и Роуи начала падать назад.

Но она не успела ощутить удара. Лишь резко втянула воз-

дух — и вдруг увидела перед собой ту самую, чуть приоткрытую дверь бара. Очередное видение, в котором, казалось, прошли часы, схлопнулось в одну короткую секунду. Это было не больше чем затормозившее мгновение перед тем, как она собиралась войти.

Выдохнув, будто сбросив с плеч тяжёлый груз, Роуи решительно толкнула дверь вперёд и шагнула в уже знакомое помещение.

Заходя в бар во второй раз за день, Роуи ощущала себя так, будто ступает по тонкому льду: каждый шаг отдавался глухим эхом внутри, а в груди трепетала слепая, почти отчаянная надежда — вот сейчас из полумрака выступит знакомый силуэт Тру, усмехнётся, скажет что-нибудь своё, буднично-едкое, и весь этот нарастающий кошмар рассыплется на мелкие, ничего не значащие детали.

Но реальность оказалась куда жёстче. В центре зала, у стойки, Бетти спорила с каким-то мужчиной — и спор этот шёл на повышенных тонах. Незнакомец выглядел внушительно и угрожающе: строгий деловой костюм сидел на нём как броня, а лицо застыло в холодной, злой маске. Он говорил резко, рублеными фразами, и от его голоса по залу будто тянуло сквозняком.

Едва заметив Роуи за спиной Бетти, мужчина тут же оборвал разговор и, не скрывая раздражения, двинулся прямо на неё, так что даже приглушённый джаз на фоне вдруг показался нелепым контрапунктом к этой вспышке агрессии.

— Роуи, где твой дружок гуляет? Уже четвёртый день не появляется, на звонки не отвечает! Передай ему: если сегодня не будет — уволю!

Роуи не успела и слова вставить, как Бетти метнулась к ней, стараясь заслонить подругу от этого напора.

— Сэм, она не знает, не надо к ней лезть, — проговорила девушка уже тише, но в её голосе звенела твёрдость.

— Не надо его прикрывать! Ты мне уже четыре дня уши морочишь, что он заболел. Сейчас выясню, как он «болеет», у его подружки! — Сэм чуть ли не оттолкнул Бетти и снова уставился на Роуи, требуя ответа одним только взглядом.

Роуи застыла, чувствуя, как земля уходит из-под ног. В их компании всегда считалось, что они знают друг о друге всё — вплоть до того, кто где оставил ключи. А теперь она вдруг оказалась единственной, кто не имел ни малейшего понятия, где Тру, что с ним и почему он пропал. Это незнание жгло изнутри, как открытая рана.

Но затем в ней будто щёлкнул какой-то внутренний замок. Роуи расправила плечи, натянула на лицо ту самую привычную полуулыбку, которую когда-то оттачивала годами, — улыбку девушки, которая всегда держит ситуацию под контролем, даже если внутри всё дрожит.

— Сэм, сколько не виделись? Как дела? Как бизнес? — проговорила она с нарочитой игривостью, словно они встретились не посреди скандала, а на светском приёме.

За спиной у Сэма Бетти отчаянно жестикулировала, буд-

то подавая сигналы: «Я сказала, что Тру болеет, не вздумай ничего испортить!»

— Ты мне зубы не заговаривай! Где Францис?! — рявкнул Сэм, возвращая всё внимание к сути.

«Францис?» — мысль ударила, как разряд тока. Кто такой Францис? В голове у Роуи всё смешалось, но, поймав умоляющий взгляд Бетти, она тут же взяла себя в руки.

— Францис... Он дома. Под тот ливень недавно попал, вот уже четвёртый день лежит — температура, кашель, еле дышит.

Сэм смотрел недоверчиво, прищурившись, будто пытался разглядеть в её словах ложь. Он перевёл взгляд на Бетти, и та тут же подхватила легенду, не давая ему ни секунды на сомнения.

— Ну, я же тебе говорила: болеет. Скоро выйдет. Пусть пока Мари его подменит, да, Ру? Он уже лучше себя чувствует, правда? — в голосе Бетти звучала эта особая интонация, когда человек почти умоляет поверить, даже если слова звучат нелепо.

— Да-да, Сэм, не переживай. Я ему всё передам — твои... э-э... тёплые пожелания. Может, от этого он быстрее выздоровеет, — добавила Роуи, стараясь, чтобы голос звучал легко, почти небрежно.

Директор ещё несколько секунд переводил взгляд с одной девушки на другую, будто взвешивал, можно ли им верить. Потом плечи его слегка опустились, и он, сдаваясь перед их

общим напором, пробормотал:

— Ладно. Роуи, передай ему всё, что я о нём думаю. Даже не предупредил... Боже, какая безответственность!

И, не дожидаясь ответа, он развернулся и пошёл прочь, в сторону своего кабинета.

— И тебе до завтра! — крикнула ему вслед Бетти, уже не скрывая облегчения.

Как только Сэм скрылся за дверью, Бетти бросилась к Роуи и крепко её обняла. Роуи уткнулась в плечо подруги и на мгновение просто позволила себе выдохнуть. В этом объятии смешались запахи: цветочный шлейф парфюма, терпкий дух алкоголя, въевшийся в одежду за долгие смены за стойкой, — и этот коктейль был до боли знаком, почти родным. Точно такой же запах она постоянно чувствовала от Тру, и сейчас он вдруг напомнил, что она не одна.

— Молодец, убийственно сыграла. Прямо как в старые добрые времена! Ладно, жди тут, я сейчас переоденусь и вернусь. Пойдём в торговый центр, купим тебе телефон, наконец-то. Я же обещала, — проговорила Бетти, отстраняясь, и в её глазах читалось то самое упрямое желание вернуть хоть что-то нормальное в этот вывернутый наизнанку день.

Не дав Роуи даже вставить слово, она снова метнулась к той самой двери, за которой только что исчез Сэм и куда сама Роуи недавно проваливалась в пугающее видение.

Роуи осталась стоять посреди зала, чувствуя себя немного оглушённой. Она смотрела вслед подруге, и в груди одновре-

менно шевелились благодарность и тревога: Бетти прикрыла её, повела за собой, дала направление, но сколько ещё таких «дырок» в её памяти придётся латать чужими словами?

Спустя пару минут Бетти вылетела обратно уже в обычной одежде — джинсы, свитер, кроссовки, — и, подскочив к Роуи, неожиданно схватила её за руку.

— Ну всё, пошли гулять! Мне столько всего тебе нужно рассказать, — проговорила она, и в этом порыве было столько жизни, столько желания просто двигаться вперёд, что Роуи не смогла не улыбнуться в ответ.

Девушки вышли из бара, и Бетти, не отпуская Роуи, уверенно повела её в сторону торгового центра — будто боялась, что, стоит лишь на миг ослабить хватку, подруга растворится в городской суете, как утренний туман.

В голове у Роуи всё ещё гудело от новых сведений, словно кто-то встряхнул коробку с осколками воспоминаний, и теперь они никак не хотели складываться в цельную картину. «Францис? Это и правда его настоящее имя? Почему ни одно из моих воспоминаний не подсказало мне этого?» — мысль крутилась, как заевшая пластинка, не давая сосредоточиться ни на чём другом.

— Ну что тебе рассказать-то сначала? — выдернула её из водоворота мыслей Бетти, будто сама нуждалась в том, чтобы заполнить тишину чем-то простым и привычным.

Роуи не стала ходить вокруг да около. Слова сорвались с языка сами, холодные и прямые, как лезвие:

— Францис — это настоящее имя Тру?

Бетти слегка опешила, будто не ожидала, что разговор сразу упрётся в самую суть.

— Тру — это его фамилия. Францис Тру. Он мало об этом рассказывал, но, насколько я помню, фамилия досталась ему от приёмных родителей.

— Приёмных родителей? Но разве он не рос со мной в одном доме?

— Рос. Его забрали, а потом... вернули. Он так и не называл причину. И ты, кстати, тоже ничего не рассказывала, — Бетти шутливо ткнула подругу в плечо, пытаясь сгладить неловкость.

— Я? — Роуи развернулась к ней, слегка озадаченная.

— Ну да! Я ведь хотела быть с Тру чуть больше, чем просто друзьями, и через тебя пыталась с ним сблизиться. Выходило, конечно, так себе, но хотя бы до свидания дошли, — спокойно проговорила Бетти, словно делилась заурядным фактом из жизни, а не переворачивала мир Роуи с ног на голову.

— Что?... — слово прозвучало как выдох, как последний воздух из лёгких.

Эта новость ударила сильнее, чем Роуи ожидала. Ещё пару мгновений назад она жила в своих обрывках воспоминаний, где Тру чётко и спокойно говорил, что между ними — только дружба, ничего больше. А теперь выясняется, что он ходил на свидания, и не с ней. В груди шевельнулось что-

то острое — не столько разочарование, сколько шок от осознания: возможно, именно эта невысказанная ревность, эти не взаимные чувства и стали той трещиной, что со временем расколола их связь. Неужели из-за этого многолетняя дружба, совместная жизнь, всё, что казалось нерушимым, рассыпалось, оставив её одну перед стеной из чужих имён и забытых историй?

Пока Роуи пыталась выстроить в голове цепочку событий, Бетти продолжала что-то рассказывать, но слова доносились до неё будто сквозь вату. И вдруг перед глазами щёлкнуло, как затвор камеры.

— Ау, Ру! Зелёный! Пошли давай! — Бетти дёрнула её за руку, возвращая в реальность.

— А, да, да, конечно... Пошли, — Роуи потрянула головой, пытаясь сбросить наваждение.

Она так и не решилась спросить напрямую, было ли между Бетти и Тру что-то большее, чем дружба. Мысль о том, что он, обычно такой отстранённый, согласился на свидание, заставляла сердце сжиматься от странной, колючей догадки: а вдруг всё было серьёзнее, чем она могла себе представить?

— А где сейчас Тру? — вопрос вырвался сам собой, неосознанно, как будто её язык жил отдельно от разума.

— Мне и самой интересно. Он ушёл с последней смены и будто сквозь землю провалился. На звонки не отвечает. Я думала, он с тобой где-то тусуется. А раз ты здесь, в таком состоянии и без него... Видимо, за эти два дня, что я вас

обоих не видела, вы сильно поссорились, — в голосе Бетти прозвучала нотка разочарования, почти горечи.

Роуи ловила себя на мысли, что в каждом слове подружки сквозит какая-то недоговорённость, будто Бетти старательно обходит острые углы, подбирает безопасные формулировки. Но, устав от бесконечных подозрений, она решила не накручивать себя ещё больше. Сегодня ей просто хотелось дышать, жить моментом, а не копаться в прошлом, которое всё равно ускользало сквозь пальцы, как песок.

— Так куда сначала пойдём? — спросила Бетти, когда они вошли в торговый центр, и в её голосе снова зазвучала та самая привычная энергия, которая всегда умела вытягивать Роуи из любой ямы.

— Не знаю. Давай заглянем везде, но понемногу, — ответила Роуи, стараясь улыбнуться как можно естественнее.

Следующие несколько часов слились в калейдоскоп витрин, примерочных и коротких «ну как мне?», «да, тебе идёт!». Они бегали по магазинам, примеряли вещи, смеялись над нелепыми сочетаниями и в итоге всё же нашли то, что заставило их обоим довольно кивнуть. А главное — у Роуи наконец-то появился свой телефон. Новый смартфон, новый номер. Она тут же внесла в контакты номера Вернона и Бетти, будто закрепляя эту хрупкую связь с настоящим, с теми, кто остался рядом.

Уставшие, но довольные, девушки поднялись на фудкорт и, устроившись за столиком, набросились на еду, как после

долгого похода.

— Слушай, у тебя же нет дел на вечер? — прожевав ку-сочек картошки, спросила Бетти, глядя на подругу с хитрым прищуром.

— Нет, а что?

— Давай в клуб съездим! Ты, наверное, и забыла, как лю-била по вечерам там пропадать.

Роуи не успела возразить, а Бетти уже неслась дальше, увлечённая собственной идеей:

— Накупим лучших шмоток — и как королевы поедem отжигать!

Роуи всё ещё не могла до конца поверить, что та версия её самой, которая существовала до аварии, была настолько без-рассудной и свободной. Но планов на вечер у неё действи-тельно не было, а аргументов против — и подавно. Поэтому она просто кивнула, соглашаясь, и в этом кивке было что-то освобождающее: пусть хоть на одну ночь она перестанет быть девушкой, которая пытается собрать себя по кусочкам, и станет той, кто просто живёт.

Они забежали ещё в пару магазинов, выискивая идеаль-ный образ для ночных приключений. И вот, в очередной примерочной, Роуи надела то, что они выбрали вместе. По-дойдя к зеркалу, она замерла.

Перед ней стояла девушка, в которой она с трудом узна-вала себя. Короткое чёрное платье с выразительным белым бантом на груди сидело идеально, подчёркивая силуэт и до-

бавляя образу дерзкой элегантности. На шее — ажурный чокер, тонкий и изящный, словно намёк на что-то запретное. Светлые волосы, уложенные лёгкими волнами, обрамляли лицо, делая взгляд чуть более загадочным.

«Неужели это я?» — пронеслось в голове. Роуи провела пальцами по ткани, будто проверяя, настоящая ли она. Она не могла поверить, что сейчас так легко, почти без раздумий соглашается на такие поступки, будто прежняя она жила где-то совсем рядом, только руку протяни.

Из зала магазина донеслась мелодия — ритмичная, заводная, с тяжёлым битом, который будто стучал прямо в висках. И в тот момент, когда звук ворвался в сознание, в голове у Роуи что-то щёлкнуло. Мир вокруг дрогнул, как старая плёнка, и её унесло в очередное путешествие по разуму — в прошлое, где она, возможно, уже стояла перед зеркалом, чувствуя тот же трепет, ту же смесь страха и восторга перед ночью, которая обещала быть бесконечной.

Выскочив из примерочной под ту же ритмичную мелодию, что лилась из колонок магазина, Роуи тут же метнулась к большому зеркалу, стоявшему в центральном коридоре. Она крутилась перед ним, ловя каждый ракурс, и, не услышав ни слова в ответ, резко обернулась, в глазах вспыхнуло лёгкое возмущение.

Её «напарник» по выбору наряда — Тру — сидел на низком пуфе, уткнувшись в телефон, в ушах — наушники, взгляд прикован к экрану, будто вокруг не было ни магази-

нов, ни музыки, ни Роуи.

Она подошла, нарочно провела ладонью перед его лицом, закрывая обзор.

— Ты совсем обнаглел? — в голосе сквозил шутливый упрёк, но в нём таилась и настоящая обида: ей так хотелось услышать хоть одно слово поддержки, одобрения, чего-то, что вернёт ей уверенность.

Тру не сразу оторвался от экрана. Снял один наушник, лениво приподнял бровь.

— Ты так долго одевалась, я уже пол ленты успел пересмотреть, — отодвинул телефон и будто бы искренне не понимал, в чём проблема.

— Ну я давно не ходила в клуб с Бетти. Мне нужно выглядеть идеально, — пробубнила Роуи, отходя на пару шагов, и снова повернулась к зеркалу, будто ища в отражении подтверждение своим стараниям.

— Ну как я тебе? Хорошо? Красиво? — голос прозвучал чуть тише, почти неуверенно.

Тру наконец отложил телефон. Поднялся, подошёл ближе и окинул её взглядом — не спеша, с той самой внимательностью, которая всегда заставляла Роуи одновременно злиться и смущаться. Он смотрел так, будто оценивал не платье, а саму суть её образа, выискивая что-то своё, личное.

Пару секунд висела тишина, и наконец он произнёс:

— Почему ты всегда в чёрном? Мне кажется, тебе белый не хуже идёт.

В его словах не было насмешки — скорее искреннее недоумение, будто он годами пытался разгадать эту её привычку прятаться за тёмными оттенками.

— Чёрный не пачкается, — Роуи закатила глаза, пытаясь скрыть, что её немного задели эти слова.

— Ну хорошо, мне нравится, — спокойно согласился Тру, не став спорить. И, выдержав ещё одну короткую паузу, добавил: — Но белый мне нравится больше.

Роуи фыркнула, снова закатила глаза, но в груди что-то дрогнуло — то ли от его упрямства, то ли от того, что он вообще об этом думал.

— Да ну тебя, — пробормотала она и, не дожидаясь ответа, скрылась за шторкой примерочной.

Снова оказавшись перед маленьким зеркалом, Роуи ещё раз оглядела себя. Платье сидело безупречно, а силуэт подчёркивал каждую линию. «Точно беру», — твёрдо решила она. Но тут же в голове скользнула непрошенная мысль: «А может, и белое тоже примерить? Просто посмотреть...»

Она не поняла, откуда взялась эта идея, но она зацепилась за сознание, как крючок. Потянулась к застёжке, чтобы снять платье, но никак не могла дотянуться до замочка на спине. После пары тщетных попыток, когда пальцы уже начинали ныть от напряжения, Роуи неосознанно выглянула из-за шторы и щёлкнула пальцами, привлекая внимание Тру.

Он тут же поднял голову.

— Что?

— Расстегни мне платье, — коротко бросила она, стараясь, чтобы голос звучал буднично, будто это самое обычное дело.

Не дожидаясь дальнейших объяснений, Тру поднялся и шагнул к примерочной. Отодвинул шторку и зашёл, не говоря ни слова, развернул Роуи лицом к зеркалу.

Она ощутила его терпкий аромат — духи с горьковатыми нотами, смешанные с едва уловимым запахом табака. В отражении было видно, как он сосредоточенно смотрит на застёжку, не поднимая взгляда на её лицо. Его пальцы коснулись спины, и Роуи вдруг почувствовала его дыхание где-то у самой шеи. Сердце забилося быстрее, и она поймала себя на мысли, что немного смущена.

Тру аккуратно провёл застёжкой вниз, и платье, потеряв опору, начало медленно сползать. Роуи резко обхватила ткань на груди, удерживая её, чтобы не остаться в одном белье.

Тру заметил этот жест, чуть усмехнулся и, наконец, поднял взгляд на её отражение. В его глазах мелькнуло что-то тёплое, почти родное.

— Нервничаешь? Да я что, я там не видел? — спокойно проговорил он, и в этих словах не было ни грубости, ни насмешки — только привычная, почти семейная небрежность, которая одновременно и раздражала, и успокаивала.

Роуи не успела ни ответить, ни придумать колкую фразу

— резкий звук отодвигаемой в сторону шторы вернул её в реальность.

— Ну ты чего там?.. Ого, Ру, да ты прям вау! — Бетти стояла за спиной, и в её голосе звучало неподдельное восхищение. Она даже не пыталась подобрать слова — просто смотрела на подругу, широко распахнув глаза.

Роуи снова взглянула на себя в зеркало. Чёрное платье с бантом, лёгкие волны в волосах, ажурный чокер — образ был безупречен. Но после всех этих мгновений — с Тру, с его словами про белый цвет, с этим неловким, но таким привычным прикосновением — в груди шевельнулось что-то новое.

Без лишних объяснений, глядя прямо на себя в отражении, Роуи твёрдо произнесла:

— Я хочу белое платье.

Быстро обойдя магазин в поисках чего-то светлого, лёгкого, способного перечеркнуть привычную тягу к чёрному, Роуи заметила платье почти сразу — будто оно само притянуло её взгляд среди десятков других вещей. Вернувшись в примерочную, она переоделась, и, когда снова вышла к общему зеркалу, отражение показало ей совсем другую девушку.

Платье было кремово-белым, с изящной драпировкой, пересекавшей силуэт тонкими лентами, и лёгким рюшем у декольте — в нём Роуи выглядела одновременно хрупкой и дерзкой, словно балансировала на грани между невинностью

и вызовом. Лёгкие волны в волосах ложились иначе, подчёркивая линию шеи, а в глазах, казалось, появился новый блеск — не столько предвкушения, сколько внутренней собранности, будто она наконец решилась на что-то важное.

Бетти подошла ближе, окинула подругу долгим, оценивающим взглядом — и вдруг расплылась в широкой улыбке.

— Ру, это нечто! Тебе любое платье к лицу, но в этом ты просто сногшибательна. Мы точно разорвём весь клуб, — в её голосе звучало искреннее восхищение, и в нём не было ни капли зависти — только радость за подругу.

Роуи улыбнулась в ответ, но мысли её витали где-то далеко от предвкушения клубной ночи и взглядов незнакомцев. Вместо привычной мечты о том, чтобы привлечь внимание всех вокруг, в голове настойчиво крутилась другая мысль: «Будь тут Тру — он бы оценил этот образ по достоинству».

Она тут же одёрнула себя, пытаясь отогнать эту мысль, но та возвращалась снова и снова, упрямая и тихая. В глубине души Роуи хотела понравиться не толпе, не случайному парню у барной стойки, а одному конкретному человеку — тому, кто годами видел в ней не только эффектную внешность, но и все её нелепые привычки, страхи и слабости. И сейчас, в этом платье, она вдруг почувствовала себя не столько готовой покорять клуб, сколько отчаянно желающей, чтобы Тру просто посмотрел на неё и сказал: «Да, вот это тебе идёт».

— Ну что, берём? — Бетти слегка подтолкнула её локтем, возвращая в реальность.

Роуи ещё раз взглянула на себя в зеркало, будто пытаясь запомнить этот миг — этот новый, непривычный образ, в котором смешались и её прошлое, и то, кем она пыталась стать сейчас.

— Берём, — тихо, но твёрдо ответила она, и в этом слове прозвучало что-то большее, чем простое согласие на покупку платья.

Глава 6

Девушки купили наряды и, не заезжая домой, тут же переоделись прямо в примерочных — будто хотели поскорее примерить на себя не только новую одежду, но и новое настроение. Потом вызвали такси и поехали туда, где им предстояло провести эту ночь.

В салоне машины повисла тишина — не напряжённая, а какая-то осторожная, будто обе боялись спугнуть хрупкое ощущение близости. Время от времени кто-то из них вставлял короткую фразу, чтобы не дать тишине стать слишком тяжёлой.

— А ты же не из Буффало? — неожиданно спросила Роуи, будто выловила из памяти эту деталь и теперь проверяла: а правда ли это, или ей снова что-то причудилось.

Бетти чуть улыбнулась — так, словно эту историю она и правда рассказывала уже в сотый раз, и каждый раз слова ложились на язык одинаково, будто были заранее выучены наизусть.

— Хотя что-то ты про меня помнишь... Да, я из Англии. Сначала Нью-Йорк, потом сюда, к вам.

Роуи наклонила голову, будто пыталась разглядеть за привычными словами что-то большее.

— А почему решила переехать из Англии?

Бетти на мгновение замерла. В её глазах мелькнуло что-

то быстрое и острое — словно Роуи нечаянно задела старую, до сих пор ноющую рану. Она помнила: прежняя Роуи знала всё до мельчайших подробностей. Она была единственным человеком, кому Бетти когда-либо позволила заглянуть чуть глубже той гладкой, удобной версии своей жизни, которую она показывала остальным.

Для Элизабет Америка была шансом начать всё заново. Детство её прошло в уютном пригороде Лондона, где всё было слишком правильным: аккуратный сад, в котором отец каждую субботу подстригал газон с маниакальной тщательностью, и мама, знавшая расписание дочери лучше, чем своё собственное. Гулять — только с проверенными ребятами, чьи родители считались «приличными людьми». Домой — до заката. А пока не сделаны уроки, даже не думай о том, чтобы выйти во двор.

Элизабет не бунтовала. Она была умной, послушной, удобной дочерью. И в этой удобности пряталась тихая, колючая тоска по чему-то настоящему — по искре, которая могла бы вспыхнуть и обжечь, но зато доказать: она жива, она чувствует, она существует не только в чужих планах.

Поэтому, как только появилась возможность сбежать из этой правильной жизни, Бетти тут же улетела в США. Сначала в Нью-Йорк. Едва ступив на американскую землю, она словно сбросила с себя старую кожу. Первые дни в городе стали попыткой прожить ту самую «неправильную» жизнь, о которой она когда-то мечтала: клубы, тусовки, незнакомые

компании, ночи без сна и разговоры ни о чём с людьми, чьи имена она забывала уже на следующее утро.

Но одна ночь всё изменила. Знакомые решили, что пьяная Бетти станет лёгкой добычей. Сама Элизабет почти не помнила ту ночь — только боль во всём теле наутро и ухмылки парней вокруг давали понять, что её использовали. Этот опыт она никому никогда не рассказывала. После случившегося она старалась ещё сильнее уходить в беспамятство, прятаться в шуме и хаосе, но обрывки той злополучной ночи всё равно время от времени выплывали в сознании, как тёмные, тяжёлые камни со дна.

Иногда это был запах — резкий, густой, пропитанный дешёвым алкоголем и чем-то сладковатым, будто в воздухе застыл сам дух той вечеринки. Он настигал Бетти внезапно: в душной толпе на танцполе, в тесном проходе между столиками, даже в случайном дуновении ветра. И тогда мир на долю секунды сдвигался, теряя чёткие очертания.

А потом приходили ощущения — холодные, цепкие, от которых по коже пробежал ледяной озноб. Она снова чувствовала, как чьи-то пальцы впиваются в её плечи, грубо дёргая назад, в темноту на простынь. Хватка была такой сильной, что, казалось, кости вот-вот треснут. Она пыталась вырваться, но тело не слушалось, будто налилось свинцом, а пространство вокруг сжималось, выдавливая из лёгких воздух.

И звук — тот самый гогот, низкий, раскатистый, почти

звериный, от которого внутри всё сжималось в тугой узел. Он звучал не как смех, а как приговор, как подтверждение её беспомощности. В нём не было веселья — только торжество силы, равнодушное и жестокое. Этот звук преследовал её даже в тишине: он прятался в шуме дождя, в гуле проезжающих машин, в случайном хохоте прохожих.

Бывали и совсем мелкие, почти нелепые детали, которые ранили сильнее всего: шершавая ткань простыни, за которую она успела ухватиться, прежде чем её дёрнули прочь; холодный пол под коленями; чей-то браслет, царапнувший кожу, когда её пытались удержать. Эти мелочи всплывали не как цельная картина, а как осколки разбитого зеркала — острые, неровные, каждый из которых резал по-своему.

Чаще всего эти обрывки приходили не ночью, когда можно было списать всё на кошмар, а днём, в самые обычные моменты: когда она наливала себе кофе, застёгивала пуговицу, смотрела в окно. И тогда на несколько мгновений прошлое накрывало её с головой, стирая границы между «тогда» и «сейчас».

Особенно остро возвращалось ощущение, как с неё стягивали одежду — резкими, нетерпеливыми рывками, будто она была не человеком, а вещью, которую можно мять и дёргать без всякой жалости. Ткань цеплялась за кожу, пуговицы щёлкали и отлетали, и каждый такой звук врезался в память, как удар. Ей казалось, что она слышит, как рвётся не только ткань, но и что-то внутри неё — тонкая, едва заметная нить,

которая связывала её с прежней жизнью, с ощущением безопасности и контроля.

Боль приходила не сразу, а будто с опозданием, накатывая волнами. Сначала был только холод — от пола, от воздуха, от чужих прикосновений, которые ощущались как что-то чужеродное, враждебное. Потом — резкая, колючая боль в местах, где пальцы впивались в кожу, оставляя невидимые, но отчётливо ощутимые следы. Она чувствовала, как тело становится не её: оно больше не подчинялось, не отвечало на попытки собраться, сжаться, исчезнуть. Оно было полем битвы, где она проигрывала, даже не успев начать сопротивляться.

В какой-то момент сознание словно отделилось от тела: Бетти будто смотрела на всё со стороны, из дальнего угла комнаты, где было темно и тихо. Эта отстранённость стала её единственным спасением — она позволяла не чувствовать всего сразу, не захлебнуться в боли и ужасе. Но потом эта защита рушилась, и реальность возвращалась с новой силой: холод, тяжесть, чужие руки, запах, гогот — всё обрушивалось разом, и от этого становилось ещё страшнее, потому что она снова оказывалась там, в той комнате, в той ночи, без шанса всё переиграть.

Эти вспышки длились секунды, но казались вечностью. А потом так же внезапно отступали, оставляя после себя только звенящую пустоту и ощущение, будто она снова чудом вынырнула из тёмной воды — но знала, что эта вода никуда

не делась. Она просто ждёт своего часа.

Она поняла: Нью-Йорк всегда будет напоминать ей об этом. Поэтому и решила переехать в город поменьше, туда, где она не «удобная» и не «неправильная», а просто никакая — обычная, незаметная, такая, как все.

Эту историю Роуи когда-то знала до последней детали. Но теперь... теперь она смотрела на Бетти с лёгкой, виноватой растерянностью, будто извинялась за то, что вынуждена спрашивать заново.

— Бетти, всё хорошо? — Роуи осторожно взяла подругу за руку, и этот простой жест прозвучал громче любых слов.

Бетти моргнула, будто сбрасывая с себя тяжёлые воспоминания, и натянуто улыбнулась.

— А, да... Просто думала, как тебе по новой о себе рассказывать. Ну, переехала из-за учёбы. Родители хотели, чтобы я училась в Нью-Йорке, а я в итоге бросила и решила остаться в маленьком городке.

Слова прозвучали ровно, почти механически — словно она повторяла их под диктовку. По сути, она не соврала: всё это правда, просто не вся. Просто та часть, которую было безопасно произносить вслух.

Роуи хотела было спросить ещё что-то, но в последний момент сдержалась.

Тем временем такси плавно притормозило у клуба. Яркие огни вывески разрезали сумерки, музыка пробивалась даже сквозь закрытые окна — глухой, ритмичный бас, от которого

слегка вибрировал воздух.

Девушки переглянулись. В этом взгляде было всё: и лёгкая тревога, и азарт, и молчаливое обещание друг другу: сегодня они не будут думать о прошлом. Сегодня они просто будут жить.

Они вышли из машины, и город тут же обнял их шумом, светом и движением — словно хотел унести прочь все невысказанные слова, все старые раны и дать хотя бы несколько часов, когда можно просто быть.

Роуи чувствовала, как по спине ползёт тонкая, колючая волна нервозности. Может, прошлая её версия и обожала такие места — клубы, шум, толпу, где легко затеряться и притвориться кем-то другим. Но для нынешней Роуи всё это было в новинку, и каждый яркий импульс света, каждый раскат баса отдавались внутри как тревожный сигнал.

Элизабет заметила, как подруга замирает у самых дверей, будто перед прыжком в ледяную воду, и тихо, почти на ухо, сказала:

— Не переживай. Мы просто потанцевать пришли, просто повеселиться. Ничего такого.

Слова должны были успокоить, и Роуи даже заставила себя улыбнуться в ответ, но тревога всё равно осталась где-то на фоне — тихая, настойчивая, как далёкий гул грозы.

Когда они шагнули внутрь, на них обрушился неоновый свет — резкий, ломаный, будто разрезавший пространство на острые фрагменты. Диджей щёлкал треками, как кто-то

щёлкает пальцами, подгоняя толпу. Вокруг двигались люди: кто-то самозабвенно танцевал, кто-то хохотал, запрокинув голову, будто смех был единственным способом не сойти с ума от этого шума. Роуи скользнула взглядом по залу и невольно задержалась на парочке, устроившейся на угловом диване: они жались друг к другу так отчаянно, будто хотели раствориться один в другом.

— Хочешь повторить? — подмигнув, уже пританцовывая, бросила Бетти.

Роуи хихикнула, и в этом смехе было больше облегчения, чем веселья.

— Нет, спасибо. Боюсь, что может понравиться, — ответила она, и подруга рассмеялась, мгновенно поняв эту странную, горьковатую шутку.

Бетти взяла её за руку — крепко, уверенно — и повела в сторону барной стойки, прокладывая путь сквозь толпу, как сквозь бурную реку.

Роуи слегка пошатнулась: она слишком давно не носила каблуков, а уж шпильки и вовсе казались ей орудием пытки. Каждый шаг требовал сосредоточенности, а тут ещё со всех сторон толкались, задевали локтями, проскальзывали мимо, будто её и не существовало. Пробираясь сквозь эту живую стену, Роуи вдруг почувствовала, как внутри поднимается лёгкая паника. Она невольно схватилась за подол платья и потянула его вниз, словно из этого короткого куска ткани можно было соорудить хоть какую-то броню.

У стойки Бетти заговорила быстро, уверенно, сыпля названиями коктейлей, которые для Роуи слились в один неразборчивый гул. Бармен кивнул, будто понимал этот язык с полуслова, и через пару секунд перед ними стояли две рюмки с чем-то прозрачным и обманчиво невинным.

— Ну что, за второе знакомство, Роуи Вали! — Бетти подняла свою рюмку и, не дожидаясь ответа, одним движением опрокинула содержимое в себя.

Роуи на секунду замерла, глядя на эту маленькую стопку, будто в ней пряталась вся неизвестность мира. Потом, повинаясь какому-то внутреннему порыву — или просто не желая выглядеть смешной, — повторила за подругой.

Алкоголь ударил резко: сначала горечью, острой и беспощадной, будто кто-то провёл по языку наждачной бумагой. А потом, спустя мгновение, пришло послевкусие — сладкое, тёплое, обманчиво ласковое. И в этот момент Роуи будто наконец-то почувствовала вкус происходящего. Не просто вкус напитка, а вкус самой ночи: её шум, её свет, её безумную свободу.

Следующие пару часов слились в калейдоскоп: барная стойка, танцпол, снова стойка, снова танцы. Роуи решила выжать из этой ночи всё, будто пыталась впитать в себя столько жизни, чтобы хватило на все те дни, когда она чувствовала себя пустой. К ним пару раз подходили парни, пытались завести разговор, предлагали познакомиться, но девушки в унисон, почти не сговариваясь, отвечали, что они уже заня-

ты — друг другом. И смеялись, громко и искренне, будто этот смех был их щитом. Спустя ещё какое-то время в клубе Роуи стало невыносимо душно. Казалось, жара накатывала волнами, пробиваясь даже сквозь лёгкую ткань короткого платья. В тесном пространстве, где воздух был густ от запаха парфюма, пота и алкоголя, каждый вдох давался всё труднее. Уговорив Бетти, девушки выбрались на улицу — в осеннюю прохладу, которая ударила по разгорячённой коже, как поток ледяной воды.

— Как же хорошо... — выдохнула Роуи, и эта простая фраза прозвучала как молитва.

Она стояла, слегка покачиваясь, и жадно глотала воздух, будто пыталась напиться им досыта. Над городом уже растеклись первые, едва заметные полосы рассвета — неяркие, бледно-серые, как след от карандаша на бумаге. Время будто замедлилось, и в этом зыбком промежутке между ночью и утром весь мир казался чуть менее опасным.

В паре метров от неё, Бетти курила и тихо разговаривала с кем-то по телефону. Роуи даже не пыталась вслушаться в слова подруги — ей не хотелось ничего разбирать, ничего понимать. Сейчас ей было нужно только это: холодный воздух, почти утреннее небо и тишина, которая, пусть и ненадолго, заглушала шум внутри головы.

Когда Бетти докурила, она подошла и привычно перекинула руку через плечо подруги. От этого простого, дружеского жеста Роуи слегка повело: шпильки и алкоголь напомина-

ли о себе с каждым движением.

— Ну как тебе? — спросила Бетти максимально расслабленно, будто весь этот вечер был не больше чем лёгкой прогулкой.

— Мне хорошо... Это хорошо... — Роуи подбирала слова, словно они были тяжёлыми и неповоротливыми.

И это было правдой. Сейчас её разум был занят только тем, чтобы разглядывать окрестности, вбирать в себя прохладу и не думать ни о Тру, ни о своём прошлом. Эта пустота, которая в трезвом состоянии пугала её до дрожи, сейчас казалась настоящим подарком судьбы — тихим, хрупким, но таким нужным.

Внезапно перед ними резко остановился чёрный японский седан. Звук тормозов прозвучал неестественно громко в этой зыбкой, рассветной тишине. И, к невероятному удивлению Роуи, из машины вышел Тру.

На секунду она перестала дышать. Неужели это он? Настоящий, живой, наконец-то вернулся и приехал за ней. Всё внутри подпрыгнуло от радости, от облегчения, от желания броситься ему на шею.

А потом, словно по волшебству, Бетти куда-то исчезла. Роуи вдруг осталась одна — чуть переступая с ноги на ногу, пытаясь удержать равновесие на неудобных каблуках и одновременно поправить платье, чтобы выглядеть хоть чуточку лучше перед ним.

Тем временем Тру открыл дверь машины и что-то убирал

внутри. Роуи, не в силах больше ждать, протянула к нему руки и, растягивая слова, проговорила пьяным голосом:

— Тру-у-у... Ну как я тебе? Я в белом, всё как ты любишь. Я красивая?

Она преодолела те несколько метров, что их разделяли, и остановилась прямо перед полусогнутым парнем.

— Ну, Тру, чего молчишь, как всегда? Скажи хоть что-нибудь! — в её голосе уже сквозила обида, острая и нетерпеливая.

Он выпрямился и посмотрел на неё сверху вниз. Роуи тут же впилась взглядом в его глаза.

— А давно у тебя карие глаза? — спросила она с неожиданным любопытством, будто эта деталь могла объяснить всё остальное.

Тру чуть отступил и легонько коснулся её лопатки — будто приглашал сесть в машину. Но Роуи не хотела садиться. Вместо этого она резко шагнула вперёд и со всей силой, которая у неё ещё оставалась, обняла его, почти сжимая до хруста. Прижавшись лицом к его футболке, она забормотала:

— Я так скучала... Так скучала. Не бросай меня больше.

Она чувствовала, как он пытается аккуратно её отстранить, но в ответ только простонала и ещё крепче вцепилась в него, будто боялась, что если ослабит хватку, он снова исчезнет.

— Не надо меня отодвигать. Я тебя люблю! — выкрикнула она с какой-то пьяной агрессией. — Я тебя люблю боль-

ше жизни! А ты ходишь на свидания с этой Бетти... Почему она? Чем она лучше меня? Я что, тебе не нравлюсь?

Слова лились из неё, сбивчивые, горькие, обнажающие всё, что копилось где-то глубоко внутри. И вдруг Роуи заметила ещё одну странность: от Тру не пахло, как в её воспоминаниях — горьким алкоголем вперемешку с табаком. От него пахло свежим бельём, хлопком, чем-то простым и чистым. Этот запах неожиданно бодрил, пробивался сквозь алкогольную дымку и заставлял её чувствовать себя чуть более настоящей.

Наконец, ослабив хватку, Роуи подняла голову, чтобы посмотреть ему в глаза. Но стоило ей чуть отпустить его, как несколькими быстрыми, чёткими движениями Тру усадил её на заднее сиденье. Она попыталась удержать его, потянула за собой, и в итоге оказалась лёжа на сиденье, а он навис над ней. Роуи всё ещё цеплялась за него, обхватив руками, и теперь уже игриво, но с ноткой отчаяния, проговорила:

— Не отпущу. Давай поговорим. Ну почему ты молчишь? В её голосе слышались и стон, и разочарование, и мольба. Но Тру был сильнее. Ещё пара движений — и он уже закрыл дверь, сел за руль и молча тронулся с места.

Какое-то время Роуи просто лежала, глядя в потолок машины. Постепенно алкоголь начал отступать, уступая место тяжёлой, тягучей волне похмелья. Наконец, она приподнялась, протёрла глаза и спросила:

— М... Куда мы едем?

Но парень по-прежнему молчал, только уверенно вёл машину.

Когда Роуи смогла нормально сфокусировать взгляд, её накрыло волной воспоминаний. Они мчались по той же трассе, что и в день аварии. Вокруг был тот же мрак, хотя, когда они выходили из клуба, уже занимался рассвет. Сердце подпрыгнуло к горлу, а в груди всё сжалось от ледяного предчувствия.

— Куда мы едем?! — на этот раз она спросила жёстко, требовательно, и голос её уже не дрожал.

И тут она поняла: машина пуста. Она была одна на заднем сиденье. Паника ударила резко, как разряд тока, мгновенно смывая остатки опьянения. Роуи рванулась к водительскому месту, но стоило ей приподняться, как дымчатые полосы ремней будто сами собой притянули её обратно, прижимая к сиденью. Они давили всё сильнее, обжигая кожу, и вскоре она почувствовала, как ткань врежется в тело, оставляя порезы. По рукам и ногам побежали тонкие струйки крови. Роуи могла лишь оскалиться от боли — этот оскал вышел не злобным, а отчаянным, почти звериным, будто так она пыталась удержать в себе крик. Все попытки вырваться из безжалостной хватки оказались тщетными: ремни вжимались в тело, словно живые, цепкие щупальца, и чем сильнее она дёргалась, тем глубже врезались в кожу жёсткие полосы. Каждое движение отзывалось новой вспышкой боли

Машина продолжала набирать скорость. В голове у Роуи

царил полный хаос: она не понимала, что происходит, реальность смешивалась с воспоминаниями, сон с явью.

Резко, будто сама дорога предала их, машина сорвалась с трассы. Колёса на мгновение зависли в пустоте, а затем с оглушительным скрежетом пробило ограждение — металл взвыл, как раненое животное, и рассыпался на искрящиеся обломки.

Автомобиль рухнул вниз — и в ту же секунду с глухим, тяжёлым ударом врезался в воду. Удар был таким сильным, что салон содрогнулся до последней детали, а время будто раскололось на осколки: один миг — воздух, следующий — вода.

Машина не задержалась на поверхности. Тяжёлая, покорёженная, она сразу пошла ко дну, увлекая за собой темноту, тишину и всё, что ещё оставалось от этой ночи. Вода сомкнулась над ней быстро и безжалостно, стирая границы между небом и землёй, между реальностью и кошмаром. Вода уже начала просачиваться внутрь, заполняя салон, а на лобовом стекле чёрными буквами чётко проступило слово: «Связаны».

— Что значит «связаны»? Кто ты? Что тебе нужно?! — прокричала она в пустоту, уже полностью приходя в себя и осознавая, что это либо воспоминание, либо сон — но настолько реальный, что боль и холод ощущались до мурашек.

Ещё мгновение — и стёкла начали покрываться тонкими паутинками трещин. Они множились, расползались, и вот

уже стекло не выдержало напора воды и лопнуло. На Роуи обрушилась ледяная вода, осколки впились в кожу сквозь ткань платья. Она даже не успела вскрикнуть, как машина полностью ушла под воду.

Ещё одно моргание — и вокруг наступила полная темнота. Роуи больше не чувствовала ни боли, ни холода. Только безмолвный, бесконечный мрак перед глазами.

Глава 7 (Вернон)

— Правда, спасибо за всё. Ты мой спаситель, Верн.

Подмигнув, она тут же развернулась и быстрым, чуть пружинистым шагом направилась к дверям бара — так, словно за этими дверями её ждала не просто подруга, а кусочек прежней жизни, который можно было снова собрать по частям.

Верн не успел ничего ответить. Он лишь молча улыбнулся, поднял стекло машины и плавно тронулся с места, направляясь в сторону дома. Фраза «Ты мой спаситель» звучала в его адрес не впервые, и каждый раз она действовала на него одинаково: сначала по венам разливалось тёплое, сладкое чувство нужности, будто он и правда сделал что-то по-настоящему важное. А следом, почти сразу, приходило отрезвление — лёгкое, но неизбежное разочарование от того, как быстро такие слова растворяются в будничной суете, теряя свою силу.

После утреннего казуса с пижамой Верн решил заехать к себе домой и собрать вещи: следующие почти две недели он планировал провести у Роуи. Ему не хотелось пользоваться вещами её пропавшего друга — от них веяло чужими воспоминаниями, тяжёлыми и неуместными, будто он примерял на себя чужую судьбу.

Всю дорогу до своего района Верн был предельно сосре-

доточен на дороге. Он всегда так делал: вцеплялся взглядом в разметку, в зеркала, в мелькающие за окном дома, будто эта концентрация могла удержать его от падения в собственные мысли. Он боялся оставаться наедине с собой. Боялся тишины, которая в такие моменты начинала звучать слишком громко, вытаскивая на поверхность всё то, что он старательно прятал.

О нём в их маленьком пригороде говорили: «Хороший парень, из приличной семьи». Слова эти звучали как аккуратная, удобная характеристика, под которую легко подвести итог чьей-то жизни. Но детство Вернона не было ни сказочным, ни особенно счастливым — просто в нём хватало тепла, чтобы не ожесточиться.

Его мама была доброй, немного мечтательной женщиной, годами лелеявшей образ большой, шумной семьи, где все друг за друга горой. Она хотела, чтобы дом звенел от смеха, чтобы по выходным все собирались за одним столом, чтобы даже ссоры были громкими, но обязательно заканчивались объятиями. Только жизнь не спешила соответствовать этой мечте.

Родного отца Вернон почти не помнил: тот ушёл ещё до того, как мальчик начал различать лица и голоса. Потом в их доме появился отчим — спокойный, работающий мужчина, который делал всё, что должен был делать взрослый: кормил, одевал, напоминал про уроки. Но между ним и Верноном так и не возникло той самой близости, когда можно просто сесть

рядом и молчать, зная, что тебя понимают без слов. Отчим не лез в душу — и, возможно, это было даже к лучшему.

Мама любила сына, но её любовь была занята бесконечной борьбой за ту самую идиллию, которую она так хотела создать. Ей приходилось тянуть быт, подрабатывать, держать дом на плаву, и на долгие разговоры, на тихие «расскажи, как ты», на простое «я здесь» у неё просто не оставалось сил.

Поэтому Верн рос во многом сам. В детстве это означало: «поешь, когда найдёшь», «одевайся потеплее», «не мешай, у мамы сейчас сложный день». В подростковом возрасте — «мы на смене, будь дома к десяти», «если что, звони на рабочий». Он не обижался. Просто привык. И научился быть самостоятельным раньше, чем многие его сверстники: сам собирал рюкзак, сам решал, что делать, если в холодильнике пусто, сам разбирался, когда в школе кто-то пытался на него давить.

При этом он не стал жёстче, не закрылся, не отгородился от людей. Остался тем же Верноном — спокойным, внимательным, умеющим слушать. Он сам выстраивал свои ценности, сам определял приоритеты, сам учился отличать хорошее от удобного, искреннее от показного.

По жизни Верн был верным другом, приятным собеседником, харизматичным парнем, которому любая роль давалась с удивительной лёгкостью. Он мог найти подход к любому человеку, подстроиться под любую ситуацию, и эта психологическая гибкость порой даже пугала его самого. Каза-

лось, он способен стать тем, кого от него ждут: надёжным, весёлым, понимающим. И он искренне получал от этого удовольствие — от улыбок, от смеха, от чужой благодарности, от ощущения, что он нужен.

Но за этой способностью быть удобным для всех прятался самый глубокий его страх: остаться одному. Верн не видел смысла в тишине вокруг себя. Для него чужие голоса, чужой смех, чужие истории были не просто фоном — они были воздухом, которым он дышал. Он цеплялся за любое приглашение, соглашался на любые планы, даже если они не казались ему особенно привлекательными. Ради того, чтобы не оставаться наедине с собой, он с готовностью шёл куда угодно.

И при этом у него не было по-настоящему близкого человека, с кем можно было бы не играть роль «хорошего парня», а просто быть. Не блистать, не поддерживать, не спасать — а просто сидеть рядом и молчать, зная, что тебя понимают. По крайней мере он остался в прошлом.

Подъехав к своему району и припарковав машину, Верн задержался на мгновение, глядя в зеркало заднего вида. В отражении он увидел слишком серьёзное, в каком-то смысле тяжёлое лицо — будто на него наложили маску из усталости и чужих ожиданий. Неосознанно он пару раз улыбнулся собственному отражению, словно пытался искусственно стряхнуть эту тяжесть, вылепить из себя того самого «хорошего парня», который со всем справляется. Улыбка вышла натя-

нутой, ломкой, будто треснула по краям.

Выйдя из машины уже с более приветливым лицом, он едва успел сделать шаг, как услышал знакомый голос:

— О, Верн, мальчик мой, как дела?

От неожиданности он на долю секунды замер, потом резко развернулся и увидел миссис Картер — она стояла у подъезда с хозяйственной сумкой в руке и смотрела на него с той самой улыбкой, в которой всегда было чуть больше любопытства, чем просто доброты.

— Миссис Картер! Здравствуйте! — выпалил Верн и тут же, сам того не замечая, потёр затылок — привычный жест, выдававший его нервозность.

— Давно тебя не видела дома! Как ты уже вымахал! Я и не успеваю за тобой: уже такой взрослый, на машине... А как мама? Не приезжала?

Верн слушал её монолог, удерживая на лице эту самую наигранную улыбку — ту, что он отработал до автоматизма. Ему уже не впервой было отыгрывать такие разговоры: кивать, улыбаться, говорить ровно столько, чтобы не пришлось объяснять лишнего.

— Всё хорошо, миссис Картер. Мама так и не приезжала... Работа, всё такое.

— Ну, понятно, понятно. Как всегда, — чуть перебивая, сказала пожилая женщина, словно эта фраза давно стала для неё привычной концовкой любой истории про чужие семьи.

Она чуть наклонила голову, будто собиралась сказать что-

то ещё, и вдруг понизила голос, будто делилась не новостью, а тайной:

— Слыхал новости про квартиру Эшей?

От фамилии «Эш» Вернона будто качнуло где-то внутри, в самой глубине памяти, там, где прятались вещи, которые он изо всех сил старался не трогать. Мир на секунду стал слишком резким: асфальт под ногами — слишком твёрдым, воздух — слишком холодным, голос миссис Картер — слишком громким.

— Н-нет... — пробормотал он, чувствуя, как слова застревают в горле.

— Да уже купили их квартиру. Какая-то новая семья, там совсем маленький ребёночек. Эх, а такие люди были, жалко что решили уехать из города и дочку их жалко, такая хорошенькая была...

Она цокнула языком, покачала головой, будто сама жизнь была для неё чередой неизбежных перемен, к которым оставалось только привыкать.

— Да. Ну ладно, миссис Картер, мне пора. Дела зовут. Я пойду. Хорошего дня! — Верн проговорил это уже на ходу, разворачиваясь в сторону дома, стараясь, чтобы голос звучал ровно, чтобы ни один звук не выдал, как внутри у него всё рушится.

— Пока, Верн. Маме передавай привет!

— Хорошо, — бросил он, уже не оборачиваясь.

На лестничной площадке, поднимаясь на свой этаж, он

машинально опустил взгляд на свои руки — и только тут заметил, с какой невероятной скоростью они начали трястись. Это было не лёгкое подрагивание, а настоящая дрожь, будто по венам вместо крови бежала ледяная вода.

«Нет, нет, только не опять...» — мысль скользнула в голове, острая и паническая, как лезвие.

Он попытался буквально взять себя в руки: сжал кулаки, стиснул пальцы так, что ногти впились в ладони. Но это не помогало. Каждая следующая ступень становилась всё сложнее, будто лестница вытягивалась, становилась круче, а воздух вокруг — гуще, тяжелее, его становилось всё труднее втянуть в лёгкие.

На последнем пролёте, перед самым своим этажом, ноги вдруг перестали его слушаться. Колени подогнулись, и он сполз по стене на пол, не пытаясь этого скрыть или остановить. И вот уже тот самый весёлый, надёжный, «спасатель» Верн сидел на полу лестничной клетки, а по щекам у него катились слёзы — он даже не пытался их вытереть или спрятать, потому что сил не осталось ни на что.

Грудь сдавило так, будто на неё положили бетонную плиту. Он пытался сделать вдох, но воздух не шёл — он наталкивался на невидимую преграду где-то в гортани, и от этого становилось только страшнее. Сердце колотилось где-то у самого горла, отбивая рваный, безумный ритм, а перед глазами плясали тёмные пятна, словно кто-то постепенно выключал свет.

В этом состоянии, когда реальность распадалась на отдельные, слишком яркие детали — холод бетонного пола под ладонями, шершавую поверхность стены, запах старой краски и сырости, — он снова увидел её. Рэйчел Эш.

Единственный человек, который видел в Верноне не «удобного парня», не спасателя, не того, кто всегда со всем справится, а просто человека. Единственная, кто была всегда рядом. Единственная, с кем он мог быть просто собой, без ролей и масок. Рядом с ней его внутренний шум будто становился тише, раздражение оседало, и можно было просто сидеть и молчать, зная, что тебя понимают.

Но в один утренний летний день — на том самом повороте, где позже машина Роуи сорвалась с трассы и ушла под воду, — Рэйчел решила уйти сама. Буквально месяц назад. Верн возвращался с учёбы, когда ему позвонили. Несколько коротких фраз, от которых земля ушла из-под ног: Рэйчел больше нет. Она спрыгнула в воду, и никто не успел её остановить. Он даже не успел ей сказать, насколько сильно её любит.

И вот теперь он снова сидел на полу, в полутёмном подъезде, и единственное, что у него получалось выговорить, было дрожащим шёпотом, будто эти слова могли удержать его на краю:

— Нет, я не могу... Нет, я не смогу без тебя... Нет, Рэй, я не могу...

Слёзы текли по щекам, смешиваясь с беспомощностью и

виной, которая не отпускала ни на минуту. Он прижимался спиной к стене, будто она могла его удержать, и повторял эти обрывки фраз, как заклинание, которое должно было вернуть время назад, туда, где Рэйчел ещё была здесь, где он мог бы просто подойти к ней и сказать: «Останься. Пожалуйста, останься».

Но время не возвращалось. Лестница оставалась холодной, подъезд — тихим, а слова — беспомощными. Паническая атака накрывала его волнами: то сжимала грудь так, что казалось, сердце вот-вот разорвётся, то отступала на секунду, давая глотнуть воздуха, чтобы тут же накатить снова, ещё сильнее.

Где-то далеко хлопнула дверь, кто-то прошёл по коридору и вызвал лифт, но Верн не реагировал. Для него сейчас не существовало ничего, кроме этого узкого пространства между стеной и полом, между прошлым и настоящим, между «было» и «уже никогда не будет». И в этой тишине, нарушаемой только его прерывистым дыханием и шёпотом имени, которое он не мог отпустить, он наконец-то позволил себе быть не сильным. Позволил себе быть просто разбитым.

Постепенно рывки дыхания стали чуть реже, будто кто-то понемногу ослаблял тугую петлю на горле. Верн всё ещё сидел, прижавшись спиной к стене, но теперь он уже не шептал, а просто дышал — рвано, с паузами, цепляясь за каждый глоток воздуха, как за что-то настоящее.

Он опустил голову, уткнулся лбом в согнутые колени и за-

мер, позволяя тишине подъезда — привычной, будничной, с далёким гулом лифта и чьим-то приглушённым разговором этажом выше — окутать его. Эти обычные звуки, которые он обычно не замечал, сейчас работали как якорь: они напомнили, что мир не рухнул, он просто здесь, в старом доме, на своей лестничной клетке, и прямо сейчас ему не нужно быть ни сильным, ни нужным, ни спасителем.

Дрожь в руках не ушла совсем, но стала тише, словно превратилась из судороги в лёгкое, усталое подрагивание. Верн медленно разогнул пальцы, разжал кулаки, чувствуя, как ногти оставляют на ладонях тонкие, почти незаметные полумесяцы. Он провёл ладонью по лицу, стирая остатки слёз, и на секунду задержал руку на щеке — будто проверял, что это всё ещё он, всё ещё здесь.

Он оперся ладонью о пол, медленно, будто каждое движение давалось с усилием, поднялся на ноги. Сначала колени предательски подогнулись, но он удержался, вцепившись в холодный металл перил. Ещё мгновение — и он смог выпрямиться, расправить плечи, не до конца, но достаточно, чтобы снова почувствовать себя человеком, а не свёрнутым в комок страхом.

Шаги до двери были тяжёлыми, будто он шёл по вязкому песку, но с каждым шагом паника отступала ещё на полшага. У двери он на секунду замер, достал ключи из кармана, и пальцы снова предательски дрогнули — ключ звякнул о металл, и этот звук, резкий и реальный, снова вернул его в тело.

«Просто открой дверь, — повторил он про себя, как мантру. — Просто открой и войди. Остальное потом».

Он вставил ключ в замок, повернул, услышал знакомый, чуть скрипучий щелчок — и этот звук прозвучал как разрешение: можно.

Дверь поддалась не сразу, чуть зацепилась за косяк, как всегда, и Верн толкнул её чуть сильнее, чем нужно. В квартиру хлынул запах дома — не яркий, не праздничный, а тот самый, привычный: старая древесина, немного пыли, лёгкий оттенок кофе, который он варил пару дней назад. Этот запах не был идеальным, но он был своим, и от этого на секунду стало легче.

Верн закрыл за собой дверь, прислонился к ней спиной и на мгновение закрыл глаза. Тишина в квартире была другой, не подъездной: она была не пустой, а защищённой, будто стены сами держали его, не давая снова рассыпаться.

Он сделал ещё один глубокий вдох, на этот раз без боли, и медленно отлепился от двери. Прошёл в коридор, не включая свет, потому что сейчас полумрак казался уютнее, чем резкие лампы. Скинул кроссовки, не расшнуровывая, просто стащил их, будто сбрасывал с себя что-то лишнее, тяжёлое.

На кухне он налил стакан воды из-под крана, не глядя, и пил медленно, маленькими глотками, чувствуя, как холодная вода скользит по горлу, возвращая ощущение тела. Капли стекали по подбородку, он не вытирал их — ему было

всё равно. Сейчас ему нужно было просто быть здесь, в этой квартире, в этом моменте, без ролей и без необходимости быть для кого-то опорой.

Когда стакан опустел, Верн поставил его на стол чуть громче, чем хотел, и звук стекла о дерево прозвучал в тишине как точка.

Он подошёл к окну, отодвинул штору и посмотрел вниз, на знакомый двор: на детскую площадку с пустыми качелями, на фонарь, который мигал, как будто собирался вот-вот погаснуть, на припаркованные машины, среди которых стояла и его. Всё было на своих местах. Мир не развалился.

Верн ещё немного постоял у окна, глядя на город, который продолжал жить своей жизнью, и наконец развернулся, чтобы пройти в комнату. Он знал, что завтра, или через час, или даже через пять минут страх может вернуться. Но сейчас он справился. Сейчас он был здесь, в своей квартире, и этого было достаточно.

Собирая вещи для временного переезда в дом Роуи, Верн машинально поглядывал на телефон, будто тот мог выдать какой-то скрытый смысл, подсказку, как ему дальше жить. В какой-то момент экран ярко вспыхнул и тут же погас — очередное сообщение от мамы.

Он взял телефон, скользнул взглядом по строчкам:

«Привет, как дела?»

И, не задумываясь, будто по заученному сценарию, напечатал в ответ:

«Привет, всё хорошо».

Если пролистать их переписку, там годами тянулась одна и та же тихая рутина: «Привет, как дела?», «Всё хорошо». Никаких исповедей, никаких бурь — только эти аккуратные, безопасные фразы, которые удерживали связь, не требуя настоящей близости. Для Верна в этом даже была своя форма заботы: он знал, что если вовремя не ответит, мама начнёт звонить, потом писать всем его знакомым, потом, возможно, даже сядет в машину и приедет, не разбираясь, день сейчас или ночь. Она свернёт горы, если сыну понадобится помощь.

Но живую он не видел её уже больше четырёх лет. И если шестилетний Верн скучал по маминой стряпне, по её запаху, по тому, как она просто была где-то рядом, то нынешний Верн скучал скорее по ощущению, что кто-то в этом мире держит тебя в фокусе своего внимания, будто ты — не просто ещё один человек среди тысяч, а единственный, ради которого стоит всё бросить.

При этом сам он никогда не напишет: «Мне плохо, помоги». Даже мысль об этих словах отзывалась внутри неловкостью, почти стыдом, будто просить о помощи — значит признаться в собственной несостоятельности. Он понимал головой, что это старые установки, что просить поддержки — нормально, что курсы по психологии не зря учили его замечать эти ловушки. Но чувства не слушались логики. Поэтому для мамы у него всегда всё было «хорошо» — даже когда внутри всё трещало по швам.

Продолжая собирать небольшую сумку, он раскладывал вещи с какой-то преувеличенной тщательностью: аккуратно складывал футболки, закручивал провода наушников, ставил зубную щётку ровно в угол чехла. Эти мелкие, упорядоченные действия помогали держать себя в руках, не давать мыслям снова сорваться в ту тёмную воронку, где он сидел на полу в подъезде.

Телефон снова запиликал, на этот раз настойчиво, будто хотел прорваться сквозь его попытки собраться. Верн вздохнул, закатил глаза и пробормотал чуть слышно:

— Опять ты...

Это была знакомая девушка, которая явно хотела стать гораздо ближе, чем просто знакомая. В её сообщениях всегда сквозило нетерпение, желание ускорить то, что Верн вообще не стремился ускорять. Он не был против неё — просто не хотел ни обещать лишнего, ни притворяться, что готов к тому, к чему не готов.

На вопрос, занят ли он на выходных, он ответил уклончиво:

«Пока не знаю. Давай ближе к выходным спишемся, тогда скажу».

Это был его привычный компромисс: не отталкивать, но и не подпускать. Ему в целом было сложно угодить в отношениях. Найти ту самую, для которой он захочет быть не «удобным парнем», а настоящим, без фильтров и масок, — это было настоящим заданием со звёздочкой: красиво, слож-

но, почти невыполнимо. Но если бы он её встретил, то ради одной её улыбки, ради искры в её глазах он был бы готов на всё.

Дособирав вещи, Верн остановился посреди комнаты, окинул её взглядом — обычная, немного захламлённая, но своя. И вдруг почувствовал, как по спине снова пробежал лёгкий озноб, напоминание о недавней атаке, о слабости, которую он так старался не замечать.

— Душ, — проговорил он вслух, будто убеждая себя, что это самое правильное, самое простое решение прямо сейчас.

Тёплая вода должна была смыть не столько пыль и усталость, сколько это липкое ощущение уязвимости, которое никак не хотело отставать. Он закрыл сумку, положил сверху ключи, задержал ладонь на холодной металлической поверхности, будто проверяя: да, он всё ещё здесь, он всё ещё может делать обычные вещи.

Потом прошёл в ванную, включил воду, дождался, пока пар начнёт медленно заполнять комнату, и только тогда стянул с себя одежду. Под струями воды дрожь понемногу уходила, растворялась, уступая место тяжёлой, но спокойной усталости. Верн стоял, опустив голову, позволяя воде бить по плечам и спине, будто она могла смыть и те слова, которые он так и не сказал Рэйчел, и ту вину, что тянула его вниз, и даже это странное, неловкое «всё хорошо», которое он снова отправил маме.

Первые прикосновения были механическими, почти

брезгливыми. Он провёл ладонями по плечам, животу, пытаясь смыть не столько физическую грязь, сколько липкий осадок собственной беспомощности. В голове вспыхивали обрывки недавнего кошмара: ледяной пол подъезда, дрожь в коленях. Но разум, спасая психику от перегрузки, сработал как предохранитель. Образы смерти и вины начали тускнеть, вытесняемые чем-то простым, телесным, требующим кислорода.

Внезапно память подбросила Роуи. Ту самую их первую встречу у неё дома, когда она открыла ему дверь сонная, растрёпанная, кутаясь в футболке, из-под которой виднелись только тонкие длинные ноги. Вспоминая её силуэт в утреннем свете, очертания груди под мягкой тканью, то, как она неловко поправляла волосы, Верн почувствовал горячую, неконтролируемую волну внизу живота. Тело отреагировало быстрее воли, предательски твердея вопреки стыду.

— Нет, боже, фу, нельзя таким быть, — хрипло выдохнул он в шум воды, упираясь лбом в холодный кафель.

Он попытался отогнать наваждение, переключиться на что угодно — на планировку комнаты Роуи, на скрип тормозов, на лицо миссис Картер. Но толи взвинченные до предела нервы искали любой клапан для сброса давления, толи это было банальное, животное желание просто почувствовать себя живым, процесс уже невозможно было остановить. Сопротивление длилось недолго; спустя пару минут он сдался перед физиологией. Дыхание стало рваным, прерывистым,

смешиваясь с гулом льющейся воды.

В голове он уже капитулировал, лихорадочно выстраивая стену оправданий:

«Это просто стресс. Я перенервничал. Мне нужно снять напряжение, успокоить пульс».

Оправдывая себя этими сухими, медицинскими словами, он накрыл ладонью пах. Сначала движения были неуверенными, сбивающимися, затем он поймал ритм — ускоряя его на секунду, чтобы поймать жаркую волну, и тут же намеренно замедляя, оттягивая разрядку, выжимая из тела последние остатки адреналина. Дышать становилось всё труднее, воздух обжигал лёгкие. Теплая вода продолжала своё обманчиво-успокаивающее дело, смывая границы реальности.

В сознании картинка окончательно сорвалась с якорей. Это была уже не та сонная девочка в футболке. Роуи здесь, сейчас, в его руках. Он чувствует бархат её кожи под пальцами, видит близко-близко её блондинистые пряди, прилипшие ко лбу. Она сидит на нём верхом, опираясь руками о его мокрую грудь, и её невольные тихие стоны тонут в шуме души. Его ладонь скользит выше по внутренней стороне бедра девушки, забирается глубже, и от этого воображаемого касания колени подгибаются.

Не дойдя в мыслях до финала, в реальности тело дошло до края. Ещё пара резких движений ладони, сведённые судорогой мышцы пресса, и Верн грубо, низко, почти с животным рычанием простонал в кафельную пустоту. Горячие капли

продолжали бить по лицу, безжалостно смывая всё сразу: грязь прошедшего дня, жгучий стыд за собственную похоть, слабость сломленного парня и эту солёную горечь во рту. Оргазм был острым, почти болезненным спазмом, который выжег изнутри ту самую уязвимую, жалкую версию Верна, оставив после себя лишь звенящую пустоту и тяжёлое удовлетворение.

Восстанавливая дыхание, парень закончил водные процедуры. Выключил воду. Обернулся полотенцем, а затем оделся в свежее, чистое бельё и джинсы.

Он точно знал: всё, что произошло за последние несколько часов — бетонный пол, имя Рэйчел, сорванное с губ, и этот отчаянный, грязный спазм в душе — останется похороненным здесь, между четырьмя стенами этой квартиры. Никому, ни единой живой душе, он никогда не позволит увидеть эти швы. Для мира он снова застегнёт пуговицы, расправит плечи и станет тем самым надёжным, чуть насмешливым парнем, которому любая роль даётся с удивительной лёгкостью. Вода смыла следы, но рубцы внутри никуда не делись — они просто спрятались чуть глубже, ожидая своего часа. Взяв собранную сумку, Верн щёлкнул замком и вышел, плотно закрыв за собой дверь.

На улице утро уже вступило в свои права, но делало это неохотно, будто не хотело брать на себя ответственность за новый день. Небо было серым, с тяжёлыми, набухшими тучами, которые обещали дождь, но никак не могли решиться

его пролить. Воздух пах мокрым асфальтом и чем-то металлическим, городским.

И именно в этот момент, когда город будто затаил дыхание между ночью и днём, телефон в кармане резко завибрировал, разрывая эту короткую, обманчиво спокойную паузу. Он вытащил его, глянул на экран — Элизабет. В груди что-то дёрнулось: он ещё помнил, как они в больнице, пока Роуи приходила в себя, наспех обменивались номерами «на всякий случай». И вот этот «всякий случай» наступил.

— Привет, Вееерн, — протянула Бетти, и даже сквозь динамики телефона чувствовался этот густой, тягучий оттенок алкоголя в её голосе: слова будто слегка расплывались, теряли чёткие края.

— Привет. Тебе чего? — спокойно проговорил Верн, стараясь, чтобы голос звучал ровно, без упрёка.

— Мм, приедь, заberi нас с Роуи. Я уже нагулялась... — она сделала паузу, будто пыталась собрать мысли в кучу, и добавила: — Да, она, я думаю, тоже. Мы возле клуба «Ноктюрн».

Верн на секунду прикрыл глаза. В голове мелькнула раздражённая мысль — ему не нравился этот пьяный, расслабленно-беспомощный тон. Но следом пришло другое, более сильное чувство: лучше он заберёт их в таком состоянии, чем эти улицы, этот клуб и случайные парни, которые всегда крутятся рядом, когда девушки чуть теряют бдительность.

— Роуи там с тобой тоже? — уточнил он, всё так же спо-

койно, хотя внутри уже начинал собираться привычный рабочий настрой: план, маршрут, действия.

— Даа, она вот рядом стоит, на небо смотрит... — голос Бетти стал тише, будто она повернулась к подруге и смотрела на неё, пытаясь понять, что вообще происходит.

— Хорошо. Ждите. Я скоро, — коротко бросил Верн и, не дожидаясь ответа, сунул телефон обратно в карман.

Он сел в машину, захлопнул дверь, отрезая от себя уличный гул, и на мгновение замер, уперев ладони в руль. Перед глазами на секунду всплыла картина: Роуи, стоящая посреди ночи и смотрящая в небо, будто ищет там ответы или просто пытается удержаться на краю реальности. А рядом — Бетти, которая уже не чувствует границ, не видит опасностей, потому что алкоголь стёр их из её восприятия.

«Только без спешки, — мысленно одёрнул он себя. — Спокойно, по дороге».

Мотор мягко зарычал, и машина плавно тронулась с места. Верн ехал не быстро, но уверенно, будто скорость сейчас была не главным: важнее было сохранить эту собранность, эту холодную ясность, которая позволяла ему быть тем самым человеком, к которому все идут, когда становится тяжело.

Глава 8

Верн спокойно ехал по полупустому городу. В такое время на дорогах в основном только такси — они, как и он, забирали людей с разных мероприятий и тусовок, увозили из клубов и баров, возвращая в квартиры, где уже ждали остывший чай, тишина и усталость, которую не нужно было прятать. Город будто делился на две половины: одну — шумную, яркую, живущую вопреки всему до самого рассвета, и другую — эту, утреннюю, сонную, где каждый старался просто дотянуть до нормального дня.

В голове у Верна всё ещё крутилась сцена в душе, и от неё становилось неловко, почти стыдно. Это был стыд тихий, упрямый, цепляющийся за рёбра: ему было стыдно перед Роуи, хоть она и не знала, да и, скорее всего, никогда не узнает об этом его минутном помутнение. Но сам факт, как он решил расслабиться, будто делал его менее достойным быть рядом с ней .

Он думал о Роуи. Она появилась в его жизни внезапно, как порыв ветра, который срывает ставни и впускает в дом сырой, свежий воздух, от которого сначала хочется спрятаться, а потом понимаешь, что без него душно. И последствия её появления были такими же неизбежными, как дождь после грозы. Он оказался единственным, кто был рядом в первые минуты её осознания: когда она вдруг поняла, что ей

придётся жить заново, шаг за шагом вспоминать свои привычки, любимые вещи, ценности, лица людей вокруг. Каждое такое «вспоминание» было похоже на попытку нащупать дорогу в полной темноте.

Видя её беспомощность, Верн просто не мог оставить её в больнице и уехать по своим делам, будто ничего не случилось. Ему хотелось вернуть ей ту версию себя, которая была до аварии, — или, может быть, даже лучше: более свободную, менее скованную, счастливую. Головой он понимал, что это невозможно: нельзя собрать человека из осколков так, чтобы он стал точно таким же, каким был раньше. Но сердце отказывалось принимать эту логику.

И помимо обычной человечности, помимо жалости и желания помочь, в нём жило ещё что-то — тихое, осторожное, но настойчивое. Какое-то притяжение. Он ловил себя на том, что смотрит на неё не просто как на девушку, которой нужна поддержка, а как на человека, в котором есть сила, способная выдержать даже то, что кажется невыносимым.

Когда Роуи старалась быть сильной, весёлой, простой, игривой, он видел в ней дух борца — ту самую упрямую искру, которая не даёт сломаться окончательно. Но в те мгновения, когда маска сползала и она оставалась потерянной и сломленной, он особенно остро чувствовал, насколько она уязвима. Её лёгкость сейчас была больше защитой, чем правдой: она надевала её, как куртку на голое тело, чтобы не замёрзнуть. И он искренне хотел дать ей ощущение простого сча-

ствия, свободы, покоя — даже если для этого придётся стоять между ней и всем остальным миром. Не обязательно, чтобы этот покой был связан именно с ним, хотя какая-то часть Верна, тихая и осторожная, не отказалась бы от этого.

Погрузившись в эти мысли, он почти не замечал дороги. Город мелькал за окном привычными очертаниями: старые вывески, пустые автобусные остановки, фасады домов, которые он знал наизусть. Он думал о словах, которые не сказал, о жестах, которых не сделал, о том, как быть рядом и не давить, как помогать и не забирать у неё право самой выбирать, как справляться.

И только когда впереди показалась знакомая улица, а на углу — вывеска клуба «Ноктюрн», он будто вынырнул из своих размышлений. Неоновый свет уже тускнел в утренних сумерках, словно клуб сам понимал, что его время вышло. Верн плавно притормозил на заднем выходе, у парковки, чуть в стороне и на секунду замер, положив ладони на руль.

В окне машины Верн увидел Роуи: она стояла, обхватив себя руками, и смотрела куда-то в высоту — так ребёнок замирает, услышав гул самолёта, и ищет в небе железную птицу, будто в этом движении есть надежда на чудо. Чуть поодаль Бетти докуривала сигарету; затушив её носком туфли, она подошла к подруге, на миг прижала к себе, пробормотала что-то неразборчивое — сквозь стекло до Верна не долетало ни слова. И снова скользнула в полутьму клуба, буд-

то нырнула обратно в шумную, яркую жизнь, от которой на рассвете становится особенно горько.

Верн вышел из машины и, едва скользнув взглядом по покачивающейся фигуре Роуи, сразу понял: «Сама она не сядет». Он резко распахнул заднюю дверь и торопливо, почти нервно стал перекладывать вещи, освобождая место, будто спешил создать для неё хоть какой-то островок порядка посреди этого хаоса.

Она что-то пробормотала себе под нос и вдруг шагнула к нему вплотную. Верн обернулся, удивлённо вглядываясь в её зелёные глаза — они были чуть затуманены, словно мир в них отражался сквозь тонкую пелену.

— А давно у тебя карие глаза? — спросила она с детской непосредственностью, в которой не было ни кокетства, ни расчёта — только искреннее любопытство, будто она заново училась видеть детали.

Он замер на секунду, не сразу уловив смысл фразы. «Пьяная, совсем пьяная», — пронеслось в голове, и эта мысль принесла с собой не раздражение, а скорее усталое смирение: он знал, что сейчас от неё не стоит ждать логики. Он мягко положил ладонь ей на спину, направляя к сиденью.

Но вместо того чтобы послушно скользнуть в машину, Роуи вдруг шагнула вперёд и обхватила его с такой отчаянной силой, будто он был единственной опорой в мире, который начал рушиться. Она прижалась лицом к его футболке, и Верн почувствовал, как её дыхание дрожит.

— Я так скучала... Так скучала. Не бросай меня больше,
— прошептала она, и в этом шёпоте было столько уязвимости, что у него сжалось сердце.

Он осторожно, стараясь не сделать ей больно ни словом, ни движением, попытался чуть ослабить её хватку.

— Не надо меня отодвигать! — её голос внезапно стал резким, звенящим, будто натянутая струна, готовая лопнуть.
— Я тебя люблю! Больше жизни! А ты ходишь на свидания с этой Бетти... Почему она? Чем она лучше меня? Я что, тебе не нравлюсь?

Слова обрушились на него, как град, и только теперь он понял: она говорит о Тру — о том самом Тру, парне, который когда-то был для неё целым миром. В её сознании всё спуталось: алкоголь, усталость, старые обиды и новый страх потерять хоть кого-то, кто рядом. Она цеплялась не столько за него, сколько за ощущение, что её слышат, что она не одна. И в эту секунду, среди всей этой неловкости и боли, Верн поймал себя на странной, тихой мысли: где-то глубоко ему хотелось быть тем человеком, по которому она будет скучать. Тем, чьё присутствие — якорь в шторме.

Почувствовав, что хватка Роуи слабеет, он мягко, но твёрдо снял её руки со своих плеч и чуть подтолкнул к машине. Но она не выпустила край его футболки, и, потеряв равновесие, потянула его за собой. Верн не успел полностью среагировать: он рухнул сверху, но в последний миг успел подставить руки, чтобы не придавить её. В нос ударил густой за-

пах алкоголя, смешанный с её духами — сладкими, пряными, теперь казавшимися чужими в этой утренней тишине.

— Не отпускай. Давай поговорим. Ну почему ты молчишь? — в её голосе сплетались обида, мольба и та самая детская беспомощность, перед которой невозможно устоять.

Сзади хлопнула дверь, и раздался чуть ироничный голос: — Ой, ребята, а вы тут чего? Я мешаю?

Верн дёрнулся, будто его застали за чем-то слишком личным, и быстро сполз с Роуи, выбрался из машины, захлопнул дверь и развернулся к Бетти.

— Ты чего? — выдохнул он, и в голосе прозвучали одновременно испуг и раздражение.

Бетти на секунду замерла, словно пыталась собрать в кучу разбегающиеся мысли. Алкоголь делал её движения замедленными, слова — неуверенными, будто каждое приходилось вылавливать из густого тумана.

— Я... ничего. Всё, не морочь мне голову. Поехали, — проговорила она уже не с иронией, а с усталой покорностью, прошла мимо и тяжело опустилась на переднее сиденье.

Верн ещё раз коротко выдохнул, будто сбрасывая с плеч что-то тяжёлое, обойдя машину и сев за руль, он тронулся с места. Не прошло и пяти минут, как обе девушки отключились: Бетти уронила голову на стекло и замерла, а Роуи раскинулась на заднем сиденье, во сне снова обняв себя, словно пыталась удержать ускользающее тепло.

Сначала он довёз Бетти. Аккуратно разбудил, помог дой-

ти до двери, дождался, пока она вставит ключ и исчезнет в прихожей, и попрощался. По её движениям было видно, что она действует скорее на автомате, чем осознанно.

Вернувшись к машине, он посмотрел на Роуи: та по-прежнему спала, чуть поджав ноги, и выглядела до нелепого беззащитной — как ребёнок, который уснул посреди игры, не успев достроить свой хрупкий мир. Он поехал к их общему дому, быстро миновал ворота и заехал на участок. Остановившись, Верн развернулся к заднему сиденью: Роуи по-прежнему не подавала признаков пробуждения, только тихо сопела, и в этой тишине было что-то обезоруживающее.

— Роуи, вставай, мы приехали, — тихо, почти шёпотом позвал он.

Никакой реакции. Он позвал настойчивее, и тогда девушка недовольно фыркнула, будто её оторвали от хорошего сна, и отвернулась, поджав колени.

Поняв, что словами тут ничего не добиться, Верн решился на то, что казалось ему до крайности неловким. Он вышел, открыл заднюю дверь, аккуратно просунул руки под Роуи и поднял её на руках. Глядя сверху на её расслабленное, спокойное лицо, он на секунду поймал себя на том, что улыбается — так трогательно и беззащитно она выглядела, будто все её острые углы на время растворились во сне.

Сделав пару шагов к крыльцу, он вдруг замер, осознав нелепость ситуации.

— Чёрт, дверь же закрыта, — выругался он тихо, почти

про себя. На руках — Роуи, а ключи остались в машине.

Не придумав ничего лучше, он осторожно отнёс её обратно в салон, бегом метнулся за ключами, отпер входную дверь, вернулся, снова взял Роуи на руки и понёс в дом. Поднявшись по лестнице, он дошёл до её комнаты и бережно уложил на кровать.

Она лежала в этом белом платье, всё ещё в туфлях, и в её неподвижности было что-то до боли хрупкое — будто одно неловкое движение могло нарушить этот редкий миг покоя. Верн на секунду задержал дыхание, потом тихо опустился на край кровати и, стараясь не потревожить сон, бережно стянул с неё туфли. Те бесшумно соскользнули на пол, и комната будто стала чуть тише.

Он выпрямился, скользнул взглядом по платью — по его простым, чистым линиям, по тому, как ткань мягко ложилась на плечи и струилась вниз, не крича о роскоши, а говоря о чём-то тихом, настоящем. Это платье ему понравилось с первого взгляда, как он увидел её ещё у клуба. В нём Роуи казалась одновременно уязвимой и сильной, будто знала, что красота — не в броскости, а в правде.

И тут в голове у него мелькнуло: «Нет, это слишком». Снять платье сейчас значило бы переступить невидимую черту, вторгнуться в её личное пространство, когда она не могла ни согласиться, ни возразить. Он не хотел смутить её, когда она проснётся и увидит, что кто-то касался её без спроса. Не хотел ставить себя в положение, где забота может быть

истолкована неправильно.

Ещё мгновение он постоял, вглядываясь в её лицо, в эти расслабленные черты, с которых наконец сползла маска постоянной собранности. Убедившись, что ей удобно, что она в безопасности, он тихо, почти на цыпочках, вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь так бережно, словно боялся спугнуть её сон даже этим лёгким щелчком.

Спустившись вниз, он забрал из машины свою сумку, закрыл входную дверь и прошёл в ту комнату, которую теперь считал своей, пусть и временно. Закрыв за собой дверь, он наконец позволил себе выдохнуть. Усталость навалилась разом, тяжёлым, плотным покрывалом, и он без сил опустился на кровать, думая только о том, что ему нужно буквально десять минут, чтобы перевести дух.

Но организм, измотанный бессонной ночью, переживаниями и бесконечной необходимостью держать себя в руках, не стал ждать. Мир мягко поплыл перед глазами, и Верн, сам того не заметив, провалился в сон — так же быстро и без сопротивления.

Когда Роуи наконец пробудилась, сознание ударило по ней резкой вспышкой: перед глазами снова мелькнули бешеная скорость машины, впивающиеся в кожу ремни, ледяная вода, смыкающаяся над головой. Вместе с этими образами в висках запульсировала звенящая боль, а в горле пересохло так, будто она не пила несколько дней.

Она медленно приподнялась на кровати, чувствуя, как те-

ло отзывается на каждое движение тупой, тягучей усталостью.

«Почему я в кровати? Мм, голова трещит...» — пронеслось в мыслях.

Ещё в тот миг, когда машина начала тонуть, она успела подумать, что это снова одно из её навязчивых воспоминаний — или, скорее, сон, раз очнулась она в своей комнате. Опустив взгляд, Роуи увидела на себе то самое платье, в котором была в клубе: теперь оно было изрядно помято, но всё ещё хранило отголоски былой привлекательности.

Спустя несколько минут, собравшись с силами, она переделась в пижаму — каждое движение давалось с трудом, и это упрямо напоминало о вчерашнем алкогольном дурмане. Бросив взгляд на часы, Роуи с удивлением поняла, что уже почти полдень.

«Боже, когда я вернулась домой? И как вообще я сюда добралась?» — в голове роилось множество вопросов, но ни на один из них не находилось ответа.

Взяв новый телефон — подарок Бетти, — она решила позвонить подруге: писать сейчас не было ни сил, ни терпения. После пары гудков звонок сбросили. Не желая сдаваться, Роуи набрала снова. На этот раз после недолгой паузы в трубке раздался голос Бетти — вялый, будто каждое слово давалось ей с усилием:

— Да, слушаю.

— Это Ру, ты дома? — быстро, почти на одном дыхании

выговорила Роуи.

— Ру, да, дома... Ты ради этого меня разбудила?..

— Не совсем. Я хотела...— Роуи на секунду запнулась, пытаюсь выстроить мысли в ряд.

— Хотела узнать, как мы вообще по домам разбежались и когда.

— Ой, Ру, не морочь мне сейчас голову, и так всё звенит. Я сейчас не буду думать. Давай, когда увидимся, расскажу, если вспомню. Пока.

Прежде чем Роуи успела хоть что-то возразить, в трубке послышались короткие гудки: Бетти явно была не готова к допросу.

Спускаясь на кухню, Роуи чувствовала, как каждая ступень отзывается в голове новым приступом боли. Налив себе стакан воды, она начала пить жадно, будто не пила последние двое суток. Осушив два стакана подряд, она снова направилась к лестнице, по пути всё ещё пытаюсь распутать клубок вчерашних событий.

В памяти всплывали обрывки: Тру, который будто бы приехал за ними, потом она одна в машине, затем — тонет, а после — утро. Роуи понимала, что, скорее всего, это был сон, но где проходила граница между реальностью и видениями, она никак не могла уловить.

Решив проверить свои догадки, она подошла к комнате Тру и осторожно приоткрыла дверь. Внутри было тихо и пусто — всё так же, как и в те дни, когда его не было дома.

Комната словно застыла во времени, не храня ни намёка на его возвращение.

Резкий скрип в соседней комнате отвлёк её от тягостных раздумий. Роуи подошла к приоткрытой двери и заглянула внутрь.

Там, на кровати, лежал Вернон — на животе, в уличной одежде, даже в кроссовках. Его лицо было повернуто в сторону двери, и в этом положении он казался непривычно уязвимым.

Его тёмные волосы слегка растрепались, чёлка падала на лоб, а черты лица, обычно собранные и чуть насторожённые, во сне смягчились. Чёрная одежда контрастировала с бледностью кожи, а расслабленные плечи будто сбросили с себя груз постоянной собранности. В этой картине было что-то обезоруживающее: тот самый Верн, который всегда держался ровно, сейчас выглядел так, будто весь мир наконец перестал требовать от него быть сильным.

Роуи застыла на пороге, разглядывая его ещё несколько секунд. В какой-то момент в памяти всплыл его взгляд — тот самый, что всегда вызывал у неё улыбку, пусть и не на лице, а где-то глубоко внутри. Она вспомнила его тёмно-карие глаза, спокойные и внимательные, будто он всегда видел чуть больше, чем остальные.

И тут, словно удар по затылку, её накрыло осознание. Она вдруг вспомнила, как смотрела в глаза Тру, и они, вопреки привычному зелёному оттенку, показались ей карими. В тот

момент она не придавала этому значения, но теперь всё встало на свои места: пока её пьяный взгляд упрямо рисовал перед ней любимого блондина, на самом деле рядом был Вернон. Та же одежда, те же движения, тот же запах — всё сходилось.

Роуи вдруг поняла, что все те слова, которые она, как ей казалось, шептала Тру, на самом деле были обращены к Вернону. Она бормотала их, уткнувшись в его футболку, цепляясь за него, как за последнюю опору.

«А если это правда... Если он всё слышал.. Чёрт, какая же я дура» — мысль обожгла стыдом, острым и колючим, словно тысячи мелких иголок впились в кожу.

Чтобы не продолжать терзать себя этими мыслями, Роуи решительно развернулась и направилась в ванную. Ей нужно было смыть с себя остатки вчерашнего вечера, остудить пылающие щёки и привести в порядок не только тело, но и мысли. Тёплый душ должен был стать той самой границей, за которой можно было оставить стыд и попытаться собрать себя заново.

Спустя час, проведённый в тёплой ванне, где вода будто смывала не только следы вчерашнего вечера, но и липкий осадок неловких мыслей, Роуи, завернувшись в мягкое полотенце, вышла из ванной комнаты. Сделав всего пару шагов по коридору, она вдруг замерла: из своей комнаты, потирая сонные глаза и зевая, появился Верн — всё в той же одежде, что и накануне, будто и не ложился по-настоящему.

От неожиданности у Роуи перехватило дыхание — она

резко, чуть слышно вздохнула, и этот тихий звук будто разорвал полусонную тишину коридора. Верн наконец опустил руку от лица, проморгался — и тут же увидел её: мокрую, с прилипшими к вискам прядями, в одном полотенце, с каплями воды, медленно стекающими по плечам.

Не прошло и секунды, как он всё осознал — и тут же, не дожидаясь ни слов, ни неловких объяснений, резко развернулся и шагнул обратно в свою комнату, будто пытался спрятаться не от неё, а от самого себя, от этого внезапного, неуместного мгновения.

— Ой, прости, я не хотел, — пробормотал он уже из-за двери, голос звучал глухо, будто он прижал ладонь к лицу, чтобы скрыть смущение.

Роуи даже не успела толком осознать, что произошло: всего пара секунд — и Верн уже исчез, оставив после себя только лёгкий запах улицы, смешанный с чем-то привычно «его» — тёплым, спокойным, надёжным. В груди у неё вдруг шевельнулось странное чувство: не стыд, не раздражение, а что-то похожее на тёплую улыбку изнутри. Её умиляла эта его искренняя, почти детская неловкость — то, как он не позволял себе даже мельком задержать взгляд, будто боялся нарушить её границы.

Она вспомнила их самую первую утреннюю встречу, когда она, ещё не привыкшая к его присутствию, вышла к нему в одной футболке и тут же залилась краской от собственной неосторожности. Тогда и он отводил глаза, будто нароч-

но смотрел куда угодно, только не на неё. А теперь, стоя в полотенце, она вдруг поймала себя на том, что ей не стыдно — ей смешно и трогательно от того, как он старается быть деликатным.

— Ничего страшного, доброе утро, Верн, — тихо проговорила она в пустоту коридора, зная, что он всё равно слышит.

И, не дожидаясь ответа, сделала ещё пару шагов и скрылась в своей комнате.

Переодевшись в привычную одежду, Роуи села на край кровати, но мысли никак не хотели укладываться в ровный ряд. В голове снова и снова всплывал образ Верна: его смущённое «прости», то, как он тут же спрятался, будто боялся сделать что-то не так. Она не понимала, почему рядом с ним её постоянно накрывает эта странная смесь неловкости и предвкушения — будто каждый случайный взгляд, каждое короткое «доброе утро» значат чуть больше, чем должны.

Она знала его меньше недели, но он уже успел стать частью её новой жизни — той самой опорой, о которой она раньше и не думала, что ей понадобится. Она была искренне благодарна ему за всё, что он делал: за терпение, за то, что не задавал лишних вопросов, за то, что просто был рядом, когда мир вокруг начинал рушиться. Но что она хотела от него дальше — дружбы, чего-то большего или просто этого тихого, надёжного присутствия — она всё ещё не могла себе честно ответить.

Постепенно эти мысли начали растворяться, уступая место другой, более тяжёлой тревоге. Образ Верна в коридоре сменился в её сознании на другой — на Тру: его светлые волосы, его улыбку, его привычку смотреть на неё так, будто она — единственное, что имеет значение. Он уже неделю почти не выходил на связь. На работе его не было, Бетти не знала, где он, а его телефон и вещи по-прежнему лежали дома, словно он просто взял и исчез, растворившись в воздухе.

В голове у Роуи начали рождаться самые мрачные догадки, одна страшнее другой, и она изо всех сил пыталась отогнать их, но они возвращались снова и снова, как волны, бьющиеся о берег. Тру был единственным, кто мог по-настоящему рассказать ей о её прошлой жизни, о тех днях, которые она теперь вспоминала обрывками, будто смотрела старый, потёртый фильм с выпавшими кадрами.

И вдруг, посреди этой путаницы чувств и тревог, она поняла: хватит прятаться от вопросов. Хватит надеяться, что всё как-то само рассосётся. Ей нужно найти Тру. Нужно услышать его голос, увидеть его лицо, заставить его рассказать всё, что он знает, — даже если эти воспоминания окажутся болезненными. Потому что лучше знать правду, какой бы горькой она ни была, чем вечно блуждать в полутьме собственных догадок.

Глава 9

Собрав мысли в порядок и уняв лёгкую дрожь в пальцах, Роуи вышла из комнаты, но у начала лестницы вниз невольно замерла.

«Нет, сначала хочу ещё раз всё осмотреть», — прошептала она почти беззвучно, будто боялась спугнуть эту решимость, едва успевшую оформиться в твёрдое намерение.

С этой мыслью она развернулась и снова направилась в комнату Тру — в то самое место, где прошлое застыло, словно капля янтаря, сохранив в себе все мелочи, все едва уловимые оттенки его жизни.

Всё лежало точно так же, как и в прошлый раз, когда она решила на этот тихий, почти виноватый обыск: телефон, книги, постеры, фигурки — каждый предмет будто нарочно оставался на своём месте, храня молчаливое обещание, что хозяин вот-вот вернётся. Роуи медленно прошлась по комнате, скользя взглядом по знакомым вещам, и снова её внимание притянул рабочий стол.

Подойдя ближе, она провела ладонью по углу деревянного стола — и тут же почувствовала под пальцами лёгкую шероховатость, будто дерево помнило каждое прикосновение. На поверхности царил тот самый творческий беспорядок, который всегда казался ей не хаосом, а особым, понятным лишь Тру языком: карандаши, смятые бумажки с торопливыми за-

писями, ластики, ручки, разбросанные так, будто их только что отложили в сторону, чтобы схватить что-то более важное. В этой небрежности было столько жизни, что на мгновение Роуи показалось: ещё секунда — и дверь распахнётся, и он войдёт.

Она опустилась на стул, чуть подвинулась ближе к столу и, протянув руку к ноутбуку — тому самому, что ещё в прошлый раз притянул её взгляд своей молчаливой загадочностью, — замерла на долю секунды, будто собираясь с духом. Пальцы нетерпеливо постукивали по столешнице в такт бешеному ритму сердца, а другая рука легла на подлокотник стула. И едва она чуть дёрнула кистью, как вдруг почувствовала резкий, короткий укол на пальце.

Резко отдёрнув руку и поднеся её ко рту, Роуи ощутила знакомый металлический привкус крови и едва уловимый запах — такой родной и в то же время чужой, будто она уже не в первый раз сидела на этом стуле, за этим столом, и уже не в первый раз её палец встречал здесь свою маленькую, незаметную преграду.

И в этот миг её накрыло странное, почти пугающее чувство дежавю — будто не только этот укол, но и вся эта комната, этот беспорядок, этот застывший момент уже были в её жизни, и она уже делала эти шаги, уже тянулась к ноутбуку, уже чувствовала этот вкус на языке.

Роуи всё ещё сидела за столом, пальцы бежали по клавиатуре, будто сами знали, куда нажимать, а в голове складыва-

лись строчки — она писала историю о путешествии овечки Дори, продумывая каждый поворот сюжета, каждого нового друга, каждую деталь пути, который должен был стать для Дори не просто дорогой, а настоящим взрослением. В эти минуты весь остальной мир будто переставал существовать, и даже лёгкий шум из коридора не мог отвлечь её от этого маленького, но такого важного для неё мира.

— Эй, ты чего тут забыла? — в дверном проёме появился Тру, и в его голосе слышалось лёгкое недоумение, будто он никак не мог поверить, что застал её именно здесь, в его комнате, за его ноутбуком.

Роуи вздрогнула от неожиданности и обернулась на звук. Перед ней стоял парень, только что вышедший из душа: на коже ещё поблёскивали капельки воды, а домашняя майка и спортивные штаны сидели на нём свободно, подчёркивая привычную расслабленность, которую она знала с детства. Его светлые, почти золотистые волосы были ещё влажными и слегка взъерошенными — казалось, он просто провёл по ним ладонью, не тратя время на укладку. На левой стороне шеи виднелись тонкие линии татуировки — простые, но изящные узоры, будто сплетённые из едва уловимых завитков; они не кричали о себе, а скорее шептали о чём-то личном, понятном только ему. В этом сочетании небрежности и скрытой красоты было что-то до боли знакомое, почти родное — и в то же время сейчас в нём чувствовалась напряжённость, будто он балансировал на грани терпения.

Роуи на мгновение задержала взгляд на его лице, на этих ярко-зелёных глазах, в которых сейчас читалось не столько удивление, сколько усталость и раздражение, а потом снова опустила глаза к экрану. Не говоря ни слова, она вернулась к своей истории, будто надеялась, что если продолжит печатать, то этот момент просто растворится, исчезнет, как утренний туман.

— Ты меня не слышишь? — теперь в его голосе прозвучала чуть более грубая нотка, и он шагнул в комнату, не сводя с неё пристального взгляда. Проходя мимо стола, он направился к шкафу, будто хотел чем-то занять руки, чтобы не сорваться.

— Да-да, сейчас, я допишу и уйду, — быстро проговорила Роуи, не поднимая глаз, пальцы продолжали выстукивать слова, будто пытаюсь обогнать время.

Тру резко захлопнул дверцу шкафа и, развернувшись, подошёл к ней сзади. В воздухе витал лёгкий аромат его геля для душа — сладковатый, с нотками персика, такой привычный, что на секунду Роуи даже захотелось закрыть глаза и просто вдохнуть его глубже, чтобы вернуть то ощущение спокойствия, которое раньше всегда было между ними. Но сейчас этот запах смешивался с напряжением, повисшим в комнате, как грозовая туча.

— Ты вообще зачем села? Я же тебе сказал, что мне надо проект для института закончить. Сегодня моя очередь ноутбука, — его голос звучал твёрдо, почти приказно, и от этого

у Роуи внутри что-то неприятно сжалось.

— Да-да, я помню, но я сегодня вспомнила историю мальчика с почты — это прям идеально.. Эй, ты чего? — она не успела договорить, не успела объяснить, почему взяла ноутбук, пока Тру был в душе, не успела сказать, что эта история вдруг встала перед глазами так ярко, будто кто-то включил свет в тёмной комнате.

Он резко отодвинул стул вместе с ней от стола и развернул её к себе. Роуи вскинула голову, глядя на него снизу вверх, и в её взгляде читалось возмущение, смешанное с обидой. А в его глазах застыло раздражение — острое, колющее, будто он сам не мог справиться с тем, как сильно его всё это достало.

— Роуи.. — он произнёс её имя так, словно это было начало длинной, тяжёлой фразы, которую он репетировал в голове, но так и не смог подобрать нужных слов. В его тоне проскользнуло что-то отцовское — этакая усталая строгость, от которой у неё внутри всё сжалось ещё сильнее.

— Ну что, Тру? — она попыталась звучать спокойно, но в голосе всё равно прорвалась дрожь.

— Мы договорились, сегодня ноутбук — мой. Давай, выходи из моей комнаты, — он почти не повышал голос, но каждое слово звучало как приказ, от которого хотелось съёжиться и одновременно вспыхнуть от несправедливости.

Роуи почувствовала, как внутри поднимается волна злости — не столько на него, сколько на эту ситуацию, на их вечные договорённости, на то, что они вдруг стали такими

чужими друг другу. Ей не нравился этот тон, не нравилось, как он смотрел на неё сейчас — не как на подругу, не как на того, кто столько лет был рядом, а как на помеху, которую нужно убрать с дороги.

— Нет, дай мне хоть главу дописать, — она попыталась смягчить свой голос, сделать его тише, чтобы разрядить обстановку, но в нём всё равно слышалась упрямая нотка.

— Нет, Роуи, мы договорились. Выходи. Твои сказки подождут, — он уже почти рычал, и от этого у неё внутри всё закипало.

— Не подождут! Я сейчас быстро, подожди пару минут, — она снова придвинулась к столу, упрямо уставившись в экран, будто если будет смотреть достаточно пристально, то слова сами сложатся в идеальную главу, и тогда он поймёт, почему это так важно.

Но Тру уже не слушал. Его нервы были натянуты до предела, он держался из последних сил, и сейчас эта маленькая искра неповиновения стала той самой каплей, которая переполнила чашу. Он снова схватил стул за спинку и резко потянул его назад. Роуи инстинктивно вцепилась в подлокотники, чтобы не потерять равновесие, и в этот момент её палец скользнул по краю подлокотника — острому, чуть шероховатому, о который она уже не раз царапалась, но никогда не обращала внимания.

Резкая, короткая боль пронзила палец, и она тут же поднесла его ко рту, чувствуя на языке знакомый металлический

привкус.

— Ты совсем что ли? — в её голосе смешались боль, обида и злость, и эти слова прозвучали как пощёчина.

— Роуи, я последний раз повторяю: выйди из моей комнаты. Мне завтра сдавать проект. Дай мне доделать, — теперь в его голосе слышалось не просто раздражение, а что-то похожее на отчаяние, будто он сам не понимал, как они дошли до этого момента, но уже не мог остановиться.

Всё ещё держа порезанный палец во рту, Роуи медленно встала со стула и повернулась к Тру. В её глазах плескались слёзы, но она не позволяла им пролиться — вместо этого в ней поднималась волна обиды, которая искала выход. И она нашла его в словах, резких и грубых, как осколки стекла.

— Это мой дом, дом моей бабушки. Это мои комнаты, не твои, — выпалила она, и эти слова повисли в воздухе, тяжёлые и холодные, как камни.

В ту же секунду она поняла, насколько жестоко и несправедливо это прозвучало. В глазах Тру мелькнуло удивление, а потом в них будто что-то погасло — его ярко-зелёные глаза, всегда такие живые, в этот момент стали тусклыми, словно кто-то выключил в них свет.

— Раз это всё твоё, я завтра съеду. Надеюсь, ночь ты мне разрешишь переночевать, мисс Валли? — он произнёс это почти шёпотом, но в этом шёпоте было столько горечи, что Роуи почувствовала, как земля уходит из-под ног.

— Тру, я.. — она хотела сказать что-то ещё, хотела объ-

яснить, хотела забрать эти слова обратно, но голос застрял в горле. Она знала, что кроме неё у Тру никогда не было настоящего дома, что почти двадцать лет они росли вместе в приюте, где каждый день был испытанием, а они были друг для друга единственным якорем, единственной опорой в этом штормящем мире. И сейчас она своими же руками разрушила эту хрупкую связь.

— Роуи, выйди из комнаты, пожалуйста, — он уже не кричал, не злился — в его голосе звучала такая усталость, что ей стало по-настоящему страшно.

Не зная, как исправить то, что она только что натворила, Роуи молча развернулась и вышла, с силой захлопнув за собой дверь. Звук удара эхом отозвался в её груди, и на мгновение ей показалось, что это не дверь, а какая-то невидимая граница, которую она только что пересекла, и теперь не знала, как вернуться назад.

Резкий звук снизу, похожий на тяжёлый удар, вырвал Роуи из водоворота горьких мыслей. По коже пробежал колючий холодок страха, и она, не раздумывая, снова повернулась к двери в комнату Тру и постучала, голос дрожал, выдавая её смятение:

— Тру, там на кухне кто-то..

В ответ — тишина, густая и давящая, словно комната поглощала любые звуки.

— Ну прости, я не хотела этого говорить, я так не считаю.. — прошептала она, будто эти слова могли хоть что-то

исправить, вернуть их на шаг назад, туда, где они ещё не разделились друг друга.

Но тишина не отвечала. От нарастающего страха Роуи решилась на отчаянный шаг — она распахнула дверь, не дожидаясь разрешения. И тут же замерла, не в силах поверить своим глазам: комната была пуста. Не просто пуста — она была вычеркнута из реальности. Ни мебели, ни обоев, ни люстры, ни света — ничего. Только голые стены, будто здесь никогда и не было жизни, не было Тру, не было их общих воспоминаний.

— Что за.. — она не успела договорить, как звук снизу повторился — громкий, металлический, будто что-то тяжёлое рухнуло на пол.

Тихо, почти на цыпочках, стараясь не издавать ни звука, Роуи начала спускаться по лестнице, каждый шаг отдавался в груди тяжёлым эхом.

— Тру, это ты? — проговорила она в пустоту, голос звучал жалко и тихо, растворяясь в тишине дома.

На кухне, повинаясь инстинкту самосохранения, она схватила со стола нож — холодный, тяжёлый, неприятно легший в ладонь. С ним в руке она двинулась к выходу на заднюю террасу, будто он мог стать её щитом от того, что ждало за дверью.

Когда она подошла к двери, то увидела, что массивная металлическая створка валяется на полу, покорёженная и беспомощная.

«Видимо, это звук от двери», — промелькнуло в голове успокаивающее, но слишком хрупкое оправдание.

Но стоило ей выглянуть в проём, как сердце рухнуло куда-то вниз. На газоне, под стеной ливня, в почти полной темноте, лежал Тру. Его фигура казалась неестественно неподвижной, будто он слился с мокрым газоном, став его частью. Не раздумывая, не давая себе времени на страх, Роуи бросилась к нему.

Упав на колени рядом, она начала судорожно ощупывать его, искать хоть какой-то признак жизни.

— Тру, ты.. ты как? Тру, очнись! — она слегка трясла его, будто он просто уснул здесь, посреди дождя, и нужно было лишь немного потрясти, чтобы он открыл глаза и улыбнулся, как всегда.

Но он не отвечал. И в этот момент, где-то в глубине сада, в паре десятков метров, она заметила чёрный силуэт. Он стоял неподвижно и смотрел на неё, на эту сцену отчаяния и боли, будто наблюдал за спектаклем, который сам и поставил.

— Что тебе надо? — крикнула она в дождливую темноту, голос сорвался на хрип, смешиваясь с шумом ливня.

Силуэт резко поднял руку, указывая прямо на неё. Роуи в недоумении оглядела себя: обычная домашняя одежда, давно промокшая насквозь, прилипшая к телу. Что у неё могло быть такого, что нужно этому безликому наблюдателю?

— Тебе я нужна? — она прижала ладонь ко лбу, пытаясь хоть немного заслониться от хлещущих по лицу капель, но

ответа не было.

И вдруг, будто растворяясь в дождевой пелене, силуэт исчез. А в следующую секунду всё перевернулось. Тру резко схватил её за шею — крепко, безжалостно, так, что мир сузился до одной точки боли и нехватки воздуха. Роуи забилась в его хватке, пытаясь вырваться, но силы были неравны. Она падала, теряла ориентацию, дождь застилал глаза, и в какой-то момент её пальцы нащупали холодный металл — нож, который она взяла на кухне. Инстинкт самосохранения сработал быстрее разума: она вонзила его в бок Тру, не целясь, просто чтобы вырваться из этой хватки.

Хватка тут же ослабла. Тру отпустил её и схватился за бок, где теперь торчала рукоять ножа. Роуи, жадно глотая воздух, поднялась на дрожащие ноги.

— Тру, ты чего? Это я, Роуи! Ты спятил?! — она кричала, пытаясь пробиться сквозь этот кошмар, вернуть того Тру, которого знала всю жизнь.

Но он будто не слышал. Молча, стиснув зубы, он дёрнул нож из раны, сжал его в правой руке и начал подниматься. Роуи не могла разглядеть его лица — мокрые волосы падали на глаза, скрывая взгляд, и от этого становилось ещё страшнее.

— Тру.. ты.. ты чего? — она отступала назад, шаг за шагом, голос дрожал, срываясь на всхлип.

— Это я, я Роуи, Тру, ты что?! — она пыталась достучаться до него, до той части его сознания, которая всё ещё пом-

нила её, которая всё ещё любила её как сестру.

Но он не реагировал. Просто шёл вперёд, с ножом в руке, и в этом движении не было ни гнева, ни ненависти — только пугающая пустота.

Роуи не стала ждать, пока эта пустота настигнет её. Она развернулась и бросилась к дому, перепрыгивая через поваленную дверь, не чувствуя ни страха, ни боли — только бешеный ритм сердца, который гнал её вперёд. Добежав до лестницы, она успела сделать лишь пару шагов вверх, как вдруг почувствовала резкий холод на лодыжке — Тру схватил её и потянул на себя. Равновесие рухнуло, и она упала на ступени, ударившись о дерево.

Не давая ей времени подняться, он уже замахнулся ножом. Роуи инстинктивно вскинула руки, прикрывая лицо, и в тот же миг почувствовала ослепительную вспышку боли — лезвие рассекло кожу на предплечье. Она закричала, звук смешался с шумом дождя и эхом в пустом доме.

Он снова замахнулся, но в этот момент она собрала остатки сил и ударила его ногой в колено. Удар вышел резким и сильным — Тру отлетел назад, на пол первого этажа, и выронил нож.

Не глядя на рану, не позволяя себе ни секунды промедления, Роуи вскочила и бросилась вверх по лестнице. Добежав до ванной, она захлопнула дверь и прижалась к ней спиной, будто эта тонкая преграда могла защитить её от всего ужаса, который только что произошёл.

Сползая по двери на пол, она прислонилась к холодному кафелю. Она была насквозь мокрая, но теперь к дождевой воде примешивалась алая кровь, стекавшая по руке. Только сейчас, когда адреналин начал отступать, боль стала настоящей — режущей, пульсирующей, заставляющей стискивать зубы, чтобы не закричать снова.

И тут раздался удар в дверь. Потом ещё один. И ещё. Будто кто-то пытался либо выбить её, либо достучаться до неё, вернуть её в тот кошмар. Каждый удар заставлял дверь вздрагивать, как листок на ветру, и Роуи, сжавшись в комок, отпозла к стене напротив и смотрела на дверь, не в силах пошевелиться.

Очередной удар — и вдруг перед глазами всё поплыло, мир исказился, как в кривом зеркале. И вместо ванной комнаты она снова увидела комнату Тру, тот самый стол, ноутбук, который настойчиво просил пароль. А в дверном проёме, постукивая пальцами по косяку, стоял Верн — спокойный, немного сонный, совсем не похожий на того монстра, который только что гнался за ней.

«Боже, это всё было не по-настоящему. Я жива. Всё хорошо», — эта мысль пронеслась в голове, как луч света в крошечной тьме, и на мгновение её накрыло такое облегчение, что хотелось плакать и смеяться одновременно.

Роуи всё ещё приходила в себя, медленно выныривая из водоворота воспоминаний и возвращаясь в реальность. Случайно задев ногой маленькую мусорную корзину под столом,

она вздрогнула от резкого звука и невольно дёрнулась в сторону.

— Эй, всё хорошо? — тихо произнёс Верн, осторожно проходя чуть глубже в комнату, будто боялся спугнуть её хрупкое равновесие.

— Да, да, всё хорошо, просто задумалась.. вспоминала пароль от ноутбука, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно, но в нём всё равно проскальзывали дрожащие нотки.

Она снова посмотрела на экран, на эту упрямую плашку «Введите пароль», и в груди шевельнулось горькое разочарование. В этом ноутбуке, казалось, хранилась целая вселенная её прошлой жизни. Она вспомнила, как писала сказки, как они с Тру вместе сидели за этим самым устройством, делили экран, спорили кто сегодня его берёт в свою комнату. Значит, где-то в его памяти прятались и истории о нём, о них, о том, что она теперь не могла вспомнить. Но пароль, как назло, ускользал от неё, растворялся в тумане амнезии, не давая ни намёка, ни зацепки.

Заметив под ногами рассыпанные скомканные листы бумаги, Роуи тут же наклонилась, чтобы собрать их и бросить в корзину. Верн, не раздумывая, присел рядом и начал помогать, молча подбирая листы, не задавая лишних вопросов.

И вот, взяв очередной смятый клочок, она заметила на торчащем крае своё имя. Сердце пропустило удар. Она мгновенно развернула помятый лист и увидела неровные строки,

выведенные от руки. Почерк был тот самый — корявый, торопливый, будто буквы спешили за мыслями, не успевая за ними. Роуи вспомнила, как раньше подшучивала над Тру: мол, раз пишет так криво, значит, думает слишком много. От этой мысли на глаза навернулись слёзы — от тоски по его фырканью, по его запаху, по его привычной ухмылке, которая всегда появлялась, когда он пытался казаться невозмутимым.

Читая послание, она чувствовала, как глаза всё сильнее застилает белая пелена.

«Дорогая Куколка, я не знаю, что между нами происходит в последнее время, не знаю, что на нас нашло. Я тебя очень-очень люблю. Ты навсегда останешься той маленькой девочкой, что молча суёт мне кукол с просьбой помочь. Мы прожили всю жизнь вместе и оба привыкли друг к другу. Мы с тобой так и не поговорили нормально, так и не выяснили всё. Я знаю, ты боишься испортить наши отношения и не хочешь ломать дружбу, которая длится уже восемнадцать лет. Я понимаю тебя. Я и сам не хочу этого и не хочу говорить тебе того, что не смогу сделать, хотя для тебя я готов сделать всё. Ты всегда для меня остаёшься на первом месте в моей жизни.

Но в последние пару месяцев, с тех пор как мы переехали в этот дом, ты будто стала другой. Возможно, тебя шокировала правда о твоих родителях. Прости меня за все те слова, которые я тогда сказал. Я не считаю тебя похожей на твое-

го отца. Ты гораздо лучше, ты — человек, который помогал мне жить всё это время.

Я тебя правда люблю, и только в последнее время я наконец понял, что люблю тебя так же, как и ты меня — больше, чем просто друга. Да, я знаю о твоей симпатии, и спустя столько лет я наконец понял свои чувства к тебе, Роуи. Я тоже тебя люблю. Но сейчас я не вижу в тебе ту девушку, в которую я влюбился, которую я люблю. Возможно, ситуация с Бетти так на тебя повлияла, но у нас правда ничего не было. Я люблю исключительно тебя.

Думаю, на какое-то время нам обоим нужно перезагрузиться, собрать мысли в голове, пожить отдельно. Ты сказала, что это твой дом, и раз ты уже не видишь его нашим, то, думаю, настало время побыть нам порознь. Люблю тебя, Роуи».

Уже на середине письма слёзы начали капать на бумагу, падая тяжёлыми, резкими каплями, словно удары по сердцу. Верн, заметив это, тут же приблизился, молча скользнул взглядом по строкам, будто хотел прочитать их вместе с ней, разделить эту боль.

Дочитав до конца, Роуи, уже не сдерживая рыданий, начала жадно перебирать остальные листки. В каждом было то же самое послание, но сформулированное по-разному — видимо, Тру пытался найти идеальные слова, чтобы объяснить всё, что накопилось у него на душе, и каждый неудачный вариант безжалостно комкал и бросал в корзину. Вчитываясь в

новые строки, она плакала всё сильнее, всхлипывая так, что грудь разрывалась от тяжести.

Тогда Верн мягко, но уверенно приобнял её, аккуратно притянул её голову к своему плечу. И Роуи, не дожидаясь какого-либо разрешения, будто в этом жесте уже было всё необходимое согласие, уткнулась лицом в его футболку и зарыдала, выпуская наружу всё, что так долго копилось внутри. Ей было больно от того, что она ничего не помнит, от того, что Тру нет рядом, от осознания, что, возможно, именно она оттолкнула его, заставила уйти из их дома, из их общей жизни. Мысли неслись с невероятной скоростью, каждая из них была по ней, как новый удар. Она устала докапываться до правды, устала пытаться стать снова собой, будто для этого нужно было специально что-то делать, прилагать усилия, чтобы просто чувствовать себя собой.

Долгое время она рыдала у него на груди, а Верн лишь тихо поглаживал её по спине, не произнося ни слова поддержки. Его молчание было громче любых утешений: оно говорило «я здесь», «всё будет хорошо», «я рядом».

Когда рыдания стали тише, а дыхание — ровнее, Роуи чуть отстранилась и начала вытирать слёзы рукавом. Встретившись взглядом с Верноном, она увидела в его глазах столько беспокойства и нежности, что на мгновение ей стало стыдно за то, что она так бесцеремонно использовала его как опору. Она перевела взгляд на его футболку и заметила огромное мокрое пятно — след её слёз. Верн проследил за

её взглядом, опустил глаза на футболку и с лёгкой иронией произнёс:

— Ну да, носовой платок из меня так себе.

Он снова поднял глаза на заплаканную Роуи, и в его взгляде мелькнула та самая искра, которая всегда умела пробиться сквозь любую тьму.

Роуи тихо хихикнула — тихо, прерывисто, но это был настоящий смех, пусть и сквозь слёзы. Точно так же, как в тот раз в машине, в первые сутки после того, как она пришла в себя: тогда Верн, рассказывая какую-то нелепую историю из детства, сумел заставить её улыбнуться, несмотря на всю боль и растерянность. Он всегда умел это делать — находить нужные слова или, наоборот, не говорить ничего лишнего, просто быть рядом, когда это было важнее всего.

Ничего не придумав, она лишь прошептала дрожащим голосом:

— Спасибо.

Верн положил руки на её хрупкие плечи, посмотрел прямо в её заплаканные ярко-зелёные глаза и тихо, но твёрдо произнёс:

— Всё будет хорошо, Роуи. Всё будет. Я, если что, всегда рядом.

В конце он мягко, почти заботливо улыбнулся, и эта улыбка была такой искренней, что в ней не было ни капли фальши — только желание защитить, уберечь, не дать ей утонуть в этой боли.

Роуи посмотрела на него, задержав взгляд на его лице. В нём не было ничего кричащего, ничего нарочито красивого — только спокойная уверенность и та самая мягкость, которая притягивала к себе, как свет в темноте. Его черты были будто вылеплены из противоречий: лёгкая небрежность в причёске, чуть нахмуренные брови, выдававшие его внутреннее напряжение, и эти пухлые губы, в которых читалась какая-то особенная уязвимость. Она смотрела на них, не в силах отвести взгляд, и в этот момент все мысли, все сомнения, вся тяжесть последних дней будто растворились, уступив место одному единственному, почти отчаянному желанию.

Не говоря ни слова в ответ на его поддержку, она просто потянулась вперёд и поцеловала его. Их губы соприкоснулись, и в этом прикосновении смешался солёный вкус её слёз и тихая, едва уловимая дрожь, пробежавшая по всему телу. Это была мимолётная слабость, вспышка, которая тут же попыталась исчезнуть. Роуи отстранилась, осознав, что сделала, и, чуть заикаясь, начала оправдываться:

— Прости, я не знаа..

Но не успела она договорить, не успела объяснить, что сама не понимала, что на неё нашло, как снова почувствовала вкус его губ на своих. Верн, не колеблясь, перебил её оправдания, ответив на поцелуй. Это было не просто согласие — это было принятие. Будто теперь счёт стал 1:1, будто это была та самая поддержка, которую она сейчас заслужи-

вала больше всего на свете.

Поцелуй был одновременно осторожным и настойчивым: Верн будто старался не спугнуть её, но в то же время не хотел отпускать, словно боялся, что если ослабит хватку, она снова ускользнёт в свои воспоминания, в свою боль, в свой страх. Его губы двигались мягко, но уверенно, а руки, всё ещё лежавшие на её плечах, чуть сжались, притягивая её ближе. Роуи не сопротивлялась. Она закрыла глаза и позволила себе раствориться в этом моменте, пропуская его ближе, доверяя ему ту часть себя, которую до этого прятала даже от самой себя.

Время будто остановилось. В комнате, которая ещё недавно была наполнена воспоминаниями о Тру, теперь витало что-то новое — нежное, хрупкое, но в то же время невероятно сильное. Так эти двое и остались в комнате лучшего, а возможно, уже и бывшего друга Роуи, просто ловя этот момент между собой, позволяя ему быть тем самым островком тишины посреди бушующего океана её воспоминаний.

Глава 10

Роуи сидела в кабинете врача — всё того же, что когда-то впервые мягко, но безжалостно обозначил границы её памяти. Он склонился над бланком, дописывал заключение; шуршание ручки по бумаге казалось неестественно громким в этой стерильной тишине. Роуи смотрела на его руки — на аккуратные, уверенные движения, на то, как он ставит точку и чуть отодвигает лист, будто этим жестом окончательно фиксирует реальность. Больничный закончился. Пора снова возвращаться в жизнь — полностью, без оговорок и поблажек.

За эту неделю она пыталась ухватить прошлое за самые тонкие нити. Ещё раз перевернула комнату Тру, но не обнаружив ничего нового, она убрала эту идею на черный день и вместо того чтобы снова и снова вчитываться в строчки тех черновиков, отложила их в сторону, как откладывают старую, но дорогую сердцу вещь: не потому, что она больше не нужна, а потому, что сейчас от неё слишком больно. Она решила оставить это в «счастливом прошлом», даже если оно и не до конца ей принадлежит. Пыталась отыскать лучшего друга из той, прежней версии своей жизни, ходила к старой квартире, где они жили до переезда в дом. Но дверь теперь открывали чужие люди, и в их равнодушном «нет, мы тут недавно» звучало окончательное «прошлое закрыто».

Много говорила с Бетти. Та на каждой встрече будто понемногу раздавала кусочки Роуи — рассказывала разные фрагменты её биографии, иногда вплетала туда и Тру, но каждый раз, стоило теме коснуться его чуть глубже, ловко уводила разговор в сторону. Роуи замечала эти манёвры, но не настаивала. В этом уклончивом молчании Бетти было что-то бережное — словно она боялась сорвать тонкую корку, под которой ещё сочилась боль.

А ещё приходили воспоминания. И сны. Они били резко, без предупреждения: обрывок запаха дождя, ощущение чьих-то рук, резкий звук, от которого хотелось сжаться в комок. После каждого такого удара в голове оставался неприятный, вязкий осадок, будто кто-то провёл по сознанию наждачной бумагой. Но стоило только на горизонте появиться Вернону — и эти картины начинали таять. Зловещий дым, чёрные силуэты, тревожные контуры — всё это словно отступало, растворялось в его спокойной, чуть застенчивой улыбке.

Они не обсуждали тот поцелуй. Ни разу. Даже намёком не касались того, что это было и что будет дальше. Просто продолжили общаться, будто между ними существовала негласная договорённость: не трогать то, что пока слишком хрупко. И в этой договорённости Роуи находила странное утешение. Верн по-прежнему старался не видеть лишнего, не заглядывать туда, куда его не звали, а она в ответ старалась не втягивать его в свои неловкие моменты. Она искренне вос-

хищалась тем, насколько он умел быть правильным — и как тонко чувствовал чужое личное пространство, не превращая свою заботу в давление.

Чаще они гуляли втроём: она, Бетти и Верн. В этом трио было удобно: Бетти заполняла паузы, Верн сглаживал острые углы, а Роуи могла просто идти рядом, смотреть на мелькающие витрины и чувствовать, как понемногу возвращается ощущение себя. Даже Элизабет, поначалу относившаяся к Вернону с холодной настороженностью, за эту неделю будто чуть оттаяла. Нельзя было сказать, что они стали друзьями, но между ними точно начали проступать первые, осторожные нити чего-то похожего на доверие.

Роуи радовалась тому, что снова может жить обычными буднями, не гонясь каждую минуту за ответами, не пытаясь выжать из себя хоть ещё один кусочек прошлого. Она решила, что Тру — по крайней мере сейчас — нужно оставить там, где он живёт: в снах, в черновиках, в обрывках фраз. Какая-то часть её всё ещё хотела встретить его вживую, поговорить не в кошмарах, где всё обрывается на самом важном, а по-настоящему: посмотреть в глаза, услышать голос, понять, почему всё рассыпалось. Но сейчас у неё была другая цель — восстановиться после аварии, вернуть свой прежний темп жизни и наконец избавиться от этих резких флэшбеков, от чёрного силуэта, который всякий раз тянул за собой шлейф тревоги.

Роуи вышла из кабинета врача с тем странным чувством,

которое бывает, когда долго ждёшь приговора, а тебе вместо него дают не освобождение, а ответственность. Больничный закончился — и теперь не оставалось даже формального повода держаться в стороне от жизни. Завтра был её первый рабочий день после аварии, и перед ним она решила списаться с коллегами, чтобы хоть немного сгладить неловкость, которая холодными иголками покалывала где-то под рёбрами. Ей хотелось, чтобы кто-то просто напомнил, как всё устроено: куда складывать письма, какой маршрут брать первым, где в отделении можно выдохнуть и налить себе стакан воды, когда мир вдруг начинает плыть.

Её смена шла вместе с Асахи и Иро — братом и сестрой, чьё происхождение невольно цепляло взгляд. Не каждый день встретишь японцев-почтальонов в небольшом американском городе, и эта деталь отчего-то казалась Роуи важной, будто в ней прятался какой-то ключ к пониманию того, как устроена эта новая часть её жизни. Она отыскиала их контакты и договорилась встретиться сразу после больницы, в их районе — там, где улицы уже не казались чужими, а складывались в привычную мозаику.

Тем временем Верн ждал её в коридоре. Он сидел у кабинета, ссутулившись чуть больше обычного, и смотрел на парковку в окне так, будто пытался удержать равновесие только за счёт того, что не отрывает взгляда от неподвижных машин. Для него больница была не просто зданием — она хранила последнее, самое острое воспоминание о Рэйчел. В го-

лове у него снова и снова проскакивали обрывки: утренний звонок, потом бег по этим же коридорам, его голос, срывающийся на крик, и равнодушный, спокойный тон врача, который не умел говорить мягче. Он помнил, как стоял у дверей реанимации и шептал: «Это ошибка, это не может быть правдой».

От этих воспоминаний Верн прикусил губу и вцепился пальцами в собственный бицепс, будто хотел физически удержать себя, не дать себе рассыпаться. Он не заметил, как над ним нависла тень, а потом в поле зрения появилась Роуи — её спокойный, чуть усталый взгляд, в котором не было ни спешки, ни жалости.

— Всё, меня выписали. Пошли, — сказала она тихо, но в этом голосе прозвучало облегчение, словно она наконец-то нашла точку опоры.

— Хорошо, — пробормотал он и послушно встал следом за ней, будто быть рядом с ней означало просто идти туда, куда она ведёт.

Они дошли до машины, сели, и только тут, за закрытыми дверями, вдали от чужих глаз, Роуи позволила себе задать вопрос:

— Ты как?

Верн уже тянулся к ключу зажигания, торопливо, почти судорожно, будто хотел поскорее уехать, стереть с себя этот больничный запах, этот тяжёлый воздух.

— В смысле? Всё хорошо. У тебя что-то не так? — он

бросил на неё короткий, озадаченный взгляд и снова дёрнул ключ, но мотор не схватился.

— Ну я же вижу, что ты нервничаешь. Что-то случилось в коридоре, пока меня не было? — Роуи не стала ждать ответа. Она просто положила ладонь поверх его руки, которая дрожала у ключа, и чуть сжала — не сильно, но достаточно, чтобы он почувствовал, что торопиться некуда.

— Да.. да, всё хорошо, — повторил он, но голос подвёл, выдал то, что он так старательно прятал.

Роуи не убирала руку. Она смотрела на него спокойно, без нажима, просто давая понять: «Я здесь. Ты можешь не быть сильным прямо сейчас».

— Ладно.. не очень хорошо, — выдохнул Верн, наконец отпуская руль и ключ, откидываясь на спинку сиденья и глядя прямо перед собой, на людей, которые входили и выходили из больницы, будто эти случайные прохожие могли удержать его от падения.

— Что случилось? — спросила Роуи, не отводя взгляда, продолжая изучать его профиль, каждую напряжённую линию.

Верн молчал ещё секунду, будто взвешивал, стоит ли открывать эту дверь. Потом заговорил — тихо, сбивчиво, будто слова царапали горло:

— Тут, в августе.. я узнал, что моя подруга умерла. Она недалеко от того места, где ты попала в аварию.. спрыгнула. Утром. Я так и не узнал, почему, что было не так. Не смог

спасти. В тот вечер я снова пришёл на тот поворот, просто чтобы побыть там, будто.. будто она всё ещё где-то рядом. Она была всем для меня. Знаешь, как Тру для тебя. Я так хотел быть её оберегом от всего, а не вышло. По сути, у меня сейчас и друзей-то нет, только знакомые, с которыми раз в месяц перекинешься парой фраз. Родители давно уехали, и только она была тем звуком, который заглушал эту тишину внутри. Я жалею, что не замечал намёков, не подмечал деталей, которые могли всё это предотвратить..

Он запнулся, сжал свитер в пальцах, будто ткань могла удержать его на месте. Потом, после короткой паузы, продолжил, уже тише, но твёрже:

— Но, вытащив тебя.. возможно, это звучит эгоистично, но я почувствовал, будто жизнь даёт мне второй шанс на спасение, чтобы всё исправить. Я верю в знаки и судьбу, и мне кажется, что именно она нас свела вместе. С тобой я впервые за два месяца почувствовал себя живым, нужным хоть кому-то. Будто с тобой я могу быть не только полезным, но и просто счастливым.

Пока он говорил, он ни разу не посмотрел на Роуи. Его взгляд скользил по приборной панели, по стеклу, по своим рукам, которые мяли ткань свитера, как антистресс. А она сидела и слушала, стараясь не спугнуть этот редкий, хрупкий момент откровенности. Ей казалось, что она слышит то, что не должна слышать, но именно поэтому ей хотелось быть особенно осторожной — не спугнуть, не сделать хуже.

— Мне жаль.. мне правда очень жаль, Верн, — тихо сказала она, и в этой фразе не было пустых утешений, только искреннее сочувствие.

И тут она заметила каплю, упавшую на его свитер и мгновенно впитавшуюся в ткань. Верн тихо всхлипнул, резко провёл рукавом по глазам, будто стыдясь этой слабости, и только потом поднял взгляд. Его карие глаза были стеклянными от застывших слёз.

— Извини меня, я не хотел..

— Нет-нет-нет, всё хорошо, Верн, всё хорошо, — быстро перебила его Роуи, не давая ему извиняться. Она осторожно положила ладонь ему на макушку и легонько погладила, как успокаивают кого-то, кто долго держался и наконец сломался.

— Всё хорошо. Ты молодец, что рассказал мне. Мне приятно, что ты доверился. Это ничуть не портит настрой, правда.

Договорить она не успела — резкий рингтон разорвал эту хрупкую тишину. Роуи вздрогнула, потянулась к карману, пытаясь нащупать телефон и заглушить этот назойливый звук, который так некстати ворвался в их момент. Верн уже пришёл в себя: он вытер глаза, глубоко вдохнул, вернул руки на руль, завёл машину и плавно тронулся с места. В его движениях снова появилась собранность, но теперь она была другой — не натянутой, а спокойной, будто он наконец сбросил тяжёлый груз, который слишком долго нёс в одиночку.

Наконец Роуи вытащила телефон и поднесла его к уху:

— Да, алло.

— Роуи, тебя где носит? Мы же договаривались в три встретиться, — в трубке прозвучал звонкий, нетерпеливый голос Асахи.

— А, Асахи, это ты.. Мы.. мы скоро будем. Просто в больнице задержали, — Роуи быстро придумала оправдание, чувствуя, как внутри всё сжимается от этой резкой, деловой интонации.

— Двадцать минут, — тихо шепнул Верн, не отрывая взгляда от дороги.

— Двадцать минут, и я буду на месте, — повторила Роуи в трубку.

— Как обычно, Роуи: время идёт, а ты не меняешься. Ладно, ждём тебя, — проговорила Асахи с лёгкой ноткой претензии и сбросила вызов.

«Она точно была мне подругой?», — пронеслось в голове у Роуи. Даже по короткому разговору чувствовалась эта нетерпеливая, резкая энергия Асахи — будто она не любила медлить, не терпела неопределённости. Для Роуи, которая только-только училась снова чувствовать свой темп, такая прямота казалась почти пугающей.

Остаток пути они ехали в тишине, которую лишь изредка разбавляла тихая музыка из радио. Каждый ушёл в свои мысли. Роуи прокручивала в голове возможные разговоры с коллегами: что спросить, что рассказать, как не выдать, что

она всё ещё собирает себя по кусочкам.

А Верн вспоминал один из их разговоров с Рэйчел. У него были только одни, не слишком удачные отношения, и Рэйчел всегда вытаскивала его из ямы самокопания, возвращая к реальности. Однажды она сказала ему с лёгкой усмешкой: «Дурак, ты совсем не разбираешься в девушках. Давай в следующий раз ты выберешь себе достойную».

Вспомнив эту фразу, Верн невольно покосился на Роуи. Она смотрела в окно, наблюдая, как город медленно проплывает мимо, будто пыталась запомнить каждую деталь, чтобы потом, если снова всё исчезнет, иметь хотя бы эти образы.

«Наверное, тебе бы понравилась Роуи», — тихо подумал он.

Ещё пара минут - машина остановилась у небольшого магазина одежды, и почти сразу к ней подошли Асахи и Иро. Верн опустил стекло, но не успел и слова сказать — Асахи тут же выпалила, не скрывая своего напора:

— Мм, классная тачка. Вкус у тебя есть, — она протянула руку, будто закрепляя знакомство одним уверенным жестом. — Асахи Камия.

— Вернон Халл. Спасибо, — спокойно ответил парень, отвечая на рукопожатие.

Из-за спины сестры выглянул Иро — парень лет девятнадцати-двадцати, с той самой тихой улыбкой, которая у него всегда выходила чуть застенчивой. Он помахал рукой:

— Иро. Приятно познакомиться.

— Верн, — кивнул тот, пытаясь разглядеть за Асахи парнишку.

Асахи, не давая никому перевести дух, наклонилась ближе к окну и, скользнув взглядом по кузову, бросила:

— Чисайко, смог бы раскрасить эту крошку? А то она совсем скучная. Чуть шагнув в сторону, давая брату пройти, для самостоятельной оценки.

Иро послушно шагнул вперёд, склонил голову набок, будто разглядывал не машину, а эскиз, и тихо произнёс:

— Ну.. в теории что-то можно было придумать.

Роуи, сидевшая на пассажирском сиденье, наконец попыталась вернуть себе хоть немного внимания. Она высунулась в окно и помахала рукой, стараясь вложить в этот жест и радость, и неловкость разом:

— Привет, ребята!

— О, Роуи, — чуть запнулся Иро, будто имя прозвучало неожиданно, но приятно.

— Да, привет, — добавила Асахи, снова отодвигая брата чуть в сторону, и заглянула в салон, словно проверяя, всё ли на месте. — Ну наконец-то ты ожила. Я думала, ты за эти две недели куда-нибудь сбежала.

В её словах было столько облегчения, что оно почти перекрывало привычную резкость. Роуи улыбнулась, стараясь, чтобы улыбка не выглядела натянутой:

— Да и я тебя очень рада видеть.

— Так сегодня вечером снова заезд. Тебя не было две

недели — люди соскучились по своей любимой пит-герл.

Верн резко повернул голову к Роуи. На его лице читалось неподдельное удивление, почти шок. Да и сама Роуи выглядела так, будто земля под ногами вдруг качнулась.

Асахи заметила их реакцию и, слегка нахмурившись, повторила, будто пыталась вернуть всё на свои места:

— Ты уже забыла, Руи? Ночные тусовки, заезды по воскресеньям. Мне нужна моя девчонка, которая будет вести обратный отсчёт от начала гонки.

— Ночные гонки? — переспросил Верн, словно пытался уложить это слово рядом со всем тем, что он знал о Роуи.

— Ну типо того. Если хочешь, можешь подъехать тоже — как раз познакомимся поближе. Но тебя, Роуи, я должна сегодня видеть. Всё, давай выходи — мне неудобно так через него с тобой разговаривать.

Где-то позади, почти не участвуя в разговоре, стоял Иро и рассматривал всё вокруг с тем самым отстранённым вниманием, будто мир для него состоял из линий, теней и оттенков, а не из слов.

— Всё, всё хорошо, — Роуи всё ещё была в лёгком ступоре, но заставила себя выйти из машины. Обогнув её, она наклонилась к тому же окну, где ещё недавно облокотилась японка, и тихо сказала: — Ладно, я пойду разберусь со всем. Напишу, как освобожусь.

— Хорошо. Будь аккуратна, Роуи. Эй, Асахи, — Верн чуть высунулся из окна, поймав её взгляд.

— А? Что?

— Насчёт ночного мероприятия.. Если уговоришь её, — он кивнул в сторону Роуи, — то напишите мне. Я тоже заскочу.

Роуи на секунду замерла. Тот самый Верн, который на протяжении последних двух недель наотрез отказывался ходить с ней и Бетти в клубы и вообще на любые шумные тусовки, теперь сам предлагал приехать на сходку гонщиков. В этом было что-то новое — будто внутри него щёлкнуло какое-то решение.

— Ок, договорились. До вечера, — коротко бросила Асахи.

— До вечера, — кивнул Верн, поднял стекло и плавно тронулся с места. Машина покатилась по улице и вскоре скрылась за ближайшим поворотом.

Роуи ещё немного постояла, глядя вслед удаляющейся машине. В голове у неё всё ещё звучал их недавний разговор: про Рэйчел, про чувство вины, про то, как тяжело нести в себе чужую потерю. И вот теперь он сам захотел быть там, среди шума и света, рядом с ней. Она отложила эти мысли на потом — сейчас нужно было просто стоять на твёрдой земле и смотреть на людей, которые называли себя её друзьями.

Обернувшись, она увидела, как Иро сделал первый шаг вперёд.

— Привет ещё раз, — он раскрыл руки и обнял её неожиданно тепло, без лишних слов. Роуи не сразу поняла, что

нужно ответить тем же, но потом всё-таки положила руки ему на спину. От него пахло чем-то свежим, почти ледяным, и в этом запахе отчётливо чувствовалась вишня — будто он только что прошёл сквозь сад, где ягоды уже налились соком.

Опустив её, Иро снова отступил на полшага, будто специально освобождая место для Асахи. И тут впервые за всё время их встречи взгляд Асахи из резкого и собранного чуть смягчился. Она выдохнула, будто сбрасывая броню, и тихо, но очень искренне проговорила:

— Руи... Как же я по тебе скучала.

И тут же обхватила её в крепких объятиях, даже чуть приподняв над землёй. Роуи от неожиданности тихо взвизгнула:

— Ну всё, всё, опусти меня на землю. Я тоже рада тебя видеть.

Асахи послушно поставила её на асфальт, отступила на пару шагов и, не теряя времени, тут же перешла к делу:

— Нам на работе сказали, у тебя больничный. Что случилось? Простыла?

Роуи почувствовала, как внутри всё сжалось. Этот простой вопрос вдруг оказался самым тяжёлым. Она нервно сцепила пальцы, будто пытаясь удержать равновесие, и быстро, рублеными фразами выговорила:

— Не совсем. Я попала в аварию. А потом после неё.. потеряла память.

Асахи чуть отшатнулась, будто от удара. Иро тут же подвинулся ближе и осторожно положил руку ей на плечо:

— Память? Ты ничего не помнишь, Роуи?

— Нет. Нет, не всё. За эти две недели больничного я кое-что вспомнила. Точнее, мне Бетти напомнила. Что-то я сама вспоминала по ходу дела.

— А нас? Нас ты помнишь? — не удержавшись, перебила её Асахи. В её голосе уже не было резкости — только страх, что самое важное могло исчезнуть.

— Если честно, ребята.. — Роуи опустила глаза, будто боялась увидеть в их лицах то, чего не сможет вынести. — Я будто вас впервые вижу.

На секунду воздух вокруг них будто застыл. В глазах Асахи и Иро проступил шок, который тут же начал перерастать в отрицание, в попытку понять, как такое вообще возможно.

Иро, сам того не осознавая, чуть сильнее сжал её плечо, и Роуи невольно дёрнулась.

— Ой, прости, я не хотел. Это просто.. само вышло, — он тут же убрал руку, будто испугался, что причинил ей боль.

— Так, то есть ты вообще ничего с нами не помнишь? Ни меня, ни Иро? — Асахи уже говорила не вопросом, а почти приказом, будто хотела силой вернуть прошлое на место. В её голове явно начинался складываться какой-то план: «напомним, покажем, заставим вспомнить».

— Нет, пока нет. Но надеюсь.. Надеюсь, что, проводя с вами время, я постепенно вспомню хоть какую-то часть. С Бетти это так сработало, — тихо добавила Роуи, словно пыталась не разрушить эту хрупкую надежду.

— Понятно, — тихо и чуть с досадой протянул Иро, будто ему было обидно не за себя, а за то, что их общие моменты стали для неё пустым местом.

— Так, окей. Ничего, мы тебе всё напомним. Раз ты даже про уличные сходки не помнишь, значит, сегодня ты просто обязана поехать с нами, — Асахи не стала ждать ответа. Она решительно взяла Роуи за руку и повела в сторону магазина, возле которого они всё это время стояли. Иро молча пошёл рядом, время от времени бросая на Роуи короткие взгляды, будто пытался заново запомнить каждую деталь её лица, чтобы потом, если снова что-то исчезнет, у него осталось хоть это.

Не успели они зайти в магазин, как Асахи тут же метнулась к вешалкам за прилавком — будто ей нужно было срочно найти не просто вещь, а ключ к тому, как вернуть прежнюю Роуи. Её движения были резкими, но точными: она хватала, отбрасывала, снова тянулась к чему-то, пока не застыла над одной из полок, будто наконец увидела то, что искала.

Роуи и Иро шли медленнее, почти вальяжно, будто спешка была им чужда. Они свернули к секции с обувью. Иро смотрел на каждую пару с такой сосредоточенностью, словно в узоре подошвы или в изгибе каблука пряталась разгадка какой-то важной тайны.

— Прости за вопрос, а что мы вообще ищем? — тихо спросила Роуи, чувствуя себя немного не в своей тарелке.

Иро взял в руки очередную пару каблуков, повертел, буд-

то оценивая не только фасон, но и саму идею этой обуви, и только потом ответил:

— Мы? ну, мы решили собраться на ночную сходку. Точнее, тебя. Наши наряды уже лежат в машине. Асахи очень скучала по тебе и по тому, как ты вела обратный отсчёт на гонках. Поэтому всё получилось так хаотично. Ты ведь вообще не вспоминаешь эти заезды, да?

— Я? — Роуи нахмурилась, стараясь выцепить из памяти хоть какой-то обрывок: шум моторов, запах бензина, толпу у стартовой линии, свой голос в микрофоне. Но в голове была всё та же привычная тишина — ровная, глухая, будто кто-то выключил звук.

Иро заметил, как она напряжённо морщит лоб, как будто пытается силой заставить мозг вспомнить. И в этот момент он окончательно понял: она действительно ничего не помнит. Ни его, ни Асахи, ни их общих вечеров. В какой-то степени это его даже облегчило. То, что было между ними летом, и особенно последствия тех дней, ему не хотелось ворошить.

Проходя мимо очередного ряда с обувью, Роуи тихо бросила ему в спину:

— Нет, прости, Иро, ничего не могу сейчас вспомнить. Наверное, мне нужно больше времени.

— Да я уже понял. Ничего страшного. Слушай, а как вообще ты попала в аварию? Ты же не водишь машину.

Он так и не повернулся к ней, будто ему было проще го-

ворить, глядя на ряды туфель, а не в её глаза.

— Честно, сама не понимаю. Как вообще села за руль?.. Я не помню, как села. Помню, как ехала, а потом — будто кто-то дёрнул руль, и всё пошло наперекосяк. Дальше — больница.

Её голос звучал спокойнее, чем она сама себя чувствовала. Будто, рассказывая это вслух, она пыталась придать событию хоть какую-то логику.

— Стоп, — Иро резко замер между прилавками и развернулся к ней. — А Тру? Он как? Он куда вообще смотрел?

Роуи не ожидала услышать это имя и от него. Казалось, что каждый, кто хоть раз пересекался с ней, знал Тру — и теперь она чувствовала себя так, будто все вокруг читали одну и ту же книгу, а ей досталась только обложка.

— Тру... Я не могу сказать, что случилось. Но он так и не появился снова в моей жизни. За две недели ни разу не пришёл домой, не забрал вещи, не вышел на связь. Будто просто молча ушёл.

Последние слова отозвались внутри неё лёгкой дрожью, будто по коже пробежал холодный ток. Вспоминать Тру было всё ещё больно — не острой, а тупой, тянущей болью, которая не давала забыть.

— То есть после аварии вы с Тру не разговаривали? — уточнил Иро.

— Нет. А ты знаешь, где он? Ты его видел? — в голосе Роуи вдруг вспыхнула надежда — тонкая, хрупкая, как язы-

чок пламени на ветру.

— Я? Нет. Мы с Асахи с ним почти не общались. Один раз ты его притащила на гонку, и больше он не появлялся в нашем кругу. Он у тебя был не особо общительным, — в его голосе проскользнуло лёгкое презрение, будто он до сих пор не мог понять, что она в нём нашла.

Роуи хотела ещё что-то спросить, но их прервал голос Асахи с другого конца магазина:

— Я нашла! Идеально просто! Ребята, сюда!

Роуи и Иро быстро вернулись туда, где разошлись с Асахи. В руках у девушки были жёлтая кофточка и укороченная юбка — яркие, дерзкие, будто созданные для того, чтобы выделяться в свете прожекторов у стартовой линии.

Роуи посмотрела на вещи с лёгким недоумением:

— Это мне?

— Ну да. Раз ничего не помнишь, оденешься под меня. Под мою малышку, — Асахи имела в виду свою машину, но сказала это так, будто речь шла о чём-то большем: о стиле, о духе, о той самой Роуи, которую она знала.

— Иди померь, — она чуть подтолкнула Роуи к примерочной, почти затолкав её за шторку. — Давай-давай, Руи, переодевайся. Это будет идеально.

— Ладно, ладно, сейчас, — пробормотала Роуи и скрылась за тканью.

Через пару мгновений она отдёрнула шторку и вышла в том, что выбрала Асахи. И тут же заметила в руках Иро

большие розовые туфли на платформе — с лентами, которые нужно было завязывать вокруг щиколоток.

— На, надень под это, — он протянул их ей.

Роуи осторожно села на пуфик и просунула ноги в туфли. Она немного растерялась, не понимая, как правильно затянуть ленты, чтобы они не сползали и не давили. Иро без слов опустил на колено перед ней. Он не смотрел ей в глаза — будто боялся спугнуть этот момент, — и, приподняв её ногу, начал нежно, с особым трепетом завязывать ленты. В его движениях была такая сосредоточенность, будто от того, насколько ровно ляжет узел, зависело что-то важное.

Роуи одновременно чувствовала неловкость и странную благодарность. За эту заботу, за то, что он не задавал уточняющего разрешение на взаимодействие, не пытался заполнить тишину пустыми словами.

Закончив, Иро молча поднялся и отошёл к сестре.

— Так, а теперь встань, — быстро проговорила Асахи.

Роуи послушно встала. На такой высоте она чувствовала себя немного неуверенно — будто мир вдруг стал чуть дальше, а она — чуть уязвимее.

Брат и сестра переглянулись, будто искали друг в друге подтверждение: правильно ли они всё сделали.

— Так.. что-то не так, — проговорила Асахи, обходя Роуи кругом и рассматривая её со всех сторон.

— Так-так, а если мы сделаем вот так, — она подошла к Роуи сзади, взяла её длинные волосы и начала ловко со-

бирать их в высокий хвост, делая его чуть небрежным, но стильным. Роуи стояла неподвижно, словно маленькая девочка, которую мама собирает в школу. На затылке стало туго, но не больно — Асахи знала, как сделать так, чтобы и красиво, и удобно.

Спустя ещё пару движений Асахи вернулась в поле зрения Роуи и встала рядом с Иро. Они снова переглянулись — и на этот раз в их взглядах читалось одобрение.

— Вау. Вот теперь она точно вау, — вслух проговорил Иро.

— Да, согласна. В очередной раз сделали из неё модель номер один, — кивнула Асахи, и в её голосе прозвучала гордость, будто это она лично создала эту версию Роуи.

Роуи слегка покраснела, слыша их комплименты. Она не привыкла к такому вниманию, но в нём было до боли что-то родное, будто брат и сестра искреннее желали вернуть её в ту жизнь, которую она когда-то любила.

Не дожидаясь разрешения, она подошла к ближайшему зеркалу. И замерла.

В отражении стояла девушка, которую она едва узнавала. Жёлтая кофточка мягко подчёркивала её силуэт, а укороченная юбка добавляла образу дерзости. Розовые туфли на платформе с лентами выглядели эффектно и немного вызывающе — как будто она готовилась не просто к вечеринке, а к выходу на сцену. Волосы, собранные в высокий хвост, открывали лицо, делая взгляд более выразительным. На шее

поблескивала тонкая цепочка, а в ушах — маленькие серьги, которые она даже не заметила, как надела.

Роуи медленно повернула голову, рассматривая себя с разных сторон. Это была она — и в то же время не совсем она. Будто кто-то взял её черты и собрал из них новый, более яркий вариант.

— Ну что, нравится? — спросила Асахи, подходя ближе и смотря на отражение в зеркале.

Роуи улыбнулась — впервые за долгое время искренне, без напряжения:

— Да. Это прям хорошо, мне нравится

Роуи глубоко вдохнула, чувствуя, как в груди разгорается что-то новое — не воспоминание, а предвкушение. Она не знала, что ждёт её сегодня вечером, но впервые за долгое время ей хотелось это узнать.

Глава 11

Роуи всё ещё не отрывала взгляда от зеркала, будто пыталась поймать в отражении ту самую девушку, которую все вокруг так хорошо помнили. Она медленно поворачивала голову, рассматривая себя с разных сторон, и в груди понемногу разгоралось странное чувство — не узнавание, а робкое принятие: да, это она, только новая, чуть более яркая, чем раньше.

— Так, уже ближе к вечеру. Пора переодеваться и по машинам, — Асахи бросила взгляд на часы на запястье и тут же направилась к выходу, будто сама мысль о промедлении была ей невыносима.

Иро тоже перевёл взгляд на настенные часы в магазине, будто сверял не время, а своё внутреннее ощущение готовности.

— Стой тут, можешь пока этому... как его... — Асахи щёлкнула пальцами, будто пыталась выцепить имя из воздуха.

— Верн? — немного растерянно уточнила Роуи.

— Да, точно! Это парень на чёрном Лансере. Звони ему, пусть забирает тебя. Поедет с нами, — бросила Асахи уже от двери, не оборачиваясь.

— Стойте, а вещи? А оплатить? — озадаченно крикнула ей вслед Роуи, чувствуя, как привычный порядок вещей сно-

ва ускользает сквозь пальцы.

Асахи уже вышла на улицу и теперь махала рукой, подзывая их скорее. Иро задержался, обернулся к Роуи и спокойно проговорил:

— Это магазин нашей мамы. Нам всё бесплатно. Жди тут, я вернусь.

И он тоже исчез за дверью, оставив Роуи одну среди вешалок и полок, где воздух будто стал гуще от всех этих новых деталей.

Она снова повернулась к зеркалу. Из отражения на неё смотрела будто совсем другая девушка: дерзкая, собранная, готовая к чему-то большому. Пока она ждала возвращения Иро, в голове снова прокручивались мысли о том, насколько разными были брат и сестра. Асахи — энергичная, резкая, рубила с плеча, не тратя слов впустую. Иро, напротив, был сдержанным, спокойным, будто специально сглаживал все острые углы, которые неизбежно появлялись рядом с сестрой. В тандеме они смотрелись как идеально подогнанный механизм — каждый на своём месте, каждый дополняет другого.

Снова звякнул колокольчик над дверью, возвращая Роуи в реальность.

— Я сейчас быстро переоденусь, и пойдём, — проговорил Иро, проходя мимо с небольшой сумкой в руке и направляясь к примерочной.

— Ты уже написала своему знакомому? — донёсся его го-

лос уже из-за шторы, будто он и не сомневался, что Роуи его услышит.

— А, да... Сейчас напишу, — она озадаченно начала искать телефон и вдруг поняла, что оставила его в примерочной — там, где сейчас, судя по звукам, возился с одеждой Иро.

Подойдя к шторке, Роуи тихо, почти шёпотом, проговорила:

— Иро, я там телефон оставила. Он под моими вещами. Не достанешь?

В ответ — только чуть более громкие звуки перебирания вещей. Спустя пару неловких секунд из-за шторы показалась рука с телефоном. Роуи тут же схватила его, будто боялась, что он снова исчезнет.

Она быстро написала Верну, что они закончили и что её пора забирать. Вернон, будто и правда ждал этого сообщения, тут же прочитал, уточнил, где она находится, и ответил, что будет у магазина минут через десять. Роуи чуть выдохнула. Хоть кто-то из близкого круга будет рядом. К своему сожалению, она понимала, что пока Иро и Асахи не стали для неё по-настоящему близкими людьми. Она чувствовала, что её прошлая версия до потери памяти была для них кем-то важным, но сейчас эти связи нужно было выстраивать заново — кирпичик за кирпичиком.

Спустя ещё немного времени из примерочной вышел Иро. И Роуи не сразу узнала его: перед ней стоял совсем другой

парень. На нём был чёрный жилет без рукавов поверх простой чёрной футболки, массивная цепь с выразительным кулоном, свободные тёмно-серые брюки с накладными карманами и белыми полосами по бокам, а на руках — чёрные перчатки без пальцев. Причёска была уложена дерзко, с торчащими прядями и светлой полосой, подчёркивающей стиль. Образ был дерзким, собранным, будто он готовился не к обычной прогулке, а к выходу на сцену.

Роуи на секунду замерла. Было ясно: эти ночные гонки для них — не просто развлечение. Это часть их жизни, их мира, в который ей только предстояло вписаться.

Подойдя к Роуи, Иро развернулся к зеркалу и, будто проверяя, всё ли на месте, тихо проговорил:

— Теперь я достойно выгляжу рядом с тобой.

Роуи тоже посмотрела на их отражение. И действительно: вдвоём, в этих уличных образах, они смотрелись до странности органично, будто всегда должны были стоять вот так — рядом.

— Фотку? — Иро достал телефон из кармана и покрутил им перед Роуи.

— Фотку? Ой... — Роуи вдруг осознала, что за последние две недели она почти забыла о существовании фотографий, о том, как люди ловят мгновения и хранят их.

— Я и забыла, что они вообще существуют, — рассмеялась она, снова поворачиваясь к зеркалу.

Иро шутливо поставил ей «рожки» пальцами над головой

и, зажав кнопку, сделал пару снимков. Роуи буквально разучилась позировать: она не знала, куда деть руки, как поставить голову, и в итоге просто старалась улыбаться искренне, без прикрас.

Иро чуть отвернулся, просматривая получившиеся кадры.

— Ну как? — нервно спросила Роуи. Для неё эти фотографии были особенными — первыми после аварии, первыми шагами в новую версию своей жизни.

— Отлично. Хорошо. Да мы с тобой просто боги на них, — прокручивая снимки, проговорил Иро с лёгкой улыбкой.

— Я тебе потом скину. А, я смотрю, у тебя новый телефон? — неожиданно спросил он.

Роуи на секунду растерялась, потом посмотрела на телефон в своих руках, будто видела его впервые.

— Ой, ну да. Мой после аварии окончательно сломался.

— Эх... То есть все наши фотки исчезли, — в его голосе прозвучала лёгкая досада, будто вместе с фотографиями пропала какая-то важная часть прошлого.

— Ну ничего. Новые сделаем. Можно телефон? — осторожно попросила Иро.

— А, да, конечно, — она немного растерянно протянула ему свой телефон.

Иро поднял телефон чуть выше над головой и начал корчить разные рожицы, параллельно делая несколько снимков. Потом поманил Роуи рукой, приглашая присоединиться к

этой мини-фотосессии.

Роуи подошла ближе. Иро положил ей руку на плечо — легко, по-дружески.

— Просто расслабься, — тихо сказал он.

И они оба посмотрели в объектив, пока Иро делал их общее селфи. Роуи, находясь так близко к парню, снова уловила его ледяной вишнёвый аромат — тот самый, который уже стал для неё чем-то знакомым. По коже пробежали мурашки, но не от холода, а от странного, притягательного ощущения: будто рядом с ним мир становился чуть понятнее.

Резкий звук автомобильного сигнала неприятно ворвался в этот момент, выдергивая их из лёгкой непринуждённости. Сигнал повторился ещё раз, настойчивый и требовательный.

— Да идём, идём! — с лёгким раздражением проговорил Иро. Он быстро зашёл обратно в примерочную, собрал оставшиеся вещи, и вместе с Роуи они направились к выходу.

Выйдя из магазина, Роуи замерла на секунду, не в силах отвести взгляд от небольшого японского спорткара, что стоял прямо перед ней. Это был Nissan 350Z насыщенного жёлтого цвета — яркий, дерзкий, будто сотканный из неоновых огней ночного города. На капоте и боковинах виднелись наклейки с логотипами тюнинг-ателье, а низкий клиренс и расширенные арки подчёркивали его хищные очертания. Машина словно жила своей жизнью — пульсировала энергией, манила сорваться с места и раствориться в потоке огней.

За рулём уже сидела Асахи. Из-за окна не было видно её

целиком, но даже по тому, как она уверенно держала руль, как чуть наклонила голову, смотрясь в зеркало заднего вида говорило: сейчас на ней не простая толстовка, а что-то куда более выразительное — такое, что идеально вписывалось в этот образ «королевы трассы».

За спиной у Роуи Иро возился с ключами, запирая магазин. Наконец, закончив с замками, он подошёл к машине, распахнул дверь, закинул на заднее сиденье сумку и уселся на пассажирское место рядом с сестрой.

Роуи подошла чуть ближе к окну, стараясь не выглядеть отстранённой, будто пыталась уловить хоть крупицу той уверенности, что так естественно струилась от брата и сестры.

Иро открыл бардачок, вытащил оттуда жвачку и леденец в форме сердца, развернулся к Роуи:

— Будешь что-нибудь?

Роуи покачала головой:

— Нет, не хочу, спасибо.

Иро пожал плечами и протянул жвачку Асахи. Та тут же закинула её в рот, и по её лицу скользнула довольная улыбка — персиковый вкус явно пришёлся ей по душе. Иро тем временем развернул обёртку леденца и целиком отправил его в рот. Со стороны эта пара в яркой машине выглядела до странности гармонично: Асахи с её энергичным чавканьем за рулём своей «малышки», Иро с ироничным видом, лизавший леденец-сердечко, будто подшучивая над самой идеей романтики.

Асахи щёлкнула кнопкой на приборной панели, и из динамиков полилась динамичная японская песня — быстрый ритм, энергичные голоса, незнакомые слова, которые, казалось, несли в себе целую историю. Было видно, что, живя в Буффало, в самом сердце штата Нью-Йорка, эти двое не забывали о своих корнях и старались пронести частичку Японии сквозь шум и суету чужого города.

Плавно, но уверенно позади машины Асахи остановился знакомый чёрный седан Вернона. Роуи уже хотела было направиться к нему, но голос Асахи из приоткрытого окна спорткара остановил её:

— Скажи ему ехать за нами!

Из-за музыки Роуи не расслышала и вернулась к окну:

— Что, я не расслышала?

— За нами езжайте, говорю! — громче повторила Асахи и подмигнула, будто в этом простом жесте заключалось целое приглашение в их мир.

Роуи кивнула в знак согласия и пошла к чёрной машине, чувствуя, как внутри всё слегка дрожит от предвкушения.

Сев в салон, она поздоровалась, но вместо привычного «привет» встретила лишь молчание и удивлённый взгляд Вернона — в нём смешались восхищение и лёгкое замешательство.

— Привет, Верн, что-то не так? — повторила Роуи, чуть нахмурившись, но тут же поняла: это её новый образ так сбил его с толку. За это короткое время она и сама успела

привыкнуть к своему отражению, к этой дерзкой версии себя, а для других перемена всё ещё была слишком яркой.

— Нет, всё очень хорошо... Привет, Роуи, — проговорил Верн чуть замедленно, его взгляд скользил по её образу — от короткой юбки до открытых плеч, по причёске, что подчёркивала дерзкие линии её лица. Он будто пытался запомнить каждую деталь, словно боялся, что этот образ растает, как утренний туман.

— Выглядишь просто...

— Просто как? — чуть игриво подхватила Роуи, ловя это настроение, позволяя ему кружиться вокруг неё, как тёплый ветер перед грозой.

— Просто крышесносно, Роуи. Я даже не знаю, как это комментировать. Почему ты так дома не ходишь? — Вернон всё ещё не мог отвести от неё глаз, в его голосе звучала искренность, лишённая всякого подтекста.

— А потому что дома мы не устраиваем тусовки, — рассмеелась Роуи, чувствуя, как напряжение понемногу уходит, уступая место лёгкости. — Красавчик, смотри на дорогу. Асахи уже поехала.

Она ткнула пальцем в сторону жёлтого спорткара, который плавно набирал скорость, растворяясь в вечерних огнях.

— А что? — Вернон будто вынырнул из своих мыслей, на секунду потерявшись в моменте.

— За той жёлтенькой машинкой езжай, говорю. Ещё успеешь насмотреться, — с лёгкой улыбкой добавила Роуи, в её

словах не было ни капли обиды — только дружеская подначка, приглашение разделить с ней эту ночь.

— А, да, хорошо, — Вернон наконец полностью вернулся в реальность, перевёл взгляд на дорогу и плавно тронулся с места, следуя за ярким жёлтым силуэтом, что вёл их вперёд, в самую гущу городской ночи.

Смотря на город, который уже окончательно погрузился в сумерки, Роуи почти не замечала привычных огней и витрин — её взгляд был прикован к силуэту жёлтой машины впереди. Яркие красные фары напоминали дикие глаза зверя, высматривающего путь сквозь тьму, и в этом мерцании было что-то гипнотизирующее. И вдруг, будто внутри щёлкнуло невидимое реле, реальность дрогнула, и Роуи провалилась в прошлое.

Дождь. Темнота. Она снова сидела на пассажирском сиденье, только машина была другой — не такой резкой, не такой дерзкой, а просто уставшей от ночных дорог. Рядом за рулём — Тру. Он вёл машину молча, не отрывая взгляда от дороги, будто весь мир сузился до одной полосы асфальта, уходящей в рассвет. Они возвращались с очередной тусовки, и небо уже серело, обещая скорый день.

— Напомни мне больше не соглашаться на такие мероприятия, — пробормотал Тру чуть слышно, скорее себе, чем ей.

— Ой, знаешь, тебя никто не просил лезть в драку, — ответила Роуи с ядом в интонации. Она даже не повернулась к

нему, продолжая смотреть в окно, по стеклу которого стекали тяжёлые капли. В каждом их ударе слышалась её обида.

Тру не стал продолжать бессмысленный спор. Но Роуи чувствовала, как внутри всё сжимается от злости и горечи. Она впервые за последние месяцы решила вывести его в свою компанию, хотела показать, что они — единое целое, а он в итоге, как ей казалось, просто опозорил её. Иро, драка, нелепые оправдания, которых не было. Всё это кружилось в голове, как осколки разбитого зеркала.

Тру никогда не любил быть в компании. Даже Бетти он терпел через силу, будто только Роуи было позволено находиться рядом с ним. Она не понимала этой черты: «Да, он интроверт, но не настолько же. Действительно, не буду больше его никуда звать», — проскользнула горькая мысль.

Резкий шум дождя и дороги заставил Роуи обернуться. Тру опустил стекло и закурил. В последнее время запах сигарет начал её раздражать — странно, ведь пять лет она не обращала на это внимания, а теперь каждая затяжка будто царапала изнутри.

— Можешь, пожалуйста, не курить в машине, — сказала она, не скрывая брезгливости.

Но Тру будто не слышал. Он молча делал очередную затяжку, ведя машину по пустому шоссе.

Почувствовав полное игнорирование своего существования, Роуи развернулась к нему и повторила уже тише, но твёрже:

— Францис, пожалуйста, перестань.

Эти слова прозвучали как пощёчина. Роуи почти никогда не называла его по имени — она знала, как сильно ему это не нравится. И он знал, что она сделала это специально, чтобы задеть.

Тру будто окатили ледяной водой. Он, даже не потушив сигарету, бросил её в окно и резко закрыл стекло. В салоне снова повисла грозовая тишина, нарушаемая только ударами дождя по металлу.

— Спасибо, — тихо проговорила Роуи.

— Что с тобой не так? — резко бросил Тру, не отрывая взгляда от дороги.

— Со мной что не так? Это ты без объяснения полез с кулаками на Иро. Что он тебе сделал? — она уже не сдерживала злость, голос дрожал от обиды.

— Во-первых, не ори. Во-вторых, не хочу об этом говорить, — тихо, но жёстко ответил он.

— Я не ору. Пока что... — её голос дрогнул, переходя в обиду.

— Это что с тобой не так? Я хотя бы не скрываюсь от людей в своей комнате и не лезу на всех с предъявой, — продолжала она, будто надеялась, что эти слова смогут что-то изменить, пробить эту стену между ними.

— Роуи... — медленно произнёс он, словно пытаясь подобрать слова.

— Ну что «Роуи»? Что «Роуи»? — она уже была на гра-

ни истерики, последние события накатывали волной, смывая остатки самообладания.

— Ты начинаешь себя вести как твой отец, — произнёс Тру с пугающим спокойствием, в котором слышалось разочарование.

Роуи замерла. Эти слова ударили точно в цель — одновременно по разуму и по сердцу.

— Что за чушь несёшь..— прошептала она, не зная, что ещё сказать.

— Как только ты нашла дневники бабушки в гостевом доме и узнала о своей семье, в тебе будто что-то подменили. Я не узнаю ту куколку, что когда-то обещала быть всегда рядом.

Роуи не могла найти слов. Эти фразы обрушились на неё, как холодный ливень, смывая все привычные опоры. Она будто выпала из мира, потеряв ощущение времени и пространства. Но не успела она собраться с мыслями, как раздался резкий звук тормозов. Её бросило вперёд, но ремень удержал, не дав удариться головой о бардачок.

И тут же реальность вернулась. Снова сумерки. Рядом — Верн. А тот дождь, тот разговор с Тру — будто и не было ничего. Только эхо слов продолжало звучать в голове.

«Семья... Бабушкины дневники... В гостевом доме...» — эти обрывки вспыхнули в сознании, как яркие искры. Впервые за две недели в Роуи что-то щёлкнуло — не просто воспоминание, а настоящая зацепка. Она вспомнила: бабушка

хранила что-то в гостевом доме, что-то, что могло пролить свет на её прошлое. Роуи крепко ухватила за эту мысль. Завтра, сразу после работы, она пойдёт туда. За две недели она ни разу не заглянула в гостевой домик, будто его и не существовало. Но теперь в груди разгоралась надежда — возможно, там она найдёт хоть что-то, что поможет собрать себя по кусочкам.

Тем временем Верн выехал на то самое шоссе, по которому она когда-то ехала с Тру под дождём. Роуи вспомнила, как была зла на Тру из-за драки с Иро. Но она до сих пор не могла представить, что могло между ними произойти, чтобы дошло до кулаков. Теперь, по крайней мере, она понимала, почему Иро так относится к Тру — в его взгляде всегда сквозила затаённая неприязнь, словно старая рана, которая никак не заживала.

Резкий свет фар справа и громкие басы музыки вырвали Роуи из воспоминаний. Они уже подъезжали к месту сходимки. Яркие огни, силуэты машин, гул голосов — всё это манило, обещало забыть хоть на вечер о загадках прошлого.

Роуи глубоко вздохнула, прогоняя остатки тяжёлых мыслей. Сегодня она приехала не для того, чтобы копаться в себе. Сегодня она хотела просто быть — чувствовать ритм ночи, ловить взгляды, смеяться без оглядки. Все воспоминания, все расследования и поиски ответов она отложит до завтра. А сейчас.. сейчас она просто хотела отдохнуть по полной.

Заехав на тусовку, Роуи на мгновение замерла, будто мир вокруг вдруг сменил декорации. Атмосфера была такой, словно она шагнула не на обычную ночную сходку за городом, а прямо в кадр культового фильма про уличные гонки — в тот самый момент, когда напряжение в воздухе можно резать ножом, а каждый звук отзывается в груди гулким эхом.

Пространство вокруг напоминало гигантскую арену, выхваченную из темноты лучами прожекторов. Высокие столбы с яркими лампами расчерчивали площадку на световые сектора: где-то царил холодный белый свет, где-то всё тонуло в багрово-красных отсветах, а в центре, у импровизированной сцены, пульсировал розово-фиолетовый неон, окрашивая асфальт и машины в нереальные тона.

Вокруг теснились автомобили — не просто транспорт, а настоящие произведения искусства. Здесь были и заниженные спорткары с агрессивными обвесами, и классические седаны, доведённые до совершенства, и дрифт-кары с каркасами безопасности, выглядывающими сквозь стёкла. На капотах и бамперах — наклейки тюнинг-ателье, логотипы спонсоров, имена пилотов; на некоторых машинах красовались надписи, будто каждая деталь должна была кричать о характере владельца. Фары то вспыхивали, то гасли, словно машины переговаривались между собой на тайном языке света.

Толпа людей растекалась по площадке, собираясь в плотные кружки у любимых авто, перекрикиваясь, смеясь, спо-

ря о лошадях, подвесках и углах заноса. Кто-то размахивал руками, доказывая свою правоту, кто-то снимал на телефон очередной эффектный ракурс, а кто-то просто стоял, впитывая эту энергию, будто боялся пропустить хоть секунду. В воздухе витал густой запах бензина и жжёной резины, смешанный с ароматами уличной еды из фуд-траков и лёгким дымком от сигарет.

Вдалеке, на фоне тёмного силуэта заброшенной промзоны, виднелись полуразрушенные ангары и ржавые контейнеры — они придавали месту особый шарм, подчёркивая его «запретность», будто эта тусовка существовала вне правил и законов, в своём собственном измерении.

Роуи пару секунд просто сидела, жадно вбирая эту атмосферу, позволяя ей проникнуть под кожу. Она ловила каждый звук — гул двигателей, обрывки разговоров, музыку, которая то прорывалась из чьих-то колонок, то растворялась в общем шуме.

Верн тоже застыл рядом, жадно оглядываясь по сторонам, будто его привели в музей мечты, где можно не только смотреть, но и трогать, заводить, гнать на пределе. В его глазах читался восторг, смешанный с благоговением: он словно боялся спугнуть этот момент неосторожным движением.

Остановившись рядом с жёлтым Ниссаном Асахи, они вышли из машины. Асфальт под ногами был тёплым, ещё хранившим дневное тепло, но ночной воздух уже нёс с собой прохладу, от которой по коже бежали мурашки. Роуи глубоко-

ко вдохнула, чувствуя, как внутри разгорается что-то новое — не просто предвкушение, а настоящая жажда скорости, свободы, жизни.

Асахи уже выскочила из спорткара, её силуэт в ярком свете прожекторов казался почти нереальным — дерзким, свободным, будто она сама была частью этой ночи.

В её образе читалась та самая эстетика уличных гонок, где каждая деталь — не случайность, а манифест. На Асахи был джинсовый топ-халтер с россыпью нашивок — они пестрели разными шрифтами и цветами, будто хранили историю каждой тусовки, на которой она побывала. Поверх топа небрежно повязан бордовый галстук — этакая дерзкая отсылка к школьной форме, только вывернутой наизнанку, под стать её бунтарскому нраву. Короткая асимметричная юбка в красно-белую клетку, подчёркивала стремительность её движений: казалось, стоит ей сделать шаг — и ткань взметнётся, словно пламя. Широкий ремень с заклёпками стягивал талию, добавляя силуэту резкости, а высокие бордовые ботинки на шнуровке с массивными пряжками завершали образ — в них чувствовалась готовность в любой момент сорваться с места и уйти в занос.

Её волосы — густые, насыщенного пурпурно-бордового оттенка — волнами струились по плечам, а прямая чёлка чуть прикрывала брови, придавая взгляду загадочную остроту. На лице — узкие солнцезащитные очки в тонкой оправе, которые она, вероятно, и не думала снимать даже с прихо-

дом ночи: в них было что-то от киношной невозмутимости, от той самой уверенности, что не нуждается в доказательствах. Длинные висячие серьги тихо позвякивали при каждом движении, а ногти с тёмным лаком, заострённые, словно маленькие клинки, добавляли её жестам выразительности. В её улыбке таилась лёгкая насмешка, будто весь этот мир с его огнями, машинами и толпой был устроен специально для того, чтобы она могла в нём сиять. Иро неспешно выбрался следом, оглядывая площадку с видом человека, который знает здесь каждый угол, каждую тень.

— Ну что, готовы? — крикнула Асахи, перекрывая гул толпы, и подмигнула, будто бросая им вызов.

Роуи улыбнулась в ответ — впервые за долгое время искренне, без оглядки на прошлое, без страха перед тем, что она чего-то не помнит. Сейчас, среди этих машин, огней и людей, она чувствовала себя на своём месте. Пусть хоть на одну ночь, но она будет просто девушкой, которая приехала на тусовку, чтобы жить на полную.

Глава 12

Идя за Асахи и Иро, Роуи неосознанно взяла Верна за руку — этот жест вышел сам собой, без раздумий, будто ей нужно было просто почувствовать, что рядом есть кто-то надёжный. И в то же время она словно говорила этим прикосновением: «Если что, ты рядом, и этого достаточно».

Пока они пробирались к барной зоне, вокруг кипела жизнь: музыка пульсировала в груди, воздух был густ от смеси запахов — бензина, дыма, сладких духов и жареной еды. Асахи и Иро будто шли сквозь собственный коридор почёта: чуть ли не каждый второй окликал их, хлопал по плечу, выкрикивал приветствия. А следом за ними узнавали и Роуи.

— О-о-о, Роуи, легенда вернулась! — прокричал кто-то из толпы, и вслед за этим по рядам прокатился одобрительный гул, свист, хлопки.

Роуи на секунду замерла, а потом чуть улыбнулась — ей было приятно, даже лестно слышать эти слова. Не потому что она жаждала славы, а потому что это означало: её здесь не забыли. Она всё ещё была своей в этом безумном, ярком мире.

Подняв взгляд на Верна, она заметила, как он всё ещё держится чуть напряжённо, будто каждое движение давалось ему с усилием. Он был здесь чужим — не в плохом смысле, а просто не из этой стихии. Это читалось в том, как он чуть

сильнее обычного сжимал её руку, как держал лицо — ровно, без лишних эмоций, будто боялся выдать, насколько всё это для него непривычно.

— Нервничаешь? — Роуи легонько толкнула его плечом, стараясь разрядить атмосферу.

— Я? Ну, может быть, немного, — признался он, и в его голосе прозвучала та самая искренность, за которую Роуи его ценила.

На фоне её дерзкого образа Верн и правда сильно выделялся: простые джинсы, чёрное худи, никаких лишних деталей. Но в этом была своя прелесть — он не пытался казаться кем-то другим, не гнался за внешним блеском.

Дойдя до барной стойки, Асахи ловко схватила два стакана и развернулась к ребятам, протягивая их с той самой хитрой улыбкой, которая всегда означала: «Сейчас будет весело».

— Это алкоголь? — спросил Верн, чуть нахмурившись, прежде чем взять стакан.

Роуи, не раздумывая, уже приняла свой — доверие к Асахи было безусловным.

— Ну, типа того, — хитро улыбнулась японка, подмигнув парню.

— Нет, спасибо, я не пью. К тому же я за рулём, — уверенно отказался Верн, и в этом отказе не было ни капли высокомерия — просто твёрдое «я знаю свои границы».

- Справедливо

Сказала Асахи, принимая отказ Верна.

Тем временем Роуи уже осушила стакан чуть ли не одним глотком. Она знала, что ей сейчас нужно чуть больше уверенности, и пара глотков не помешают.

Верн удивлённо приподнял брови, глядя на неё

- Воу-воу... Узнаю старую добрую Руи. Придётся за гостя тоже выпить, — рассмеялась Асахи, тут же подливая ещё в пустой стакан Роуи.

Роуи лишь неловко хихикнула и снова опрокинула содержимое в себя. Второй стакан уже ощутимо ударил в голову — не сильно, но достаточно, чтобы мысли стали чуть легче, движения — свободнее, а окружающий шум перестал давить.

Где-то на фоне из громкоговорителя раздался голос, перекрывая музыку:

— Объявляем заезды один на один! Сегодня все обязаны быть на стартовой площадке — ведь вернулась легенда Роуи!

Асахи, едва услышав эти слова, тут же повернулась к подруге, схватила её за руку и, не дожидаясь ответа, воскликнула:

— Ну всё, Руи, пришло время возвращать тебя! Погнали!

И она рванула вперёд, увлекая за собой Роуи обратно к своему жёлтому спорткару.

Иро и Верн остались у барной стойки, на секунду застыв в лёгком замешательстве.

— Ну, пойдём на стартовую линию, — спокойно, почти

равнодушно проговорил Иро, будто всё происходящее было для него обыденностью.

Верн молча кивнул и последовал за ним. Так они и разделились на две группы: одна — в вихре эмоций и скорости, другая — в спокойном принятии происходящего.

Роуи и Асахи стремительно продвигались к машине, будто их влекла вперёд сама энергия этой ночи. Асахи по-прежнему крепко держала Роуи за руку, протаскивая её сквозь плотную толпу, и темп она взяла такой, что у Роуи едва хватало сил не потерять равновесие на этих громоздких розовых туфлях, которые ей подобрал Иро. Девушка старалась сосредоточиться на том, чтобы не споткнуться, не упасть, не потерять ту самую искру, что уже начинала разгораться внутри.

Добежав до спорткара, Асахи молниеносно скользнула за руль и жестом позвала Роуи садиться рядом. Роуи, всё ещё не до конца понимая, что от неё сейчас требуется, но уже чувствуя приятное, щекочущее нервы предвкушение, опустилась на сиденье. Асахи тут же рванула с места, и машина, словно хищное животное, послушно устремилась обратно к шоссе.

— Ну что, готова, крошка, снова блистать? — проговорила Асахи с дерзкой ухмылкой, не отрывая взгляда от дороги.

— Если ты мне сначала расскажешь, что от меня требуется, то, думаю, буду готова, — игриво ответила Роуи, одновременно пытаясь вынудить из подружки хоть крупицу информации.

— Ой, от тебя требуется только красиво стоять, сосчитать до трёх и махнуть флажками, — в голосе Асахи звенела острая, почти хищная радость от предвкушения зрелища.

— Договорились, — улыбнулась Роуи, уже будто на лету подхватывая эту общую атмосферу безудержного веселья.

Подъехав к стартовой линии, Асахи ловко вписалась в очередь и встала за какой-то не менее яркой машиной, чьи фары горели, как глаза зверя перед прыжком. Рядом с ними замер синий Мустанг; стекло плавно опустилось, и из-за руля показался водитель.

— Ну что, сегодня опять я тебя уделаю, — с насмешливой уверенностью бросил парень, глядя на Асахи.

— Это мы ещё посмотрим, — чуть прищурившись, с лёгкой издёвкой ответила японка.

— Воу-воу, кого я вижу! Сама Роуи вернулась! — заметив, кто сидит рядом с Асахи, парень расплылся в широкой улыбке. — Надеюсь, сегодня без своего угрюмого блондинчика, драк не будет?

— Тод, ты всегда такой заноза в заднице? — в интонации Асахи сквозило откровенное пренебрежение к его комментарию.

Роуи от этих слов будто снова на секунду накрыла полупрозрачная плёнка воспоминаний: перед глазами промелькнули обрывки того разговора с Тру под дождём, его холодные, но точные слова, резкий звук тормозов. Но она не успела снова провалиться в ту тяжесть — к окну машины уже

подошли Верн и Иро. В руках у Иро были два небольших флажка.

— Ну всё, Руи, пришло время вернуть свою славу, — проговорила Асахи, и в её голосе звучала та самая уверенность, которая заражала.

Роуи, всё ещё не до конца осознавая, что именно от неё ждут, вышла из машины, приняла из рук Иро флажки и, развернувшись, слышала за спиной:

— Роуи.

Она обернулась. Верн смотрел на неё с лёгкой тревогой, будто хотел сказать что-то ещё, но ограничился лишь этим одним словом.

— Будь аккуратна, — наконец тихо добавил он.

В ответ Роуи лишь подмигнула ему, сверкнув озорной улыбкой, и уверенно пошла вдоль ряда машин, выстроившихся в очередь, чтобы разогнать моторы до предела и доказать сопернику, что они — лучшие.

С каждым шагом она ловила на себе сотни взглядов, слышала крики, свист, короткие сигналы клаксонов. Всё это сливалось в единый гул, который не давил, а, наоборот, придавал сил. Приближаясь к первой паре машин на старте, она вдруг слышала, как из громкоговорителя прозвучали слова:

— Уже через пару минут начнутся заезды один на один! Так что, надеюсь, все, кто хотел увидеть возвращение нашей Pit Girl, уже на стартовой площадке!

В завершение фразы из небольшого японского фургончи-

ка, стоявшего чуть поодаль, ударил трек — идеально подходящий под настроение гонок, с лёгким японским акцентом. Роуи не разбирала всех слов, но уловила что-то про «teach me Japanese» и «I'm a rockstar» — и этого было достаточно, чтобы почувствовать ритм.

Подойдя к стартовой линии, Роуи вальяжно, словно модель на подиуме, развернулась лицом к очереди из пар машин и подняла руки с флажками — в знак приветствия всем, кто сейчас был здесь и смотрел на неё. В этот момент она действительно чувствовала себя мировой звездой, собравшей огромный стадион фанатов.

Она стояла между двумя мощными, красочными спорткарами: слева — чёрный мускулистый автомобиль с резкими линиями и горящими фарами, будто готовый в любой момент сорваться с места; справа — ярко-оранжевый спорткар с агрессивным обвесом и неоновой подсветкой, которая пульсировала в такт музыке. Вокруг витал густой запах бензина и жжёной резины, а воздух был наполнен гулом моторов, который нарастал с каждой секундой, становясь почти осязаемым.

И когда из громкоговорителя раздался отсчёт:
— Три!

Роуи подняла руки полностью вверх. Флажки на ветру начали развиваться, словно маленькие знамёна.

— Два!

Она уже была наготове — каждая мышца напряглась, что-

бы в нужный момент резко махнуть флажками вниз. Перед ней взвыли моторы, гонщики балансировали на грани, готовые сорваться с места по первому сигналу.

— Один!

И тут Роуи резко опустилась вниз — словно в изящном движении из йоги — и в тот же миг с обеих сторон, буквально в паре метров от неё, пронеслись два огромных спорткара. Свист шин и оглушительный рёв моторов слились в единую волну звука, которая накрыла её с головой. Роуи чуть дёрнулась от этого резкого движения, но тут же выпрямилась и, обернувшись назад, увидела, как два ярких автомобиля с подсветкой стремительно исчезают на фоне тёмного шоссе, растворяясь в ночи.

Развернувшись обратно к стартовой линии, она увидела уже новую пару гонщиков — они жадно смотрели на неё, будто ждали только её сигнала, чтобы выпустить на трассу всю мощь своих машин.

Роуи ловила огромный прилив адреналина от всего происходящего вокруг. Возможно, это была сама атмосфера, а может, алкоголь внутри так играл с её разумом, но она вдруг поймала себя на мысли, что сейчас счастлива, как никогда раньше. Чуть покачиваясь в такт играющему треку, она готовилась к новому отсчёту, чтобы выпустить на шоссе ещё одну пару гонщиков — и в этот момент ей казалось, что весь мир существует только ради этой секунды.

Иро и Верн стояли в первом ряду толпы, что плотной

волной обступила стартовую линию. Вокруг гудела публика: кто-то пытался разглядеть каждую деталь машин, кто-то ловил взглядом малейшее движение Роуи, будто от этого зависел исход всей ночи. Но оба парня не смотрели ни на спортсмены, ни на толпу — их взгляды были прикованы только к Роуи.

Она стояла в самом центре, чуть покачиваясь в такт треккам, что гремели из колонок, и время от времени поднимала и опускала флажки — будто выпускала машины из невидимых загонов, давая им свободу и скорость. В каждом её движении была небрежная грация, в каждом повороте головы — та самая дерзость, которая заставляла сердца биться чаще.

— Какая же она красивая, — вслух произнёс Иро, не отрывая взгляда от девушки. Его глаза скользили по её образу — от розовых туфель, которые он сам когда-то помогал ей завязать, до жёлтого топа, изящно подчёркивавшего хрупкость её силуэта. Дерзкий хвост, взлетающий при каждом резком движении, добавлял образу ту самую искру, что идеально вписывалась в атмосферу этого вечера.

Услышав эти слова, Верн не нашёл ничего лучше, чем просто молча согласиться. То ли он всё ещё стеснялся этой шумной толпы и чужих взглядов, то ли Иро оставался для него пока слишком чужим человеком, чтобы свободно поддерживать разговор.

— А она вообще про меня ничего не рассказывала? — снова заговорил Иро, будто продолжая свои мысли вслух.

Верн понимал, что вопрос адресован ему, и пытался подобрать слова, которые не прозвучали бы ни слишком сухо, ни чересчур эмоционально. Он всё ещё чувствовал себя немного потерянным среди этого шума, огней и чужих историй, но одно он не мог отрицать: Роуи действительно блистала на стартовой линии, будто родилась для этой роли.

— Нет, вообще ничего не рассказывала. Она номера ваши с Асахи нашла только через Бетти, — спокойно ответил Верн, по-прежнему не отводя взгляда от Роуи.

— М, понятно.. Бетти. Никогда не нравилась мне. Да и Тру.. Тоже так себе человек, — чуть с разочарованием протянул Иро, словно в его глазах Роуи заслуживала совсем другого окружения — людей, которые не играли бы с её доверием.

— А что с ними не так? — не скрывая интереса, спросил Верн.

— Ну, не знаю.. — Иро будто подбирал слова, стараясь не выплеснуть всё сразу, а разложить по полочкам. — Бетти — сомнительная девушка. Такое чувство, что она не столько дружит с Роуи, сколько пользуется этой дружбой. А Тру.. — он запнулся, будто само имя на языке ощущалось как что-то неприятное. — Тру просто... мудака. Они, кстати, в итоге встречаются с Роуи?

Всё это время Иро даже ни разу не повернулся в сторону собеседника — он будто говорил не столько с Верном, сколько с самим собой, пытаясь сложить в голове пазл из чужих

поступков и своих догадок о том, как устроены отношения Роуи с этими людьми.

Верн от этого монолога и внезапного вопроса про отношения настолько опешил, что наконец развернулся к Иро, будто только сейчас по-настоящему увидел его.

— Встречаются? — переспросил он, и в этом слове прозвучало не просто удивление, а какая-то внутренняя дрожь — будто от ответа зависело что-то важное.

Иро, не поворачиваясь, снова бросил:

— Ну да, встречаются они в итоге?

— Нет. Тру вообще, как я понял, ушёл от неё. Ну, с тех пор как Роуи живёт последние две недели после аварии, он даже не позвонил, не приехал. Я даже не уверен, что он вообще настоящий, — с горькой иронией произнёс Верн, и в этих словах слышалась не только обида за Роуи, но и собственное недоумение перед тем, как легко кто-то может исчезнуть из жизни человека, когда тот больше всего нуждается в поддержке.

— Странно.. Они же всю жизнь жили вместе, а тут взял и пропал.. Хотя, в целом, от него другого я и не ожидал, — пробормотал Иро, снова погружаясь в свои мысли, будто складывал в голове ещё одну деталь в картину их запутанных отношений.

— Ну ладно, не хочу эту тему разгонять. Надеюсь, ты сегодня не будешь меня бить, — впервые за весь разговор Иро перевёл взгляд на Верна, и в его глазах мелькнула лёгкая,

почти мальчишеская усмешка — будто он сам понимал, насколько нелепо звучат эти слова посреди всей этой суеты.

— Бить? Зачем мне тебя бить? — озадаченно переспросил Верн, искренне не понимая, к чему этот поворот.

— Ну, не знаю... Когда она единственный раз притащила сюда своего Тру, он на меня с кулаками полез, когда я ему сказал про наши отношения.

— Отношения?.. — в голосе Верна прозвучало лёгкое недоумение, будто он пытался осознать смысл этого слова в новом контексте.

— Мы с Роуи встречались, — произнёс Иро, и эти слова прозвучали как окончательный приговор, без лишних оправданий и объяснений. После этого он снова перевёл взгляд на Роуи, будто только там, в её движениях, в её улыбке, в том, как она уверенно держала флажки и управляла этой ночью, он мог найти хоть какой-то ответ на все свои невысказанные вопросы.

Тем временем на стартовую линию выехала очередная пара машин — и для Роуи это были не просто участники заезда, а свои, знакомые, почти родные. Жёлтый Ниссан Асахи и синий Мустанг Тода — те самые, о которых она уже слышала в разговорах, те самые, чьи характеры угадывались даже в том, как они держали линию, как подрагивали на месте, будто сдерживая рвущуюся наружу энергию.

Роуи поймала взгляд Асахи из жёлтой машины и игриво подмигнула — в этом коротком жесте уместилось всё: и под-

держка, и азарт, и немое «я болею за тебя». Асахи в ответ лишь хищно улыбнулась, будто эта улыбка была её талисманом на удачу, и крепче сжала руль, растворяясь в предвкушении схватки.

Под очередной бит, идеально ложившийся на ритм её сердца, Роуи покрутилась вокруг себя, словно сбрасывая остатки сомнений. В этот момент она и правда будто была рождена для этого: для шума моторов, для криков толпы, для ветра, что трепал её волосы, для огней, что отражались в её глазах. Всё вокруг слилось в единую картину, где она была не просто частью действия — она была его сердцем.

Отсчёт грянул, как раскат грома:

— Три!

Роуи замерла, чувствуя, как воздух вокруг становится гуще, как напряжение стягивает пространство в тугую пружину.

— Два!

Она подняла флажки, и в этот миг ей показалось, что даже музыка на секунду притихла, уступая место другому ритму — ритму ожидания.

— Один!

И она резко опустила руки, словно распахивая невидимые ворота.

Асахи и Тод сорвались с места одновременно — два хищника, рванувших за добычей. Их машины взвыли, шины взвизгнули, и в следующую секунду они уже неслись вперёд,

разрывая темноту шоссе яркими полосами фар. Скорость поглотила их, унесла прочь, оставив после себя лишь гул, что ещё долго вибрировал в груди.

Не выдержав накала эмоций, Роуи резко развернулась вслед за уносящимися машинами и крикнула во весь голос:
— Асахи, уделай его!

Её крик растворился в рёве двигателей и аплодисментах толпы, но в нём было столько искренности, столько веры в подругу, что, казалось, даже ночь на мгновение замерла, прислушиваясь.

Снова повернувшись к публике, Роуи скользнула взглядом по оставшимся машинам. Всего три пары — и её представление подойдёт к концу. Время пронеслось с той же головокружительной скоростью, с какой уносились от неё спортсмены, но она не жалела ни о секунде. Наоборот — каждая из них отпечаталась в памяти, как кадр из любимого фильма.

Она чувствовала себя живой, как никогда раньше. В груди пылал огонь, в венах бурлил адреналин, а улыбка не сходила с лица, будто приклеившись намертво. И пусть впереди оставалось всего несколько заездов — Роуи знала: эта ночь уже стала особенной. И она собиралась прожить каждую её секунду до самого конца.

Пока Роуи отпускала оставшиеся пары соперников, Иро понемногу приоткрывал для Верна завесу над прошлым девушки — фрагментами, обрывками историй, в которых Ро-

уи представляла совсем иной, чем в те тихие вечера, что Верн провёл рядом с ней. От услышанного Верн слегка терялся: в его голове не складывался образ той Роуи, которую он знал — спокойной, внимательной, будто прятавшей бурю за ровной улыбкой, — и той, о которой говорил Иро. У него роилось столько вопросов, но больше всего его мучило не столько прошлое самой Роуи, сколько её связь с Тру: как можно было столько лет делить с кем-то жизнь, а потом просто исчезнуть, когда она больше всего нуждалась в опоре.

— Пойду её заберу, — решительно бросил Иро и шагнул из линии толпы, но в этот момент мимо них пронеслась Асахи, пару раз коротко просигналив. Парни невольно повернулись на звук.

— Мальчишки, подвезти? — игриво выкрикнула Асахи из окна, сверкнув улыбкой, будто сама ночь была её союзницей.

— Давай у автобуса школьного встретимся. Забери Верна, — спокойно, не поддаваясь на её задор, ответил Иро. В его голосе не было ни раздражения, ни холода — просто привычная забота, которую он не считал нужным прятать за шутками.

Верн, не понимая, о каком автобусе идёт речь, молча подошёл к машине и сел на пассажирское сиденье. Мир вокруг всё ещё казался ему немного чужим — ярким, шумным, переполненным смыслами, которые он пока не умел считывать.

Тем временем Иро уже подошёл к Роуи и, приобняв её за

талию, тихо, почти на ухо, произнёс:

— Ты была бесподобна.

Роуи вздрогнула от этого тихого, но до боли знакомого комплимента. В нём не было пафоса, только искренность, и от этого слова будто отозвались где-то глубоко внутри. Она знала этот тон, знала, как Иро всегда говорил так — будто для него её успех был не просто поводом для гордости, а чем-то личным, почти сокровенным.

Не дожидаясь её ответа, Иро развернулся к толпе и громко, но без высокомерия, произнёс:

— Всем спасибо за внимание, но, боюсь, эту девушку мне придётся забрать.

В ответ прокатилась волна одобрительных возгласов, визгов, аплодисментов. Кто-то из толпы выкрикнул:

— Иро, будешь по фирменному опять красть нашу легенду?

И толпа тут же подхватила:

— Кради! Кради!

Роуи чуть растерянно посмотрела на Иро, не понимая, о чём кричит публика. Что это за «фирменное»? Что они имеют в виду?

В ответ Иро вытянул руку вперёд, будто успокаивая пыл толпы:

— Нет-нет-нет, сегодня я просто её уведу от вас.

И, чуть надавив ладонью на талию Роуи, повёл её сквозь ряды людей. В спину им неслись разочарованные, но добро-

душные гулы — толпа не злилась, она просто не хотела отпускать свою легенду.

Пока они пробирались сквозь людское море, Роуи наконец решилась задать вопрос, который уже несколько минут жег язык:

— А как ты меня «фирменно» крал?

Иро помолчал пару секунд, будто взвешивая, стоит ли раскрывать эту маленькую тайну, а потом уверенно выдал:

— Я тебя целовал перед тем, как увести с линии старта.

Эти слова ударили по Роуи, словно разряд тока. Значит, каждый раз, когда он вот так уводил её с трассы, это сопровождалось поцелуем? Или не всегда? Получается, они действительно встречались? Или это была просто часть представления, красивый жест для публики, который со временем стал традицией?

Роуи не решилась вывалить все эти вопросы разом. Вместо этого она молча шла рядом с Иро, позволяя ему вести её туда, где шум становился чуть тише, а огни складывались в новый узор. Они направлялись к большому школьному автобусу, который кто-то с любовью и фантазией переделал под передвижной бар: внутри мерцали неоновые лампы, у одной из стен стоял диджейский пульт, а вокруг автобуса стихийно образовался танцпол, где люди уже двигались в такт невидимому ритму.

Встретив в этой пестрой толпе Асахи и Верна, Роуи помахала рукой, подзывая ребят к себе.

— Ну ты просто была невероятной, — с восхищением выдохнула Асахи, подходя ближе и обнимая подругу так крепко, будто хотела передать ей всю свою энергию.

— Кстати, этого Тода я, как всегда, уделала. Не было смысла на меня наезжать, — добавила она в своей привычной дерзкой манере, и в её голосе звучала не бравада, а чистая, искренняя радость от победы.

Но не успела она договорить, как из колонок автобуса грянула диджейская версия любимой песни. Бит ворвался в пространство, перебил все слова, и Асахи тут же изменилась: её глаза вспыхнули, улыбка стала шире, а тело само потянулось в сторону танцпола.

— Пора начинать отрываться по полной! — выкрикнула она и, пятясь спиной к танцующим, растворилась в толпе, становясь частью этого живого, пульсирующего ритма.

Иро, Роуи и Верн остались втроём — и тишина, которая повисла между ними, была не спокойной, а напряжённой, будто каждый боялся нарушить её неправильным словом. Верн по-прежнему неловко молчал, не зная, как заполнить эту паузу, тем более что после разговора с Иро в его голове крутились новые, непрощенные мысли о Роуи, о её прошлом, о том, сколько слоёв в ней ещё предстоит открыть.

— О-о-о, Иро, здорово! Не оценишь там новые эскизы? — из толпы вынырнул какой-то парень, протянул руку для рукопожатия, и Иро, будто только и ждал повода, тут же подхватил этот момент.

— Ребят, вы веселитесь, я пойду, — бросил он, коротко улыбнувшись, и ушёл вместе с незнакомцем куда-то в сторону от танцпола, к машинам, растворяясь в разноцветном вихре огней и людей.

И вот теперь Роуи и Верн остались вдвоём. Асахи отжигала на танцполе, будто это был её последний выход, Иро ушёл по своим делам, а они стояли, растерянно глядя то друг на друга, то на бурлящую вокруг жизнь, не зная, как сделать первый шаг, чтобы не разрушить ту хрупкую связь, что между ними уже начала зарождаться.

Глава 13*

Двое стояли, будто застыв на границе двух миров — одного, где слова ещё имели вес, и другого, где властвовали только ритм и движение. Их взгляды пересекались, и в этом молчании слышалось больше, чем в любых фразах: ожидание, лёгкая неловкость, азарт. Кто сделает первый шаг? Кто первым сдастся перед музыкой?

— На танцпол? — тихо, но с едва уловимой дерзостью предложила Роуи, чуть покачиваясь в такт мелодии, словно её тело уже знало, что делать, даже если разум ещё сомневался.

— Ну... — начал Верн, и в этом «ну» уместилось всё: и напряжение, и желание не испортить вечер, и страх выглядеть нелепо. Он не хотел разочаровать Роуи, не хотел, чтобы этот момент рассыпался от одного неловкого движения.

Но не успел он закончить фразу, как Роуи, не дожидаясь ни согласия, ни возражений, схватила его за руку и потянула вперёд — прямо в сердце танцпола, туда, где свет дробился на осколки, а воздух густел от басов и чужих эмоций.

Верн чуть растерянно замер напротив неё. Роуи уже не думала ни о чём: она отключила внутренний голос, стёрла все сомнения, отдавшись чистой волне звука. Её бёдра покачивались в такт, руки свободно плыли в воздухе, будто она не танцевала, а дышала музыкой. В каждом её движении бы-

ла свобода — та самая, которой Верн в этот миг отчаянно завидовал.

Он старался поймать это настроение, пытался раствориться в ритме, но взгляды толпы, скользящие по нему, царапали кожу, заставляли плечи невольно подниматься, а движения — становиться скованными. Он покачивался, стараясь выглядеть непринуждённо, но внутри всё сжималось от неловкости.

И тут из вихря тел вынырнула Асахи — в поту, с растрёпанными волосами, с глазами, горящими азартом. Она двигалась так, будто танец был её стихией, её способом говорить с миром.

— Ну чё вы такие унылые? Танцевать не умеете, что ли? — выкрикнула она с привычной дерзкой усмешкой, и в её словах не было злости — только вызов, только желание встряхнуть их, вытащить из скорлупы.

Верн вздрогнул. Этот комментарий ударил не по гордости, а по памяти. В груди что-то щёлкнуло, и перед глазами пронеслись годы: зал, зеркала, строгий голос преподавателя, бесконечная отработка связок, пот, усталость — и то чувство, когда тело наконец начинало понимать музыку. Он занимался танцами с детства, вкладывал в них столько сил, что любая насмешка над этим казалась почти оскорблением.

В этот миг по колонкам ударил тяжёлый бас — резкий, пульсирующий, пропитанный испанским фанком. Он вошёл в пространство, как шторм, сметая остатки сомне-

ний.

Не дожидаясь ни разрешения, ни одобрения, Верн резко шагнул вперёд, схватил Роуи за руки и потянул её ближе к центру танцпола — туда, где свет становился ярче, а тени растворялись в движении.

И в тот момент, когда их ладони сомкнулись, всё изменилось.

Роуи, подхватив его импульс, закружилась, позволяя ему вести. Её движения стали резче, увереннее, будто она отражала его энергию, умножая её. Верн, наконец-то сбросив оковы стеснения, позволил телу вспомнить то, что оно знало всегда. Он кружил её, отпускал и снова притягивал, их руки сплетались и расходились, как волны, накатывающие на берег.

Вокруг них пространство будто сжалось, отсекая толпу, оставляя только их двоих и этот бешеный ритм. В каждом шаге, в каждом повороте читалась история — не рассказанная словами, но прожитая телом. Роуи двигалась так, словно хотела доказать себе, что она свободна, что никакие страхи не смогут её удержать. Верн танцевал так, будто возвращал себе часть себя, которую давно спрятал подальше от чужих взглядов.

Их танец был не идеальным — в нём были сбитые ритмы, неожиданные паузы, моменты, когда они чуть не сталкивались, но тут же находили новый путь, новый способ двигаться вместе. Это был не отточенный номер, а живой, пульсиру-

ющий диалог, где каждое движение было словом, а каждый взгляд — предложением.

Асахи, увидев эту сцену, лишь ухмыльнулась и, сделав ещё один резкий поворот, растворилась в толпе, уступая место их истории.

И когда трек подошёл к концу, а последние ноты растаяли в воздухе, Роуи и Верн замерли, глядя друг на друга. Их лица блестели от пота, в глазах плескался восторг, а в груди билось одно на двоих, бешеное, счастливое чувство — будто они только что преодолели что-то важное. И в этой тишине, наступившей после шторма музыки, они наконец-то смогли просто улыбнуться друг другу — без слов, без объяснений, просто потому что этот танец всё уже сказал за них.

В следующие мгновения оба, окончательно сдавшись ритму ночи, просто плыли по волнам музыки, позволяя трекам вести их туда, куда хотелось телу, а не разуму. Толпа вокруг сливалась в размытое пятно огней и силуэтов, и в этом вихре не оставалось места ни для сомнений, ни для лишних мыслей — только пульс баса, только тепло чужого плеча рядом.

Но в какой-то момент Верну стало невыносимо жарко в тяжёлой толстовке. Ткань будто душила, лишая свободы, которую он только-только начал ощущать в танце. Он бросил короткий взгляд на Роуи — она смеялась над чьей-то шуткой, запрокинув голову, и в этом движении было столько лёгкости, что ему вдруг захотелось тоже стать таким же свободным, сбросить с себя всё лишнее.

Не говоря ни слова, он развернулся спиной к танцполу и начал пробираться сквозь толпу, ориентируясь скорее на память, чем на зрение. Роуи, заметив, что он уходит, на секунду замерла, а потом, не раздумывая, последовала за ним. Её каблуки то и дело проваливались в неровности асфальта, каждый шаг давался с трудом, но она упрямо шла вперёд, будто боялась, что если остановится хоть на миг, эта хрупкая связь между ними растает, как дым.

Выбравшись на парковку, где людей было меньше, но воздух всё равно густел от басов, долетавших с танцпола, Верн ускорил шаг. Он шёл по памяти, минуя ряды машин, пока не добрался до своей, стоявшей почти на окраине этой шумной вселенной. Здесь, вдали от слепящих огней, ночь казалась чуть более настоящей — тёмной, глубокой, наполненной тихими шорохами и далёкими голосами.

Стянув с себя толстовку, он бросил её на заднее сиденье и захлопнул дверь. Когда он развернулся, то не сразу заметил Роуи — а когда увидел, замер на мгновение. Она стояла, облокотившись на капот его машины, тяжело дыша после этой нелепой, но такой упорной погони. В её позе было что-то уязвимое и одновременно дерзкое: она будто и устала, и не собиралась сдаваться.

— Ты чего тут забыла? — подошёл он, вставая прямо перед ней. В голосе не было раздражения — скорее удивление, смешанное с каким-то тёплым недоумением.

— Хотела тебе составить компанию, — проговорила она,

всё ещё пытаюсь выровнять дыхание. Её слова прозвучали просто, без пафоса, и от этой простоты у Верна что-то дрогнуло внутри.

— Ты что, бежала за мной? — он чуть приподнял бровь, пытаюсь скрыть, насколько его тронуло это её упрямство.

— Я же не знала, что ты такой быстрый. Да и на этих туфлях ходить просто невозможно, — она чуть скривилась, будто сама удивляясь, зачем вообще надела эту обувь.

Верн опустил взгляд вниз — и замер. Массивные розовые туфли на высокой платформе, с лентами, туго обвивавшими лодыжки, выглядели эффектно, но совершенно не предназначались для того, чтобы в них бегать по парковке. В них было столько нарочитой красоты, столько желания понравиться, что у него вдруг защемило сердце.

Не раздумывая, он опустился на корточки, взял её ногу — аккуратно, будто она была из тонкого стекла — и лёгким движением распустил ленты. Туфля со слабым стуком упала на асфальт. То же самое он проделал со второй.

Роуи невольно выдохнула — этот звук был похож на тихий стон облегчения. Она даже не пыталась его скрыть: слишком долго терпела эту тяжесть, слишком долго улыбалась, делая вид, что всё в порядке.

— Так лучше? — он поднял взгляд, и в его глазах мелькнула улыбка — не насмешливая, а тёплая, почти заботливая.

— Да, так намного лучше, — она потёрла ступни, будто не веря, что наконец-то может чувствовать землю под ногами,

и улыбнулась в ответ.

— Что делать будем? — спросил он, опираясь руками по обе стороны от неё, на капот. Теперь между ними почти не осталось пространства, но эта близость уже не пугала — она ощущалась как что-то естественное, как следующий шаг, который давно пора было сделать.

— Не знаю, — протянула она, чуть наклонив голову, и в её голосе прозвучала та самая игривость, которая всегда появлялась, когда она чувствовала себя в безопасности.

— Но обратно я уже не особо горю желанием возвращаться.

Она хитро прищурилась, а потом, словно проверяя границы этой новой близости, положила свои ладони поверх его рук. Её взгляд скользнул вверх, встретился с его, а потом сам собой опустился ниже — на губы. И в этом движении не было ни кокетства, ни игры: только тихое, почти безмолвное признание.

Пару секунд они молчали. Время будто растянулось, стало густым и тягучим, как мёд. В воздухе витал запах ночи, бензина, её духов — и чего-то ещё, неуловимого, что бывает только в те моменты, когда два человека наконец перестают прятаться друг от друга.

И тогда Роуи, не дожидаясь ни разрешения, ни знака, ни даже собственного внутреннего согласия, чуть приподнялась и потянулась к нему. Её движения были чуть неловкими, будто она сама не верила, что делает это, но в них была такая

искренность, что Верн не успел ни подумать, ни испугаться.

Ночь обволакивала парковку плотным бархатом темноты, и лишь узкие лучи света от фар машины разрезали мрак, выхватывая из него отдельные детали — блеск хромированных дисков, холодную гладкость кузова, тени, сложившиеся на асфальт резкими, почти графическими контурами. В этом полумраке всё казалось чуть нереальным, будто сцена из фильма, где каждый жест обретал особую весомость.

Верн, в своей чуть спотевшей футболке, склонился к Роуи, и в этом движении была не столько страсть, сколько осторожное, почти трепетное желание быть ближе. Он будто боялся спугнуть этот момент, нарушить ту хрупкую тишину, что возникла между ними после всех слов, танцев и беготни по парковке. Его руки легли ей на талию — не крепко, а так, словно он хотел убедиться, что она здесь, настоящая, тёплая, не растворится в темноте.

Роуи, сидя на капоте, чуть приподнялась навстречу, и в её движении читалась та самая решимость, что вспыхнула в ней пару мгновений назад. Она не ждала больше ни знаков, ни разрешений — просто потянулась к нему, доверяя этому внезапному порыву. Её пальцы скользнули по его плечам, цепляясь за ткань футболки, будто ища опору в этом мире, который вдруг стал слишком зыбким.

Их губы встретились — сначала неуверенно, почти робко, как будто оба на секунду замерли, проверяя, правда ли это происходит. А потом напряжение ушло, растворяясь в

тёплом, медленном ритме этого поцелуя. Он стал глубже, искреннее, и в нём уже не было ни сомнений, ни страхов — только этот миг, только они вдвоём, отделённые от всего остального мира светом фар и глухой тишиной ночи.

Медленный, глубокий поцелуй утянул их за собой, заставляя окончательно забыть о прохладе парковки. Когда Верн нехотя отстранился, чтобы сделать вдох, его лоб упёрся в лоб Роуи. Обоих лихорадило.

Дыхание Верна было горячим, частым, а пальцы на её талии сжались чуть крепче — уже не просто проверяя, здесь ли она, а отчаянно не желая отпустить.

— Нам нужно... внутрь, — выдохнул он прямо ей в губы, и этот хриплый, непривычный звук собственного голоса заставил его сердце забиться ещё быстрее.

— Здесь слишком открыто.

Роуи не ответила словами. Она лишь порывисто кивнула, не разжимая пальцев, которыми всё ещё цеплялась за его футболку.

Через секунду они уже захлопывали за собой тяжелые двери автомобиля. Пространство салона мгновенно обняло их теснотой, запахом нагретой кожи и абсолютной, оглушительной тишиной. Мир снаружи, разрезанный лучами фар, перестал существовать. Теперь всё их мироздание сузилось до размеров этих нескольких квадратных метров.

Верн перехватил инициативу. Тот трепет, с которым он касался её на капоте, никуда не исчез, но к нему примеша-

лась густая, накопившаяся за вечер жажда. Он потянулся к ней, и Роуи, послушная этому движению, легко перемахнула устраиваясь у него на коленях.

Новый поцелуй обрушился на неё, стирая остатки сомнений. Роуи закинула руки ему за шею, вплетая пальцы в волосы на затылке Верна, и почувствовала, как его ладони скользнули вверх, под её топ. Его пальцы были тёплыми, их прикосновение к обнажённой коже на рёбрах заставило её судорожно вздохнуть и теснее прижаться к его груди. Она чувствовала, как бешено колотится его сердце — в точности как её собственное.

В полумраке салона, где свет уличных фонарей едва пробивался сквозь тонированные стёкла, рисуя на их телах мягкие янтарные полосы, каждое мимолётное движение казалось сакральным.

Вспышка фар проезжающей мимо машины на мгновение выхватила из темноты силуэт Роуи — её запрокинутую голову, волосы, что были всё ещё собраны в хвост, то, как бережно Верн придерживал её за бедро, словно самое хрупкое сокровище в своей жизни. Но им было всё равно на чужие фары. Они были надёжно укрыты этой машиной, этой ночью и друг другом.

Ограниченное пространство машины больше не сковывало — оно заставляло их быть ближе, чувствовать каждое мимолётное движение, каждое изменение ритма. Когда Верн скользнул поцелуями вниз, к её шее и ключицам, Роуи ти-

хо выдохнула его имя, откидывая голову назад. В этом звуке было столько безоговорочного доверия, что у Верна перехватило дыхание.

Его прикосновения оставались бережными, но стали увереннее, глубже. В темноте, ведомые лишь осязанием и тихим шёпотом, они находили друг друга снова и снова. Каждое столкновение кожи с кожей отзывалось дрожью, а запотевшие изнутри стекла автомобиля окончательно спрятали их отголоски чужого города, оставляя наедине с этой бесконечной, лихорадочной ночью.

Каждое движение в тесноте салона требовало отчаянной, почти лихорадочной сглаженности. Роуи вела ладонями по его плечам, помогая Верну избавиться от футболки. Ткань на секунду запуталась, и этот короткий момент слепоты только подстегнул их. Паррарельно этому Роуи расстегнула свою мини юбку и стянула. Когда одежда наконец-то полетела куда-то вниз, на коврик, Роуи прижалась ладонями к его обнаженной груди. Кожа Верна была горячей, влажной от волнения, и под пальцами Роуи отчетливо ощущалось, как бешено и тяжело перекачивается его пульс.

Верн потянул вверх край её топики. Роуи пришлось послушно приподнять руки, на мгновение зажмурившись, когда мягкая ткань скользнула по лицу, унося с собой остатки внешнего мира. Ещё прохладный воздух в машине мазнул по её плечам, заставив кожу покрыться крупными мурашками.

Его ладонь медленно скользнула ниже, оглаживая изгиб

бедра Роуи, заставляя её податливо выгнуться навстречу его руке. Каждое прикосновение Верна было осознанным, тягучим и доводило Роуи до иступления. Его пальцы, чуть шершавые, дразнящие очерчивали чувствительную внутреннюю сторону её бедер, продвигаясь всё выше, пока не коснулись самой нежной, горячей кожи. Роуи судорожно втянула воздух сквозь зубы, пальцы на его плечах сжались так сильно, что ногти едва не вонзились в кожу. Верн начал ласкать её неторопливо, со всей той бережностью, которая была ему присуща, но с каждым новым движением его пальцев её дыхание становилось всё более рваным и бессвязным. Она теряла контроль. Внизу живота разливался невыносимый, лихорадочный жар, заставляя Роуи тихо, прерывисто стонать прямо ему в губы, полностью растворяясь в этих ощущениях и умоляя о большем каждым движением своего тела, но в следующее же мгновение Верн привлек её к себе, вжимаясь всем телом и делясь своим теплом.

Вспышка чужих фар за стеклом на секунду выхватила из темноты переплетение их обнаженных рук, острые линии ключиц Роуи и то, как сильно Верн, желал ей доставить удовольствие, не в силах оторваться от её губ.

Но в какой-то момент здравый смысл — тот самый бережный и осторожный внутренний голос Верна — заставил его неохотно, с глухим стоном отстраниться. Роуи тихо, протестуя выдохнула ему в шею, когда его объятия ослабли.

— Секунду... — хрипло прошептал он, тяжело дыша.

Удерживая Роуи одной рукой за талию, Верн судорожно развернулся корпусом назад в сторону водительского места. Теснота машины превратила это простое действие в настоящее испытание. Он вслепую потянулся через спинки передних кресел, шаря ладонью по сиденью, где среди брошенных курток и каких-то вещей лежал рюкзак. Молния поддавалась не сразу, глухо заев в темноте. Верн тихо выругался, пальцы едва слушались от бьющего через край адреналина. Наконец, нащупав на самом дне рюкзака заветный шуршащий квадрат пластиковой упаковки, он резко дернул руку назад, едва не задев головой зеркало заднего вида.

Когда он вернулся к ней, Роуи ждала, чуть сдвинулась с него, давай к свободе действий откинувшись на дверь машины. В полумраке её глаза блестели, а дыхание было таким же частым, как и его собственное.

Тихий, отчетливый щелчок разрываемого пластика потонул в шуме далекого города за окном. Верн на секунду замер, глядя на неё сверху вниз — взъерошенную, невероятно красивую в этом нежном, слабом свете уличных фонарей.

Верн торопливо, но вынужденно аккуратно в тесноте салона избавился от джинсов. Плотная ткань неохотно поддавалась, шурша о кожаную обивку, и улетела куда-то в темноту, в ноги. Теперь, когда между ними больше не осталось никаких преград, Верн полностью лёг на сиденья, увлекая Роуи за собой. Она оказалась сверху, упираясь ладонями в его грудь, чувствуя под пальцами его лихорадочный, прерывистый стук

сердца.

— Роуи... — тихо, почти умоляюще позвал он, будто всё еще не верил, что этот зыбкий мир вокруг них позволил этому случиться. Вместо ответа она потянулась к нему сама, сокращая последние сантиметры расстояния между ними. Верн осторожно перехватил её за бедра, направляя и помогая устроиться удобнее в ограниченном пространстве машины. Его ладони, горячие и чуть дрожащие от сдерживаемого напряжения, крепко сжались на её коже.

Он начал медленно, с предельной осторожностью, давая ей время привыкнуть и освоиться. Роуи судорожно выдохнула, на мгновение зажмурившись и крепче вцепившись пальцами в его плечи, когда они наконец соединились. Верн замер, чутко ловя каждое её движение, всматриваясь в её лицо в полумраке салона и ожидая, пока её дыхание снова станет ровным.

Когда Роуи сделала первое робкое движение вперед, мир за пределами запотевших, покрытых каплями стекол окончательно перестал существовать. Процесс захватил их целиком, становясь более уверенным, тягучим и глубоким. Роуи двигалась в такт его встречным толчкам, полностью доверяя его рукам, которые надежно удерживали её за талию и бедра, не давая потерять равновесие в тесноте. В движениях Верна не было спешки — только глубокое, лихорадочное ощущение присутствия друг друга и бесконечная нежность, с которой он приподнимался навстречу, чтобы поцеловать её

ключицы или поймать губами её тихие, сорвавшиеся вздохи. Заднее сиденье автомобиля глухо проминалось и шуршало под их общим весом, а звуки их прерывистого шёпота заполняли салон до краев, превращая автомобиль в их личную, недостижимую для всех вселенную.

Ритм становился всё более рваным, и теснота заднего сиденья начала ощущаться отчетливее. Роуи тяжело дышала, уткнувшись лбом в плечо Верна, а её колени, упиравшиеся в кожаную обшивку дверей, начали затекать от напряжения. Верн почувствовал это по тому, как вздрогнули её бедра. Изменившийся угол освещения от уличного фонаря мазнул по её влажной спине, подчеркивая каждую линию уставших мышц.

— Перевернись.. ложись под меня, — хрипло, почти приказным шёпотом выдохнул Верн ей в ухо.

Смена позы в замкнутом салоне потребовала неуклюжей, но осторожной слаженности. Роуи аккуратно отстранилась, перенося вес на руки. Верн перехватил её за талию, помогая лечь спиной на мягкие подушки сиденья, пока сам он, упираясь коленом в край дивана, а локтем — в жесткую пластиковую панель спинки переднего кресла, нависал над ней. Пространства над головой почти не оставалось, его взъерошенные волосы задевали потолок машины, а мышцы рук подрагивали от необходимости удерживать собственный вес, не наваливаясь на Роуи слишком сильно.

Она оказалась под ним, уже с растрепанной прической,

с высоко поднятыми коленями, которые теперь упирались в его бока. В этом положении всё стало глубже и жестче. Когда Верн снова вошел в неё, Роуи невольно вскрикнула, и этот тихий, сорвавшийся звук мгновенно растворился в замкнутом пространстве.

Движения стали прямолинейными, скорыми. Опора на локти позволяла Верну задавать новый, более плотный темп, но реалии тесной машины постоянно напоминали о себе: при каждом глубоком толчке его плечо глухо ударялось о фиксатор ремня безопасности, а Роуи лопатками чувствовала жесткие стыки автомобильного дивана. Но эта грубая осязаемость реальности лишь сильнее разжигала их. Она обхватила его ногами за поясница, притягивая еще ближе, стирая любой намек на дистанцию.

В салоне стало окончательно душно, стекла покрылись плотной пеленой конденсата. Верн двигался лихорадочно, до боли сжимая пальцами её ладони, прижатые к сиденью. Нарастающее напряжение подчинило их себе, превращая звуки прерывистого дыхания, трения кожи о кожу и глухого поскрипывания автомобильных пружин в единый, оглушительный ритм, который неумолимо нес их к финалу.

Вместе с новым, плотным ритмом Верна накрыло глухой волной нежности. Нависая над ней и удерживая вес на одной руке, свободной ладонью он бережно обхватил лицо Роуи за подбородок. Его губы, горячие и сухие от жажды, лихорадочно прижались к её губам, прерывая её прерывистые

вздохи. Он расцеловывал её истово, хаотично: спускался к соленой от пота шее, кусал чувствительную кожу у ключицы, заставляя Роуи сладко выгибаться всем телом, а затем снова возвращался к её рту, ловя каждый тихий стон.

Их движения стали единым, неразрывным целым. Роуи подавалась навстречу каждому толчку, судорожно цепляясь пальцами за его напряженную спину, пока пружины заднего сиденья глухо и ритмично прогибались под их весом. Теснота машины больше не сковывала — она плавila их тела в одно целое, аккумулируя жар под запотевшими стеклами. Скорость нарастала, трение кожи о кожу становилось почти осязаемым, и в какой-то момент оба поняли, что балансируют на самом краю. Напряжение внизу живота скрутилось в тугую, звенящую петлю, и со следующим глубоким, резким толчком Верна они вместе перешагнули эту грань.

Роуи судорожно вскрикнула, до боли вонзаясь ногтями в его лопатки, пока её тело сотрясала крупная, сладкая дрожь, а Верн с хриплым, глухим стоном уткнулся ей в плечо, окончательно отдаваясь этой оглушительной вспышке.

Несколько минут салон заполняло лишь их тяжелое, рваное дыхание. Сердца стучали так громко, словно бились прямо друг о друга.

Постепенно оцепенение начало спадать, уступая место приятной, свинцовой усталости. Им не нужны были слова или объяснения — всё, что произошло, было слишком правильным и очевидным. Роуи устало прикрыла глаза, чув-

ствуя, как затекли её ноги в узком пространстве. Верн, чутко уловив её движение, аккуратно приподнялся на подрагивающих локтях. Медленно, бережно, чтобы не потревожить её, он перекатился на спину, увлекая Роуи за собой.

Они беззвучно поменялись местами в полумраке. Теперь Верн полностью лежал на кожаном диване, а Роуи расслабленно устроилась сверху, спрятав лицо у него на груди. Она чувствовала, как его грудная клетка медленно опускается и поднимается, восстанавливая ритм. Верн закинул одну руку ей за спину, мягко поглаживая влажную кожу лопаток, а другой перебирал её растрепанные волосы. За окном автомобиля всё так же безразлично шумел тусовка и гонки, но здесь, внутри салона, укрытые плотной пеленой конденсата, они наконец обрели свой тихий и осязаемый покой.

Глава 14

Утро ворвалось в их мир не ласковым солнечным лучом, а резким, настойчивым рингтоном, будто кто-то специально выбрал самый раздражающий звук, чтобы встряхнуть Роуи из объятий сна. Она неохотно разлепила веки и на мгновение замерла, осознавая, где находится и на ком лежит.

Под ней, с растрёпанными волосами и чуть приоткрытыми губами, мирно сопел Верн. Его грудь размеренно поднималась и опускалась, и в этом спокойном ритме было что-то до боли трогательное — будто он доверял этому миру, доверял ей настолько, что мог позволить себе быть незащищённым. Роуи на секунду задержала дыхание, любуясь этой редкой минутой его абсолютной расслабленности.

Но телефон не умолкал. С усилием оторвавшись от созерцания, она нащарила его на переднем сиденье и, ещё не до конца вынырнув из сонной дымки, хрипло ответила:

— Алло...

— Руи, ты ещё что ли спишь? Рабочий день уже как полчаса начался, начальник тебя ищет. Я пока сказала, что ты задерживаешься, но у тебя десять минут, чтобы оказаться передо мной,

Асахи говорила почти шёпотом, и в этом шёпоте слышалось напряжение: она явно пряталась от чужих ушей, рискуя ради подруги.

Слова о работе ударили по сознанию, как ледяной душ. Роуи резко приподнялась, невольно надавив коленом на пресс Верна. От этого движения он мгновенно вынырнул из сна, поморщился и что-то неразборчиво пробормотал, потирая глаза.

— Чёрт, работа! Асахи, я скоро! — выпалила Роуи, судорожно оглядываясь в поисках одежды.

— Жду, — коротко бросила Асахи и тут же повесила трубку — в своей привычной манере, не терпящей возражений.

Верн, всё ещё пытаясь стряхнуть остатки сна, с недоумением наблюдал, как над ним в панике суетится Роуи.

— Ты чего там делаешь? — пробормотал он, щурясь от тусклого утреннего света, который уже начинал пробиваться сквозь темноту.

— Верн, давай, вставай, я на работу опаздываю! — она уже натягивала на себя топ, дёргала ручку двери и выскакивала наружу, не успевая толком застегнуться.

— Эй, эй, закрой дверь, я же голый! — Верн резко приподнялся и инстинктивно прикрылся, когда дверь распахнулась, впуская в салон прохладу утра.

Роуи, на ходу поправляя одежду, ступила босыми ногами на асфальт и на секунду замерла, оглядываясь по сторонам. Вокруг царила странная, почти нереальная тишина. Ни людей, ни машин — только серые силуэты заброшенных ангаров, мрачно возвышавшихся на фоне светлеющего неба. Ещё

несколько часов назад это место кипело жизнью: гремела музыка, сверкали фары, воздух дрожал от энергии толпы. А теперь — пустота, будто всё это было лишь сном.

«Как сильно может меняться место», — скользнула в голове Роуи отстранённая мысль, словно её сознание ещё цеплялось за остатки ночной магии, не желая сразу окунаться в будничную реальность.

— Да тут пусто, да и чего я там не видела.

Бросила она с лёгкой усмешкой, в которой всё ещё играли отголоски вчерашнего флирта и той свободы, что они оба ощущали на танцполе и в машине.

Верн недовольно буркнул что-то себе под нос и, быстро подтянув боксеры, захлопнул дверь. Роуи, ощущая под ногами холодный, чуть влажный асфальт, обошла машину в поисках обуви. Прямо перед бампером лежали её массивные розовые туфли — те самые, в которых она пол вечера пыталась балансировать. При виде них её передёрнуло: воспоминание о каждом шаге по неровному асфальту отзывалось в мышцах тупой усталостью.

«Нет, работать в таких я точно не смогу», — решила она, подхватывая туфли и садясь на переднее пассажирское сиденье. Обернувшись назад, она увидела, как Верн застёгивает джинсы, и тут её взгляд упал на пару кроссовок, небрежно брошенных рядом с ним. Не раздумывая, она метнулась назад, схватила их и плюхнулась обратно на сиденье, прижимая находку к себе, как трофей.

— Эй, ты куда? Это мои кроссовки! — Верн замер с ремнём в руках, глядя на неё с таким искренним недоумением, будто она только что похитила что-то невероятно ценное.

— Мне ботинки нужны для работы, а в этих... — она покосилась на туфли, всё ещё зажатые в руке,

— я точно не смогу ни ходить, ни тем более сортировать посылки. Можно я твои возьму? — она посмотрела на него умоляющим взглядом, в котором смешивались паника из-за опоздания и почти детская надежда на чудо.

Но взгляд её невольно скользнул ниже — на обнажённый торс Верна, и в памяти тут же вспыхнули кадры прошедшей ночи: их танец, смех, тот самый поцелуй у капота с продолжением... Сердце на секунду пропустило удар, а щёки предательски вспыхнули.

— А мне в чём предлагаешь быть? — Верн тут же заметил её замешательство и, не давая ей утонуть в воспоминаниях, вернул её в реальность жёстким, но не злым вопросом.

— Нууу, Верн... — протянула она, снова поднимая на него глаза, но теперь уже не умоляющие, а с той самой хитринкой, которая всегда срабатывала.

— Ладно, — вздохнул он, натягивая футболку и признавая поражение перед её неотразимостью. — Только тебе, кажется, они будут немного велики.

Пока Верн пересаживался за руль, пытаясь привыкнуть к ощущению голый ступни на педали — что было непривычно и даже немного неприятно, — Роуи примеряла его крос-

совки. Они действительно оказались на пару размеров больше, сидели свободно, но это всё равно было в сто раз лучше, чем идти по почтовому отделению босиком или мучиться на каблуках.

Она посмотрела на Верна — он уже был почти готов, только взгляд всё ещё оставался немного сонным, будто часть его всё ещё оставалась там, в той ночной вселенной, где не существовало ни работы, ни спешки, ни будильников.

В груди Роуи всё ещё трепещет отголосок той ночи — но теперь к нему примешивалось и другое чувство: предвкушение нового дня, пусть и начинающегося с опоздания и чужих кроссовок.

И, ещё не до конца включившись в будничную суету, они тронулись вперёд — каждый к своим делам, но на какое-то время всё ещё связанные этой странной, но такой настоящей ночью.

Дорога до почтового отделения тянулась одновременно бесконечно и до обидного быстро. Роуи смотрела в окно, но видела не мелькающие мимо серые фасады и не утренние пробки — перед глазами вспыхивали обрывки прошлой ночи: их танец, когда мир сузился до ритма баса и её собственного сердцебиения; тот уголок парковки, где свет фар выхватывал из темноты только их двоих; и машина, ставшая на несколько часов их маленьким убежищем.

Воспоминания не обжигали стыдом — напротив, они грели изнутри, как чашка горячего чая в промозглый день. Ей

не было неловко. Было... правильно. И это чувство, тёплое и настойчивое, росло с каждой минутой, словно подсказывая: это не случайность, не вспышка эмоций, а начало чего-то настоящего.

Она перевела взгляд с размытого городского пейзажа на Верна. Он всё ещё был немного сонным, волосы топорщились в разные стороны, а босые ноги уверенно, хоть и непривычно, управлялись с педалями. И от этой бытовой, почти нелепой картины на губах сама собой расцвела улыбка — тёплая, искренняя, чуть смущённая. Даже в таком виде, едва проснувшись, он не раздумывая вёз её на работу, стараясь сделать всё, чтобы ей было спокойно.

Верн почувствовал на себе её взгляд. На светофоре, пока машина стояла, он позволил себе на секунду отвлечься от дороги и повернуться к ней. В его глазах читалось тихое любопытство: «Что? Что ты там разглядываешь?»

— Верн... — начала Роуи, и голос прозвучал чуть тише, чем она хотела, будто слова были слишком важными, чтобы выкрикивать их в шум улицы.

Он чуть наклонил голову, приглашая её продолжить.

— То, что было вчера... — она запнулась, подбирая слова, которые не звучали бы слишком серьёзно или, наоборот, слишком легкомысленно.

— Это... что это вообще было? Что теперь между нами?

Она принялась накручивать на палец локон, чувствуя, как приятная неловкость разливается по щекам, окрашивая

их румянцем. Это было странно — задавать такие вопросы вслух, но ещё страннее было бы промолчать.

— А что ты хочешь, чтобы между нами было? — спросил он спокойно, без давления, но в этом спокойствии таилась целая бездна ожидания.

Машина тронулась с места, и Верн снова сосредоточился на дороге, но Роуи знала: он слушает. Ждёт её ответа.

Она замолчала, погружаясь в собственные мысли. Пыталась вспомнить, было ли у неё что-то похожее до аварии, каково это — чувствовать, как сердце начинает биться чаще от одного взгляда, от случайного касания. Но прошлое оставалось размытым пятном, а вот настоящее было кристально чётким. За эти две недели Верн ворвался в её жизнь, как ураган, сметая привычную рутину и оставляя после себя что-то новое, живое, настоящее. Она не помнила многого из своего прошлого, но точно знала одно: сейчас у неё есть опора, человек, который не задаёт лишних вопросов, не торопит, не давит, а просто стоит рядом и готов подставить плечо. И по его глазам, по его поступкам она видела, что это взаимно.

Но насколько глубоко это чувство у него? Вчерашняя ночь словно приоткрыла дверь в новую реальность, и теперь Роуи хотелось знать: готов ли он войти туда вместе с ней?

— Я бы хотела попробовать что-то большее, чем просто дружба, — наконец выговорила она, и эти слова, произнесённые вслух, вдруг обрели вес, стали чем-то осязаемым.

— Лучшие друзья? — Верн чуть приподнял уголок губ, в

глазах мелькнул озорной огонёк, и на секунду ей захотелось стукнуть его за эту вечную привычку всё немного обесценить шуткой.

— Да ну тебя! — она шутливо толкнула его в плечо, чувствуя, как внутри всё сжимается от смеси облегчения и раздражения. А потом отвернулась к окну, пряча улыбку, и тут заметила знакомый силуэт здания и яркий жёлтый спорткар на парковке — её ориентир, знак, что время на разговоры истекло.

Верн плавно притормозил у обочины. Повернулся к Роуи, и в этот раз в его взгляде не было ни насмешки, ни уклончивости — только искренность и та самая серьёзность, которую она так ждала.

— Роуи, — произнёс он тихо, но твёрдо, и прежде чем она успела что-то ответить, быстро, почти по-мальчишески чмокнул её в губы. А потом так же стремительно отстранился, будто боялся перегнуть палку, и добавил:

— Давай вечером поговорим.

Роуи замерла, пытаясь осознать сказанное, но времени на осмысление не осталось. Из служебных дверей выскочила Асахи и, размахивая руками, как сигнальными флажками, закричала:

— Быстрее! Ты вообще в курсе, сколько времени?!

Роуи перевела взгляд с подруги на Верна, а потом снова на Асахи. В голове всё смешалось: слова Верна, поцелуй, крик подруги, реальность, которая настойчиво возвращалась, тре-

буя своего.

— Хорошо, договорились, красавчик.

Бросила она с улыбкой, в которой смешались радость, волнение и лёгкая ирония. А потом выскользнула из машины и побежала к Асахи, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, а в груди расцветает что-то новое — то самое, что бывает, когда ты делаешь шаг в неизвестность и точно знаешь, что тебя там ждут.

Быстро, выслушивая возмущение за опоздание от подружки, закончив с переодеванием в рабочую одежду

Роуи вышла в зал, и привычная суэта почтового отделения на мгновение оглушила её — будто она шагнула из одного мира в другой. Здесь не было ни басов, ни мигающих огней, ни пьянящего ощущения свободы: только ровный гул голосов, запах бумаги и чернил, шуршание конвертов и тихий скрип пластиковых лотков.

Иро, стоявший у стойки и терпеливо объяснявший пожилой женщине, как заполнить адрес на электронном письме, заметил её и тепло улыбнулся, махнув рукой. Роуи ответила тем же, чувствуя, как в груди распускается лёгкая благодарность за эту простую, ненавязчивую поддержку. Иро не требовал от неё невозможного, не торопил, не смотрел с укором за опоздание — он просто был рядом, спокойный и надёжный, как маяк в этом новом для неё мире.

Она подошла к своему месту, провела ладонью по прохладной поверхности стойки и на секунду замерла, пытаясь

вспомнить, с чего вообще начинается рабочий день на почте. Инструкции, регламенты, правила сортировки — всё это будто растворилось в тумане, оставив после себя лишь смутные очертания привычных действий. Но стоило ей взять в руки первый конверт, как тело само вспомнило то, что забыла голова.

Роуи машинально проверила индекс, сверила адрес, поставила штамп — движения были чёткими, выверенными, будто она делала это тысячу раз. И в этом странном диссонансе между пустотой в памяти и уверенностью в пальцах было что-то успокаивающее: значит, она не забыла всё, просто некоторые вещи осели глубже, стали частью её, как умение дышать или ходить.

Клиенты подходили один за другим — кто-то отправлял посылку, кто-то забирал заказное письмо, кто-то просто хотел узнать, дошла ли открытка до внука. Роуи слушала их, кивала, отвечала, и с каждым разговором чувствовала, как напряжение понемногу отпускает. Она не всегда помнила точные формулировки или названия тарифов, но интуитивно угадывала, что нужно человеку: кому-то достаточно было просто улыбнуться и сказать «сейчас всё сделаем», а кому-то требовались подробные объяснения, с паузами и повторениями.

Время от времени она всё же ловила себя на том, что зависает над какой-нибудь формой, не в силах вспомнить, в какую графу что вписывать. Тогда она бросала короткий

взгляд на Иро — и он, будто чувствуя её замешательство, незаметно подходил, тихо подсказывал пару слов, показывал, где лежит нужный бланк, и так же тихо отходил, не давая ей почувствовать себя беспомощной. Эти моменты были для Роуи особенно ценными: в них не было ни жалости, ни снисхождения — только спокойная, деловая поддержка человека, который знает, что иногда достаточно просто шепнуть нужное слово, чтобы всё снова встало на свои места.

День тек размеренно, как река, огибающая камни. Роуи принимала письма, оформляла посылки, помогала заполнять бланки, и с каждым часом всё больше чувствовала, как эта работа становится не чужой, а своей — пусть и через старые рефлексy, через тело, которое помнило то, что не могла вспомнить голова.

Когда стрелки часов медленно подползли к обеденному времени, Иро снова подошёл к ней. В его взгляде читалась лёгкая усталость, смешанная с привычной добротой.

— Ты как обычно на обед пойдёшь? — спросил он, чуть наклонив голову.

Роуи на секунду замерла, в её глазах мелькнуло лёгкое недоумение. Фраза «как обычно» повисла в воздухе, словно ключ от двери, которую она не могла открыть. Что значит «как обычно»? Сколько раз она уже ходила на обед в это время? С кем? О чём они говорили, стоя у автомата с кофе?

— А, точно, — Иро вдруг хлопнул себя по лбу, будто только сейчас вспомнил о её провалах в памяти, и тут же поспе-

шил сгладить неловкость. — Вы с Асахи обычно в это время уходили на обед.

Он произнёс слово «обед» второй раз, и в этот момент в желудке Роуи что-то тихо щёлкнуло — будто сработал внутренний будильник, о котором она забыла. Она вдруг осознала, что не ела нормально со вчерашнего утра, и теперь голод, до этого прятавшийся где-то на периферии сознания, настойчиво напомнил о себе.

— Да, пожалуй, я схожу на обед, — кивнула она, слегка улыбнувшись, чтобы скрыть лёгкое замешательство.

Сделав пару шагов к выходу, она вдруг обернулась, поймав себя на мысли, что не хочет уходить одна.

— А ты не с нами? — спросила она, чуть нахмурившись, будто сама удивилась своему вопросу.

— Ну кто-то же должен оставаться на приёнке, — спокойно ответил Иро, кивнув в сторону стойки, где уже выстроилась небольшая очередь. — Я обедаю после вас.

— А, ну да, логично, — пробормотала Роуи, чувствуя, как щёки слегка теплеют от того, что задала, возможно, слишком очевидный вопрос. Но она тут же постаралась не заострять на этом внимание: в конце концов, глупо стыдиться того, что просто хочется, чтобы рядом был кто-то знакомый.

Она вышла на улицу, вдохнула прохладный воздух, смешанный с запахом асфальта и далёкого дождя, и почти сразу заметила Асахи — та стояла у курилки, прислонившись к стене, и выглядела так, будто весь мир мог подождать ещё

пять минут, пока она докурит и соберётся с мыслями.

— Эй, — окликнула её Роуи, подходя ближе. — Иро сказал, что мы обычно ходим на обед в это время.

— Ну наконец-то ты освободилась! — Асахи подняла на неё взгляд, в котором на секунду мелькнуло удивление, а потом вспыхнула привычная, чуть дерзкая искорка — та самая, что делала её не просто коллегой, а настоящей подругой, которая не станет ходить вокруг да около. — Столько всего надо обсудить! Например, с кем ты осталась на ночь и что вообще это за парень? Я его не помню..

Роуи слегка вздрогнула от этого прямого вопроса, будто её застали врасплох за чем-то очень личным. Щёки тут же вспыхнули тёплым румянцем, а в груди на мгновение всё сжалось — словно Верн был не просто парнем, а чем-то сокровенным, чем пока не хотелось делиться даже с Асахи. Она опустила глаза, будто пытаясь найти ответ в трещинах асфальта, и чуть нервно поправила прядь волос, упавшую на лицо.

Асахи, заметив это смущение, тут же смягчилась. Она шагнула ближе, легонько толкнула Роуи плечом — так, как делают только те, кто давно друг друга знает, и махнула рукой, будто все эти вопросы и догадки были сущей ерундой по сравнению с тем, что Роуи вообще вернулась и стоит сейчас рядом.

— Да брось, — проговорила она уже тише, без прежней напористости, но с той самой искренностью, которая всегда

подкупала.

— Главное, что ты здесь. Пошли, я знаю одно место, где делают нормальные сэндвичи, а не эту картонную пародию из нашего автомата. Там и поболтаем, если хочешь.

Роуи подняла на неё глаза и улыбнулась — тихо, но искренне. В этом предложении было столько тепла и понимания, что все неловкие вопросы вдруг перестали казаться такими уж страшными.

И они пошли по улице, мимо витрин и вывесок, мимо спешащих прохожих и медленно ползущих машин. Ветер слегка трепал волосы, солнце скользило по крышам домов, а город жил своей обычной, шумной жизнью — и в этом шуме, в этой суете Роуи вдруг почувствовала себя по-настоящему на своём месте.

С каждым шагом день, который начался с паники, спешки и чужих кроссовок, постепенно обретал форму — не идеальную, не гладкую, а свою, настоящую. В ней было место и неловким вопросам, и тихим подсказкам, и простым радостям вроде нормального обеда с подругой. И, возможно, где-то в глубине души Роуи понимала: именно из таких моментов и складывается жизнь — из разговоров на ходу, из сэндвичей в маленькой уютной закусочной, из того, что рядом есть человек, который не станет давить, а просто скажет: «Пошли, я знаю место».

После обеда, во время которого они с Асахи болтали обо всём и ни о чём — о пустяках, о смешных случаях на по-

что, о том, какой невыносимой бывает очередь в час пик, — девушки вернулись на работу. День дотягивался до финала, словно нехотя сдавая позиции вечеру: клиенты приходили всё реже, свет в зале становился мягче, а тени — длиннее.

Когда смена наконец закончилась, они попрощались так, как прощаются старые друзья — без долгих церемоний, но с той самой теплотой, которая рождается из привычки быть рядом. Роуи стояла у обочины и смотрела вслед уезжающей машине, где рядом сидели Асахи и Иро. Их силуэты в салоне на мгновение слились в один размытый контур, а потом автомобиль плавно растворился в потоке городских огней.

Роуи достала телефон и начала строить маршрут до дома. Пока она шла, пересеживаясь с автобуса на трамвай, потом снова шагая по тротуару, в груди росло странное чувство — будто она возвращается не просто в дом, а к себе самой. По ощущениям, её не было дома целую вечность, хотя на деле прошли всего чуть больше суток. Но за это время столько всего случилось, что привычный мир будто успел слегка сместиться, и теперь она возвращалась в него, как в слегка переставленную комнату: всё на своих местах, но нужно заново привыкнуть к углам и теням.

В голове крутились приятные, почти уютные мысли: отношения, работа, друзья, тусовки — всё это уже не казалось чужим, навязанным, случайным. Всё становилось своим, родным, привычным. И самое главное — та пустота внутри, которая первые дни после аварии казалась бездонной, теперь

будто заполнялась по крупицам. Не сразу, не до конца, но уверенно, как вода медленно заполняет пересохшее русло.

Воспоминания по-прежнему приходили к ней внезапно, как случайные кадры из старого фильма: обрывочные фразы, тёмные силуэты, ощущение чьих-то рук на шее. Но теперь эти вспышки не оставляли после себя ледяного ужаса — они мелькали и гасли, не успевая пустить корни в её сознании.

Анализируя всё, что произошло за последние две недели, Роуи вдруг замерла посреди тротуара. Её будто ударило чем-то тяжёлым и точным — не болью, а внезапной ясностью: в памяти резко всплыл тот разговор с Тру после гонок, слова о дневниках бабушки в гостевом домике. Они прозвучали сейчас так отчётливо, словно Тру стоял прямо перед ней и повторял их, вглядываясь ей в глаза.

Не раздумывая, Роуи свернула с привычного маршрута и направилась к своему участку. Когда она перешагнула порог двора, то сразу пошла в сторону гостевого домика. Снаружи он выглядел почти как сарай: потемневшие от времени доски, покосившаяся крыша, окно с треснувшим стеклом, наполовину затянутое пыльной сеткой. Краска давно облупилась, и дерево местами потемнело от дождей и ветров. Казалось, сюда годами никто не заглядывал, и только узкая тропинка, протоптанная у самой стены, намекала, что кто-то всё же сюда ходит.

Внутри пахло старой древесиной, пылью и чем-то едва уловимо сладковатым — так пахнет забытое, давно не от-

крывавшееся пространство. На первом этаже было пусто, лишь пара старых коробок да сломанный стул, будто дождавшийся починки, которой никогда не случится.

Поднявшись на второй этаж, который по сути был чердаком, Роуи сразу поняла: здесь редко бывали. Пыль лежала ровным слоем на всех поверхностях, и только одна тумбочка у самого окна выглядела подозрительно чистой, будто её протирали совсем недавно. От этого контраста у Роуи по спине пробежал лёгкий холодок — будто кто-то знал, что она придёт, и оставил ей эту маленькую подсказку.

Она невольно чихнула пару раз — пыль поднималась облачками при каждом движении. Подойдя к тумбочке, Роуи осторожно открыла небольшую дверцу. Внутри, плотно прижатые друг к другу, лежали стопки книжек и дневников. Она потянулась к самому крайнему, провела пальцами по потрёпанной обложке и, открыв первую страницу, увидела аккуратную надпись: «2026 год».

Значит, бабушка вела дневники по годам. Роуи медленно перелистнула страницу и начала читать. Имя «Маргарет Харт» отозвалось внутри странным эхом — будто она слышала его раньше, но не могла вспомнить, где и когда.

Но стоило ей прочесть первые предложения, как мир вокруг будто исчез. Звуки улицы, шорох пыли, даже собственное дыхание — всё растворилось в этих строках. Слова Маргарет проникали под кожу, цеплялись за забытые уголки памяти и тянули их на свет.

И вдруг Роуи вспомнила всё.

Не отдельными вспышками, не обрывками, а целиком: свою жизнь, свои эмоции, свои страхи и радости, каждую сцену, каждое слово, каждый взгляд. Воспоминания накатывали волной, сметая последние барьеры, которые держала её психика. Перед глазами мелькали лица, события, разговоры, которые она считала навсегда забытыми.

Глава 15 (Элизабет)

26 марта. 172 дня до аварии.

Маленькая съемная квартира в Буффало тонула в предвечернем хаосе. Бетти в панике металась между комнатами, переворачивая вешалки и пытаясь отыскать одежду, идеально подходящую для сегодняшнего вечера. С момента её переезда из Нью-Йорка прошел ровно месяц. Окончательно освоившись, англичанка набралась смелости и предложила своему новому коллеге встретиться вне работы. Несмотря на пережитый кошмар, Бетти не собиралась заживо хоронить свою прежнюю яркую жизнь; она всё так же регулярно пропадавала в местных барах и ночных клубах, пытаясь заглушить внутреннюю пустоту привычным шумом. Но сегодняшний вечер должен был стать особенным. Разумеется, она рассчитывала на свидание тет-а-тет, но Тру внезапно спутал все карты, мимоходом бросив, что придет не один, а со своей близкой подругой.

«Ладно, посмотрим, что это за подруга», — скептически пронеслось в мыслях Бетти, пока она наносила финальные штрихи макияжа перед зеркалом в ванной.

Она потянулась к шкатулке, достала несколько украшений и принялась надевать их. Но стоило тонкому металлическому ободку одного из колец скользнуть по фаланге пальца, как Бетти резко замерла. Внутри всё похолодело.

Это кольцо она когда-то случайно, почти неосознанно забрала с собой, а теперь оно сработало как капкан. Пальцы обдало фантомной болью. В ушах зашумело, а по венам разлилась леденящая слабость — точно такая же, как в тот кошмарный вечер, когда Бетти не могла даже пошевелить руками. В нос ударил резкий, удушливый запах алкоголя из воспоминаний, от которого к горлу подступила тошнота.

Девушка оцепенела, не мигая всматриваясь в собственное отражение. Из глубины зеркала на неё смотрела ухоженная, красивая Бетти, но за её плечами призраком стояла та, другая девушка. Девушка, которой всего месяц назад грязно воспользовались, растоптали, унизили и безжалостно убили внутри что-то хрупкое и важное. Вся защитная броня слетела в секунду, обнажая ужас, заставивший её бросить всё и бежать сюда, в этот провинциальный дождливый городок.

Бетти никогда не умела сближаться с людьми по-настоящему. Все её прежние подруги, случайные парни и шумные компании были лишь декорациями, поводом выпить и забыться, но никак не родными душами, с которыми можно поговорить начистоту. Сейчас её накрыло острое чувство потерянности. На мгновение она засомневалась во всем, что делает. Она бросила родителей — возможно, единственных людей, которые видели в ней личность, а не просто красивую дорогую игрушку. Здесь, в Штатах, она отчаянно пыталась нащупать иллюзию свободы, но после последних событий ощущение контроля над собственной жизнью испари-

лось без следа.

Единственной зацепкой за нормальность оставался Тру. На работе он казался надежным, чутким и чертовски перспективным — то ли в качестве будущего парня, то ли как первый настоящий друг. Вот только эта Роуи. Подруга, которую Тру упоминал слишком часто и с особым теплом, теперь стояла между ними. Зачем тащить её на их первую неформальную встречу?

Бетти тяжело вздохнула, заставляя себя вынырнуть из омута навязчивых мыслей. Она расправила плечи и внимательно окинула себя взглядом в зеркале.

На ней был облегающий лонгслив глубокого шоколадного оттенка с дерзким глубоким вырезом на груди, стянутым тонкими завязками. На тонкую талию опирался широкий кожаный ремень цвета охры, удерживающий плотные синие джинсы с низкой посадкой, карманы которых были расшиты мелкими металлическими заклепками. Из-за полураспущенных, иссиня-черных длинных волос, мягкими волнами падавших на плечи, поблескивала изящная серьга. Взгляд темных глаз казался одновременно манящим и настороженным, а легкий румянец подчеркивал бледность фарфоровой кожи. Она выглядела безупречно — стильно, притягательно и слегка отстраненно.

Бетти решительно стянула кольцо с пальца и бросила его обратно в шкатулку, словно отсекая от себя всё то плохое, что осталось в прошлом.

— Я приехала сюда, чтобы начать всё с чистого листа, — твердо произнесла она вслух собственное заклинание.

Повторив эту фразу про себя еще пару раз как мантру, Бетти подхватила сумку, щелкнула выключателем, погружая квартиру в темноту, и шагнула за порог — навстречу своему возможному новому будущему.

Доехав до небольшой закусочной в самом центре города, Бетти на секунду замерла у входа. Она сделала глубокий вдох, будто перед прыжком в ледяную воду, и толкнула тяжелую стеклянную дверь.

Негромкий, хрустальный звон дверного колокольчика мгновенно вернул её в реальность, рассеяв остатки дорожной тревоги. Оглядевшись по сторонам, Бетти почти сразу заметила в глубине зала знакомую макушку Тру. Рядом с ним сидела блондинка. Судя по оживленной мимике и активной жестикуляции, девушка прямо сейчас увлеченно о чем-то шутила, а Тру в ответ мягко улыбался.

После нескольких минут неизбежных, слегка натянутых приветствий и неловкого разговора за столиком, троица решила не задерживаться в душном помещении. Они расплатились и отправились бродить по вечерним улицам города, постепенно забирая в сторону района, где Бетти снимала жилье, — чтобы, как деликатно выразился Тру, проводить новую коллегу до дома.

Всю прогулку воздух наполняли простые, ни к чему не обязывающие разговоры обо всем и ни о чем конкретно. К

удивлению самой Бетти, её главным собеседником стала Роуи. Тру по большей части шел чуть позади, примерив на себя роль молчаливого слушателя и лишь изредка вставляя в их диалог короткие фразы. Бетти подмечала эту странную динамику каждую секунду, но благоразумно оставляла все выводы при себе, не решаясь выносить их вслух. И хотя втайне она по-прежнему страстно желала остаться с Тру наедине, чтобы узнать его поближе, Роуи тоже оказалась на редкость приятным человеком.

Конечно, в глазах сдержанной англичанки Роуи выглядела немного вызывающей. Слишком энергичная, слишком звонкая, чересчур заполняющая собой всё пространство — казалось, она неосознанно, но намеренно затмевает идущего рядом тихого Тру. Однако Бетти изо всех сил старалась не заикливаться на раздражающих мелочах. Ей не хотелось портить этот вечер ни себе, ни им. Похоронив зарождающиеся придирки поглубже в подсознании, Бетти поймала себя на мысли, что впервые за долгое время действительно наслаждается обычной пешей прогулкой. Ей не нужно было судорожно просчитывать, как её воспринимают со стороны и слушают ли вообще. В громком, бьющем через край поведении Роуи не было фальши; её искренность парадоксальным образом притягивала, заставляя внутреннюю пружину Бетти наконец расслабиться.

Когда они наконец вышли к многоэтажке Бетти, пришло время прощаться. Девушки торопливо обменялись номера-

ми телефонов. Пожелав им хорошей дороги, Бетти повернулась к подъезду, но у самой двери не выдержала и оглянулась назад.

Уходящая пара уже удалялась по тротуару. Спинай к ней, то и дело всплескивая руками, шла Роуи. До Бетти долетал лишь неразборчивый гул её голоса — блондинка продолжала без умолку что-то говорить, а парень всё так же спокойно и внимательно слушал, склонив к ней голову.

Бетти замерла, внезапно уловившись о резкую, отчетливую мысль: она отчаянно хотела бы оказаться на месте этой девчонки. Хотела бы иметь в своей жизни такого же близкого, значимого человека, каким Роуи была для Тру, и каким Тру, очевидно, был для неё. За эту короткую прогулку Бетти узнала об их связи слишком много. И сейчас внутри неё темной волной скользнула горькая, удушливая зависть. Они уходили вдвоем в этот теплый вечер, а она возвращалась в абсолютно пустую, чужую квартиру, где ей даже некому было позвонить, чтобы просто поделиться первыми эмоциями за день.

С этим глухим, давящим чувством одиночества Бетти перешагнула порог холла и нажала на кнопку вызова лифта, сиротливо глядя на загоревшийся индикатор этажей.

В течение следующей недели в жизни Бетти, к её собственному удивлению, прочно обосновалась Роуи. Блондинка будто ворвалась в её будни свежим ветром — звонила без повода, предлагала встретиться, с любопытством расспра-

шивала о мелочах, которые раньше никто не замечал. Для Бетти это было в новинку: и в Англии, в детстве, и в Нью-Йорке, она чаще бывала частью компании, чем её центром. Её присутствие словно заполняло паузу, сглаживало углы, но редко становилось кем-то по-настоящему важным. Парни никогда особо не задерживали на ней взгляд — даже Тру, хоть и был вежлив, помогал по работе, шутил время от времени, не давал поводов думать, что она для него — не просто коллега и подруга Роуи.

А вот Роуи, напротив, сама взяла всё в свои руки. Она посвящала Бетти в истории из своего прошлого, рассказывала про Тру — не как про «лучшего друга», а как про живого человека: с его привычками, смешными оговорками, тихими моментами, когда он вдруг становился удивительно уязвимым. Они ездили друг к другу в гости, сидели допоздна, болтая обо всём подряд, и однажды Бетти сама предложила сходить по магазинам — и была по-детски счастлива, когда Роуи согласилась. После этого дня у неё в груди поселилось новое, непривычное чувство: будто она наконец нашла ту самую подругу, которую всю жизнь искала. С Роуи было легко, как с человеком, рядом с которым можно не подбирать слова, не прятать слабости, не бояться показаться глупой. Ей хотелось рассказывать всё: и про смешные мелочи, и про то, что жгло изнутри.

И потому в один из дней, сидя в торговом центре среди пакетов и коробок, Бетти решила. Они только что закончи-

ли очередной круг по магазинам, и теперь отдыхали за столиком: Роуи откусывала круассан, а Бетти нервно теребила ремешок сумки, собираясь с мыслями.

— Ру, — тихо позвала она, чуть подмигнув, чтобы хоть немного снять напряжение.

— Раз мы с тобой теперь прямо подружки-подружки.. Я бы хотела одну тему обсудить.

Роуи на секунду замерла с круассаном в руке, покосилась на подругу с лёгким недоумением:

— Боюсь спросить, о чём ты, Бетти?

— Это касается Тру..

Бетти выдохнула, будто прыгнула с высоты, и, набрав в грудь воздуха, выпалила:

— Он.. ну, не знаю.. мне нравится?

Едва договорив, она тут же испугалась собственной смелости. Напротив неё Роуи резко подавилась лимонадом, закашлялась, глаза расширились, а лицо на мгновение стало почти комично удивлённым. Бетти тут же вскочила и начала осторожно хлопать её по спине.

— Эй, ты чего? Нормально же всё? — в панике тараторила она, будто если будет говорить достаточно быстро, неловкость рассеется сама собой.

Когда Роуи наконец отдышалась, сделала ещё пару глотков лимонада и снова обрела способность говорить, она уставилась на Бетти так, будто видела её впервые:

— Подожди, ещё раз? Что ты сказала?

Бетти нервно потёрла руку, опустив взгляд на стол.

— Ну.. я не говорю, что хочу прямо замуж и всё такое. Просто.. от Тру будто веет чем-то таким надёжным. С ним я чувствую, что моя тревога утихает, понимаешь? По крайней мере, мне так кажется. Я не знаю, это просто вежливость с его стороны или он правда проявляет ко мне интерес. И это.. как запретный плод, знаешь? Меня это почему-то ещё сильнее притягивает. Как будто я снова в школе, гадаю, нравится ли я ему.

Она говорила быстро, сбивчиво, и в этом потоке слов слышалось столько уязвимости, что у Роуи что-то дрогнуло внутри.

— Как это неожиданно.

Протянула она, всё ещё слегка морщась от воспоминания о застрявшем в горле лимонаде.

— В следующий раз, пожалуйста, предупреждай, когда собираешься говорить такие вещи. Я тогда вообще ничего есть и пить не буду.

Бетти виновато улыбнулась:

— Прости, просто захотелось поделиться. Но, можно, чтобы это осталось между нами?

Роуи чуть задумалась, будто мысленно взвешивала «за» и «против», а потом, чуть прищурившись, ответила в своей привычной игривой манере:

— Ладно, пусть будет нашим маленьким секретом.

— Спасибо, Ру, — выдохнула Бетти, и в её голосе было

столько облегчения, что Роуи невольно улыбнулась в ответ.

— И.. надеюсь, ты не против, что я твоего друга хочу увести? — добавила Бетти с хитрой усмешкой, пытаясь вернуть лёгкость в разговор.

— А почему я должна быть против? — Роуи пожала плечами, будто речь шла о чём-то совершенно обыденном.

— Ну, не знаю. Вдруг, если мы начнём встречаться, он будет больше времени проводить со мной, а не с тобой. Ты не будешь ревновать?

Бетти хихикнула, но в смехе сквозила и настоящая тревога: а вдруг она действительно что-то ломает, разрушит привычную дружбу?

— Ой, если тебе так нравится этот комок угрюмости — забирай, конечно. Только имей в виду: возврату не подлежит.

Бросила Роуи, и обе девушки рассмеялись, а неловкость, висевшая в воздухе, наконец рассеялась, как утренний туман под солнцем.

В этом смехе Бетти почувствовала нечто невероятно ценное: искренность, заботу, интерес к себе. Будто ей действительно можно было рассказать всё, и её не осудят, не посмеются, а просто выслушают. И на какое-то время ей стало спокойно.

Но спокойствие длилось недолго. Пока смех затихал, в голове Бетти снова проскочила мысль, а следом за ней — очередной обрывок воспоминания: та ночь в Нью-Йорке, непри-

ятная квартира, чужие жадные руки, резкие движения, ощущение, будто её тело больше не принадлежит ей. Боль вспыхнула на запястьях, будто кто-то снова сжал их железной хваткой, в горле пересохло, а к глазам подступили слёзы. Она едва успела их сдержать, но мир на секунду потемнел, сжался до одной острой точки боли.

— Бетти, всё хорошо? — голос Роуи прозвучал резко, чётко, как щелчок, возвращающий в реальность. Перед Бетти склонилось встревоженное лицо подруги, в глазах — искреннее беспокойство, никакой неловкости, только желание помочь.

— А, да, да. Просто задумалась

Быстро проговорила Бетти, стараясь, чтобы голос звучал ровно, будто ничего не случилось.

— Ладно

Роуи не стала давить, не стала требовать подробностей, просто чуть наклонила голову, давая понять, что готова слушать, если Бетти захочет говорить.

— Давай доедай, и пойдём на автобус, а то домой не вернёмся.

Бетти кивнула, сжала в пальцах стаканчик с лимонадом, чувствуя, как холод пластика возвращает её в настоящее. Они снова заговорили о пустяках — о том, какой свитер лучше смотрится с этими джинсами, о том, что кофе в соседней кофейне слишком горький, о том, как странно пахнет в отделе косметики. И в этой болтовне, простой и обыденной,

Бетти понемногу снова чувствовала себя в безопасности.

Рядом была подруга, которая не требовала от неё быть сильной, не заставляла улыбаться, но и не позволяла провалиться в темноту. И этого, на сегодня, было достаточно.

В одну из ночей, сидя у себя дома, Бетти привычно перебирала в голове обрывки прошедшего дня, пытаясь уложить их в какой-то понятный порядок, как раскладывают по коробкам старые письма. Она мечтала о чём-то простом — о выходных без смен, о чашке горячего шоколада, о том, чтобы хоть раз проснуться без будильника. Но мысли снова и снова возвращались к недавнему случаю, который никак не хотел укладываться в привычную рутину её жизни.

Перед тем как забрать смену у Тру и выйти на работу, она, как обычно, зашла в продуктовый напротив бара. Это место стало почти родным: узкий проход между стеллажами, запах кофе и выпечки, приглушённый свет, знакомый скрип касового аппарата. Бетти часто забежала сюда за водой или чем-нибудь на ужин — ночные смены приучают ценить любую мелочь, которая помогает держаться на ногах.

Но в этот раз всё пошло не так с самого начала. Едва она вошла, продавец за кассой поднял на неё взгляд — и в этом взгляде было что-то такое, отчего по спине пробежал неприятный холодок. Он не просто смотрел — он изучал её, будто пытался угадать, что скрывается за её усталостью, за привычной улыбкой, за попыткой казаться неприметной. Его глаза скользили по её фигуре, задерживались на деталях, и от это-

го взгляда хотелось съёжиться, спрятаться за полкой с консервами, сделать вид, что она пришла не за покупками, а просто посмотреть на ценники.

Бетти старалась не замечать этого, быстро схватила то, что нужно для смены — бутерброд, бутылку воды, энергетик, — и направилась к кассе, надеясь, что всё пройдёт как обычно: короткий обмен вежливыми фразами, оплата, быстрый выход на улицу, где воздух чище и взгляды не такие липкие.

Но стоило ей положить покупки на ленту, как мужчина тут же оживился. С делано-любезной улыбкой он начал пробивать товары, параллельно заводя разговор: откуда она, как зовут, сколько лет, есть ли парень, где живёт. Вопросы сыпались один за другим, быстрые, настойчивые, будто он пытался собрать из них какой-то пазл, который имел для него особое значение. Бетти отвечала максимально расплывчато, короткими, сухими фразами, стараясь не дать ему ни капли лишней информации. Она смотрела на экран кассы, на бегущие цифры, на мигающий штрих-код, лишь бы не встречаться с ним взглядом.

Когда на ленте остался только энергетик, мужчина вдруг резко поднял голову и спросил:

— У тебя же наличка?

Бетти вздрогнула от неожиданности. Она покупала здесь не первый день, всегда расплачивалась картой, и такой вопрос прозвучал как удар по привычной, безопасной реальности.

— Как обычно, картой, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, хотя внутри уже нарастало неприятное напряжение.

— Прости, сегодня касса не работает. Только наличка. Проговорил он, и в его тоне не было ни капли сожаления — скорее, какая-то странная, почти хищная уверенность.

Бетти недоверчиво посмотрела на аппарат: экран светился, всё выглядело абсолютно рабочим. Прежде чем она успела что-то сказать, мужчина резко протянул руку через кассу и схватил её за запястье. Его пальцы сомкнулись крепко, неприятно, будто он хотел не удержать, а пометить.

— Ну или можем иначе договориться, — он отвратительно ухмыльнулся, кивая в сторону маленькой каморки за прилавком.

— У меня там уютно.

— Что, простите?

Выдохнула Бетти, пытаясь выдернуть руку, но хватка только усилилась. Боль острой иглой впиалась в кожу запястья, и этот физический дискомфорт вдруг слился с чем-то гораздо более страшным — с волной паники, которая накрыла её с головой.

В сознании Бетти с оглушительным треском сдетонировали обрывки воспоминаний — душный, залитый неонам пентхаус Нью-Йорка, резкий, удушливый запах крепкого алкоголя вперемешку с дорогим мужским парфюмом, и бесконечное, кошмарное количество чужих, безжалостных рук,

которые намертво вжимали её в матрас. Голоса, сливающиеся в единый глумливый гул, в упор отказывались слышать её хриплое, задышающееся «нет». Она снова почувствовала себя той самой беспомощной, парализованной куклой, которая лежит в запертой комнате и понимает, что сквозь грохот клубной музыки её крик никто и никогда не услышит. Сердце судорожно забилося где-то у самого горла, перекрывая кислород, дыхание стало рваным и свистящим, а в ушах нарастал плотный, давящий шум, полностью отрезающий её от реальности.

«Не снова, пожалуйста, господи, только не снова», — диким набатом стучало в голове. Весь мир сузился до фантомной железной хватки на её запястьях, до чужих грязных ухмылок над ней и липкого, животного страха, который намертво сковывал каждое движение, лишая возможности даже вздохнуть.

И вдруг сквозь этот плотный, удушающий водоворот чужого кошмара её буквально выдернул низкий, ровный и удивительно спокойный голос:

— Эй, что тут происходит?

Бетти судорожно, всем телом дернула голову в сторону звука, в глазах виднелись слезы, которые она отчаянно пыталась сдержать. В дверном проеме магазина стоял Тру — чуть нахмуренный, собранный и монументальный, будто само присутствие этого парня сделало воздух вокруг тяжелее, плотнее и, впервые за долгое время, безопаснее.

Продавец тут же отпустил её руку, словно обжёгся, и забормотал:

— Нет-нет, ничего, просто проблемы с оплатой у девушки.

Тру перевёл взгляд с него на Бетти. Она стояла, едва держась на ногах, и чувствовала, как земля уходит из-под ног. Он подошёл ближе, приобнял её за плечи — не слишком крепко, но достаточно, чтобы она почувствовала опору, реальную, тёплую, настоящую.

— Дорогая, всё точно хорошо? — тихо спросил он, вглядываясь в её лицо, будто пытаясь прочесть там то, что она не могла произнести вслух.

Слово «дорогая» на секунду повисло в воздухе, странное и непривычное. «Это он мне? Мне?» — пронеслось в голове Бетти, но она не успела ни ответить, ни даже подумать об этом. Тру надавил рукой ей на плечо, взял с кассы один энергетик и, не глядя на продавца, повёл её к выходу.

— Эй, а энергетик оплатить! — выкрикнул мужчина, но Тру даже не обернулся.

— Это за моральный ущерб.

Спокойно бросил он через плечо, а потом, чуть отстранившись от Бетти, развернулся и зашёл обратно в магазин.

Она осталась стоять у двери, судорожно глотая воздух, будто только что вынырнула из воды. В голове шумело, руки дрожали, а перед глазами всё ещё стояла та ухмылка, те липкие глаза, та хватка, которая не хотела отпускать. Она не хо-

тела возвращаться туда даже за Тру, не хотела снова видеть это место, этот свет, эти полки, которые вдруг стали казаться враждебными.

Через пару минут Тру вышел из магазина и протянул ей энергетик.

— Держи.

Сказал он просто, без лишних слов.

Бетти молча взяла банку, пальцы едва слушались.

— Спасибо.

Прошептала она, и голос прозвучал так тихо, что она сама едва его слышала.

— Больше ни ногой в этот магазин, поняла? — он посмотрел на неё серьёзно, без улыбки, но в этом взгляде не было осуждения — только забота, тяжёлая и надёжная, как бро- нежилет.

— И не забывай, что у тебя есть мой номер. Если что — запиши меня как «любимый», чтобы в следующий раз можно было сказать, что есть парень. Я уже передал смену, удачи тебе, дорогая.

Он чуть приобнял её, и на мгновение Бетти почувствовала знакомый терпкий запах — табака, алкоголя, чего-то мужского, грубоватого, но такого безопасного рядом с ним. А потом он ушёл, растворившись в тёмных улицах города, оставив её одну справляться с тем, что только что произошло.

Бетти судорожно сжала в руке энергетик и побрела в сторону бара. Она приняла смену, переоделась, механически

выполняя привычные действия, будто тело знало, что делать, даже если разум всё ещё был где-то там, в тесном магазине, перед ухмыляющимся продавцом.

Зайдя в туалет для персонала, Бетти с глухим стуком заперла дверь на задвижку. Она судорожно оперлась ладонями о холодные края раковины и уставилась на свое отражение: мертвенно-бледная кожа, расширенные от ужаса зрачки и ходящие ходуном губы. В этот момент плотина, которую она с таким трудом удерживала внутри, с треском рухнула, и её накрыла дикая, удушающая истерика.

Ее душили горькие, обжигающие слезы, но плакала она не от жалости к себе, а от невыносимого, парализующего осознания очередной беспомощности. Мерзкие сальные намеки и попытка продавца притиснуть её там, в магазине, сработали как детонатор. Наглый жест чужака мгновенно содрал свежие шрамы с её психики, заставив во всех красках, до мельчайших деталей пережить тот кошмар в пентхаусе Нью-Йорка. Прошлое и настоящее слились в один сплошной ад. Навалившаяся паника лишала возможности дышать, и Бетти просто содрогалась в беззвучных рыданиях, позволяя наружу выйти всей той грязи, боли и животному страху, которые она так отчаянно и тщетно пыталась спрятать в Буффало за маской вежливой улыбки.